Касслер Клайв

«Тихоокеанский водоворот»

Предисловие

Это не слишком важно, но перед вами первый рассказ о Дирке Питте.

Научившись писать увлекательные приключенческие романы циклами, я попытался найти своего особенного героя. Который не был бы тайным агентом, полицейским, детективом или частным сыщиком. Резкого и грубоватого, но в то же время стильного, чтобы с равной легкостью ухаживал за великолепными женщинами в роскошном ресторане и пил пиво с парнями в местном салуне. Настоящего героя с налетом таинственности.

Его стихией станет не казино и не улицы Нью- Йорка, а море, вызывающее и неведомое.

Эти поиски воплотились в Дирке Питте.

Поскольку у его первого приключения нет сложного сюжета, присущего последующим историям, я решил не печатать этот первый опыт. Но из-за давления друзей, семьи, фэнов и читателей я все же представляю вам первое дело Питта.

Считайте его всего лишь несколькими часами занимательного чтения и, может быть, своего рода артефактом истории.

Клайв Касслер

Пролог

Всякий океан получает свою долю людей и судов, но ни один не прожорлив так, как Тихий. На Тихом океане произошел мятеж на «Баунти», и мятежники сожгли корабль у острова Питкерн. Под волнами Тихого покоится «Эссекс», единственный известный корабль, затопленный китом (случай, легший в основу романа Мелвилла «Моби Дик»), и «Кайо-мару», разлетевшийся на куски при извержении подводного вулкана прямо под его корпусом.

Несмотря на все это, величайший океан планеты считается спокойным; об этом говорит даже его название.

Может быть, именно поэтому коммандер Феликс Дюпре совсем не думал о возможных катастрофах, поднимаясь незадолго до наступления ночи на мостик атомной подводной лодки «Старбак». Он кивнул вахтенному

офицеру и облокотился на поручень, глядя, как без малейших усилий нос его корабля раздвигает катящиеся навстречу волны.

Люди уважают море, его безграничность обычно даже пугает их. Но Дюпре был не таков, как большинство: огромность никогда не пугала его. Он двадцать лет провел в море, из них четырнадцать — на подводных лодках, и жаждал признания. Дюпре был капитаном новейшей и самой революционной подводной лодки, но хотел большего.

«Старбак» целиком построили в Сан-Франциско, и построили так, как никакой другой корабль в мире:

каждый компонент, каждую систему прочного корпуса рассчитали с помощью компьютеров. Это был первый из нового поколения подводных кораблей — настоящий подводный город, способный на ста двадцати пяти узлах двигаться в неподвластных времени глубинах в двух тысячах футов под освещенной солнцем поверхностью. «Старбак» походил на породистого жеребца перед первой гонкой, который грыз удила, готовый показать, на что способен.

Но зрителей у него не будет. Департамент подводного оружия приказал провести испытания в строжайшей тайне, в отдаленном районе Тихого океана, и без кораблей сопровождения.

Дюпре стал командиром «Старбака» в его первом походе благодаря своей исключительной репутации. В Военно-морской академии сокурсники прозывали его Базой Данных: зарядите Питта фактами и смотрите, как из его уст звучат логичнейшие ответы. Подводникам хорошо были известны мастерство и талант Дюпре, но на военном флоте для продвижения необходимы и особые личные качества, влияние и умение формировать общественное мнение. Поскольку у Дюпре ничего из перечисленных качеств не было, его недавно обошли при повышении.

Прозвучал звонок; вахтенный офицер, высокий черноволосый лейтенант, взял трубку. Выслушав сказанное на том конце, он дважды кивнул и повесил трубку.

— Центральный пост, — коротко сказал он. — По данным эхолота, за последние пять миль морское дно поднялось на полторы тысячи футов.

Дюпре медленно и задумчиво обернулся.

— Вероятно, небольшой подводный хребет. У нас под килем еще миля воды. — Он улыбнулся и добавил: — Не о чем беспокоиться.

Лейтенант улыбнулся в ответ.

— Нам хватит и нескольких футов под килем.

Дюпре с улыбкой снова повернулся к морю, поднял бинокль, висевший на шее, и внимательно всмотрелся в горизонт. За многие тысячи одиноких часов, проведенных в разных океанах на борту разных кораблей, жест стал для него привычным. Жест был совершенно бесполезный: сложная современная радарная система «Старбака» обнаруживала объект задолго до того, как он становился виден невооруженным глазом. Дюпре знал это, но что-то в самом виде моря очищало человеческую душу.

Наконец он вздохнул и опустил бинокль.

— Спущусь поужинать. Подготовьте мостик к погружению в 21:00.

Дюпре прошел через три уровня ходовой рубки — «паруса», как ее называют современные моряки, — и зашел в центральный пост. Дежурный офицер и штурман склонились к картам на столе и изучали данные о глубинах. Дежурный офицер взглянул на Дюпре.

— Сэр, у нас очень странные показания.

— Нет ничего лучше загадки, чтобы завершить день, — добродушно ответил Дюпре.

Он прошел между двумя моряками и посмотрел на отлично отпечатанную карту, освещенную мягким светом сквозь матовую стеклянную поверхность стола. Карту пересекали несколько темных линий, рядом с ними были старательно выписаны числа и математические формулы.

— Что у нас тут? — спросил Дюпре.

Штурман медленно заговорил:

— Дно поднимается с поразительной быстротой. Если на следующих двадцати пяти милях подъем не прекратится, мы уткнемся в несуществующий остров или острова.

— Где мы?

— Здесь, сэр, — ответил штурман, постучав карандашом по карте. — В шестистах семидесяти милях к северу от мыса Кахуку, Оаху, направление ноль-ноль-семь градусов.

Дюпре подошел к панели управления и взял микрофон.

— Радар, говорит капитан. Есть что-нибудь?

— Нет, сэр, — ответил механический голос из динамика. — Экран чист... минутку... поправка, капитан. В двадцати трех милях прямо по курсу неясные показания.

— Объект?

— Нет, сэр. Скорее низкое облако. Или дымный след. Не могу разобрать.

— Хорошо, доложите, когда установите точнее. — Дюпре повесил микрофон и посмотрел на людей у штурманского стола. — Ну, джентльмены, что скажете?

Дежурный офицер покачал головой.

— Нет дыма без огня. А где огонь, там что-то горит. Нефтяное пятно, может быть?

— Нефтяное пятно... откуда? — нетерпеливо спросил Дюпре. — Мы далеко от судоходных маршрутов. Маршрут из Сан-Франциско в Гонолулу и дальше проходит в четырехстах милях к югу. Это одно из самых пустынных мест в океане; именно поэтому Флот и выбрал его для первых испытаний «Старбака». Без посторонних глаз. — Он покачал головой. — Горящее нефтяное пятно не подходит. Больше подошел бы новый вулкан, поднимающийся из Тихого. Но и это всего лишь гипотеза.

Штурман отметил место, зафиксированное радаром, и провел на карте окружность.

— Низкое облако на поверхности или возле нее, — задумчиво сказал он вслух. — Весьма маловероятно.

Атмосферные условия никак не соответствуют ничему такому.

Ожил громкоговоритель:

— Капитан, говорит радар.

— Капитан слушает, — ответил Дюпре.

— Я опознал его, сэр. — Голос как будто помедлил, прежде чем продолжить. — Объект расшифровывается как полоса густого тумана диаметром около трех миль.

— Вы уверены?

— Ставлю свой паек, сэр.

Дюпре нажал на переключатель микрофона и позвонил на мостик.

— Лейтенант, впереди отмеченный радаром объект. Дайте знать, как только что-нибудь увидите. — Он повесил трубку и повернулся к дежурному офицеру. — Глубина?

— Быстро уменьшается. Две тысячи восемьсот футов, подъем продолжается.

Штурман достал из наружного кармана носовой платок и вытер шею.

— Понятия не имею, что это. Единственный подъем примерно такой же крутизны — Перуанско-Чилийский желоб. Начиная с глубины в двадцать пять тысяч футов под поверхностью моря, он поднимается на одну милю по вертикали за каждую милю по горизонтали. До сих пор он считался самым грандиозным подводным склоном.

— Да, — хмыкнул дежурный офицер. — Как вы думаете, устроят морские геологи бал по поводу этого открытия?

— Тысяча восемьсот футов, — послышался бесстрастный голос из рубки гидроакустики.

— Боже! — ахнул штурман. — Подъем на тысячу футов меньше чем за полмили. Это просто невозможно!

Дюпре прошел к левой стене рубки управления и приблизил нос к стеклу, закрывавшему экран эхолота. На цифровом дисплее морское дно было представлено черной ломаной линией, быстро поднимающейся к красной точке — тревожной отметке на шкале. Дюпре положил руку на плечо оператору сонара.

— Ошибки в показателях возможны?

Оператор гидролокатора щелкнул переключателем и взглянул на соседнюю шкалу.

— Нет, сэр. Такие же данные поступают от независимой резервной системы.

Дюпре несколько мгновений смотрел на поднимающуюся линию. Потом вернулся к столу и посмотрел на отметку, означавшую положение его корабля относительно поднимающегося дна.

— Говорит мостик, — послышался механический голос. — Мы его видим. — Несколько секунд промедления. — Если бы не знал, где мы, сказал бы, что это что-то вроде доброго старого новоанглийского тумана, только пожиже.

Дюпре щелкнул микрофоном.

— Вас понял.

Он с непроницаемым лицом продолжал задумчиво смотреть на карту.

— Отправить сигнал в Перл-Харбор, сэр? — спросил штурман. — Оттуда могли бы выслать самолет-разведчик.

Дюпре ответил не сразу. Пальцами одной руки он барабанил по столу, вторая неподвижно висела вдоль тела. Дюпре никогда не принимал неосторожных решений. Каждый его шаг соответствовал уставам.

Многие моряки со «Старбака» служили с Дюпре и на других кораблях, и, хотя никто не преклонялся перед ним, его способности и рассудительность уважали и восхищались ими. Все доверяли ему, убежденные, что он не допустит ошибки и не поставит их жизни под угрозу. В любом другом случае это соответствовало бы истине. Но на сей раз все страшно ошибались.

— Давайте посмотрим, что это, — тихо сказал Дюпре.

Дежурный офицер и штурман переглянулись. Приказ был провести испытания «Старбака», а не гоняться за призрачным туманом на горизонте.

Никто не знает, почему капитан Дюпре вдруг поступил вопреки себе и нарушил приказ. Возможно, его слишком сильно манило неведомое. Может быть, он представил себя исследователем, увенчанным славой, в которой ему всегда отказывали. Какова бы ни была причина, она так и осталась неизвестной. «Старбак», словно спущенная со сворки гончая, взявшая след, лег на новый курс и двинулся, рассекая волны.

«Старбак» должен был прибыть в Перл-Харбор в понедельник. Когда он не появился, а самые тщательные поиски с воздуха и с моря не выявили ни масляных пятен, ни обломков, Флот вынужден был признать потерю одного из новейших кораблей и ста шестидесяти членов его экипажа. Ошеломленной нации сообщили, что «Старбак» погиб где-то в Тихом океане. Исчезновение корабля и его экипажа было окружено тайной. Неизвестно, когда, где и почему.

Глава 1

В штате Гавайи с его многолюдными пляжами еще можно отыскать полоску песка, сулящую некоторое уединение. Мыс Каена, выступающий в пролив Кауаи, словно выбитый из суши ударом боксера, был одним из немногих мест, дающих возможность расслабиться и насладиться видом пустынного берега. Пляж прекрасный, но и коварный. У берега проходит быстрое течение, чрезвычайно опасное для всех, кроме самых осторожных пловцов. Каждый год, словно по мрачному расписанию, неизвестный купальщик, привлеченный пустынным песчаным пляжем и ласковым прибоем, заходит в море и через несколько минут исчезает.

Именно на этом пляже загорелый дочерна мужчина ростом шесть футов три дюйма, в белых плавках, вытянулся на бамбуковой циновке. Капли пота стекали с волосатой бочкообразной груди на бока, оставляя

извилистые дорожки, и впитывались в песок. Рука, закрывавшая глаза от лучей тропического солнца, была мускулистой, но без перекаченных бугров, какие бывают у любителей «качать железо». Волосы, черные, густые и косматые, падали на лоб. Лицо было дружелюбное, но с твердыми чертами.

Дирк Питт очнулся от полудремы, приподнялся на локтях и уставился на океан темно-зелеными блестящими глазами. Питт не обычный отдыхающий: для него пляж — живое, подвижное существо, под действием ветра и волн постоянно меняющее форму. Питт смотрел на волны, которые прикатились издалека, где родились во время шторма; когда песчаное дно под ними повышалось, волны росли, росла скорость их движения, и они превращались в прибой. Волны вздымались все выше — до восьми футов, как определил Питт — а потом обрушивались на берег грохочущей лавиной пены и брызг. И умирали маленькими водоворотами на границе прибоя.

Внезапно взгляд Питта привлекла вспышка цвета за чертой прибоя, примерно в трехстах футах от берега. Вспышка сразу исчезла, скрывшись за гребнем волны. Питт с любопытством смотрел на то место, где заметил ее. Когда схлынула очередная волна, вспышка опять мелькнула в лучах солнца. Форму предмета на таком расстоянии определить невозможно, но яркое, флуоресцентное, зеленое свечение ни с чем не перепутаешь.

Самое умное, подумал Питт, просто лежать и ждать, когда прибой прибьет предмет к берегу; но он отбросил эту здравую мысль, поднялся и неторопливо направился к морю. Когда вода дошла до колен, он изогнул спину и нырнул под следующую волну, рассчитав нырок так, что только ногами ощутил, как волна прокатилась над ним. Вода казалась теплой, как в бассейне с подогревом, градусов 25. Вынырнув, Питт поплыл сквозь пену; плыл он легко, позволяя течению увлечь его на глубину.

Через несколько минут он остановился и повис в воде, отыскивая пятно желтого цвета. И увидел его в двадцати ярдах слева. Преодолевая это расстояние, он не отрывал взгляда от необычного плавучего предмета, теряя его из виду лишь на мгновения, когда тот скрывался в промежутках между волнами. Почувствовав, что течение уносит его слишком далеко вправо, Питт вернулся на прежний курс и удлинил гребки, чтобы подольше не уставать.

Но вот он доплыл и прикоснулся к гладкому цилиндру длиной примерно два фута, шириной восемь дюймов и весом меньше шести фунтов. Предмет был завернут в водонепроницаемую желтую пластиковую оболочку с надписью с обоих концов черными буквами «ВМФ США».

Питт обхватил предмет руками и расслабился, обдумывая свое теперь опасное положение относительно берега.

Он осмотрел берег, надеясь, что кто-нибудь видел, как он входит в море, но в оба конца пляж на мили оставался совершенно пустынным. Питт решил не осматривать крутые утесы у берега; бессмысленно полагать, что кто-то вздумает карабкаться на них в середине рабочей недели.

Питт задумался, зачем так глупо и беспричинно рискнул. Виноват был загадочный желтый предмет, а, единожды начав, Питт и не подумал идти на попятную. И оказался во власти безжалостного моря.

На мгновение он задумался, не сумеет ли по прямой доплыть до берега. Но лишь на мгновение. Возможно, Марк Спитц[1] справился бы, но Питт был уверен, что ему самому всех этих олимпийских медалей не видать, поскольку он выкуривал по пачке сигарет в день и выпивал по вечерам несколько порций виски «Катти Сарк». И решил попытаться переиграть мать-природу по ее же правилам.

Питт был хорошо знаком с поведением течений и противотечений; он годами занимался серфингом и постиг все тонкости. Человека могло унести в открытое море, а в ста ярдах от него дети кувыркались бы в волнах, не замечая ни малейшего течения. Беспощадное подводное противотечение возникает, когда прибой возвращается в море по узким, прорытым в донном песке каньонам. Ток воды меняет здесь направление и уходит от берега, часто со скоростью четыре мили в час. Течение почти истощилось, и Питт понял, что должен плыть параллельно берегу, пока не уйдет от песчаного дна, а потом выбраться на сушу совсем в другом месте.

Единственное, что его беспокоило, это нападение акул. Морские машины для убийства не всегда оповещают о своем присутствии острым плавником. Они легко могут напасть снизу, без предупреждения, а Питт без маски и не может знать, когда и откуда ждать удара. Он просто надеялся добраться до берега раньше, чем его занесут в обеденное меню. Он знал, что акулы редко подплывают к берегу, ведь волны поднимают песок, и тот попадает в жабры; поэтому здесь могли искать добычу только самые голодные хищники.

Теперь беречь силы не приходилось: Питт плыл так, словно за ним гнались все акулы-людоеды Тихого океана. Потребовалось пятнадцать минут энергичных гребков, прежде чем первая волна мягко подтолкнула его к берегу. Прошли девять волн прибоя; десятая подхватила плавучий цилиндр вместе с Питтом и поднесла на двенадцать футов от берега. Как только его колени коснулись дна, Питт встал, пошатываясь, как переживший крушение моряк, и пошел к берегу, буксируя добычу. И с благодарностью опустился на нагретый солнцем песок.

Он устало принялся разглядывать цилиндр. В пластике обнаружилась необычная алюминиевая капсула. Бока выложены резиновыми стержнями, напоминающими миниатюрные железнодорожные рельсы. С одной стороны — навинчивающаяся крышка. Питт принялся свинчивать ее, удивляясь большому количеству поворотов. Наконец крышка осталась у него в руке. Внутри цилиндра лежали несколько плотно свернутых листков, и больше ничего. Питт осторожно извлек их и начал разглядывать эту рукопись.

Он читал, и словно ледяная рука коснулась его. Несмотря на тридцатидвухградусную жару, по коже побежали мурашки. Он несколько раз пытался оторваться от чтения, но не мог, ошеломленный невообразимостью прочитанного.

Дочитав последнее предложение, Питт добрых десять минут отсутствующим взглядом смотрел в море. В конце документа стояло: «адмиралу Ли Хантеру». Питт медленно, осторожно вложил листочки обратно в цилиндр, завинтил крышку и тщательно натянул на капсулу желтый пластиковый чехол.

Необычная, жуткая тишина нависла над мысом Каена. Грохот прибоя казался приглушенным. Питт встал, стряхнул с себя песок, сунул цилиндр под мышку и пошел по пляжу. Добравшись до циновки, он быстро завернул в нее цилиндр и пошел к дороге вдоль пляжа.

У дороги одиноко стоял ярко-красный «Форд-Кобра». Питт не стал терять времени. Он положил цилиндр на пассажирское сиденье, сел за руль и сунул ключ в зажигание.

Он свернул на шоссе 99, миновал Ваиалуа и поехал по низкой гряде, идущей параллельно живописному и обычно сухому ручью Каукомахуа. Когда скофилдские казармы резервистов исчезли в зеркале заднего обзора, Питт повернул за Вахиавой и помчался к Перл-Сити, решительно презрев возможность встречи с дорожной полицией.

Слева поднялся хребет Кулау, его вершины скрывались в вечных темных, клубящихся тучах. Резкий контраст с ними составляли аккуратные зеленые посадки ананасов на красной, плодородной вулканической почве. Неожиданно Питт въехал в грозу и машинально включил дворники.

Наконец впереди показались главные ворота гавани Перл-Харбор. Из караулки показался часовой в мундире, и Питт затормозил. Достал из бумажника водительское удостоверение и удостоверение личности и расписался в журнале посетителей. Молодой моряк молча отсалютовал и знаком велел ему проезжать.

Питт спросил, где расположение штаба адмирала Хантера. Моряк достал из нагрудного кармана ручку и блокнот, любезно начертил схему маршрута и отдал Питту. И снова отсалютовал.

Питт подъехал к непримечательному бетонному зданию возле доков и остановил машину. Он проехал бы мимо, если бы не небольшая, аккуратная табличка: «Штаб 101 отделения флота спасателей».

Выключив зажигание, он взял с сиденья влажный цилиндр и вышел из машины. Входя, Питт пожалел, что не прихватил на пляж тенниску и легкие брюки. Он остановился перед столом, за которым матрос в летней белой форме рассеянно печатал на машинке. На столе стояла табличка с надписью «Матрос Дж. Ягер».

— Прошу прощения, — неловко пробормотал Питт, — я хотел бы увидеть адмирала Хантера...

Печатавший рассеянно поднял взгляд, и глаза у него полезли из орбит.

— Боже, приятель, да ты спятил? Ты чего явился в плавках? Если старик тебя застукает, ты покойник. Уноси быстрей ноги, или угодишь на губу!

— Я знаю, что одет не для приема, — спокойно и дружелюбно сказал Питт, — но мне до зарезу надо увидеть адмирала.

Моряк встал из-за стола, лицо его покраснело.

— Кончай придуриваться! — громко сказал он. — Вали в казарму и проспись, или я вызову береговой патруль.

— Вызывай! — неожиданно огрызнулся Питт.

— Послушай, приятель. — Моряк явно пытался сдержать раздражение. — Сделай себе одолжение. Возвращайся на свой корабль и официально доложи по команде, что просишь о встрече с адмиралом.

— В этом нет необходимости, Ягер.

Голос, прозвучавший у них за спиной, был мелодичным, как скрежет бульдозера по бетонному шоссе.

Питт повернулся и обнаружил, что смотрит прямо в глаза высокому седому мужчине, надменно застывшему в проеме внутренней двери офиса. От туфель до воротника этот человек был в белом, во всю грудь — золотые колодки. Волосы, густые и тоже белые, прекрасно гармонировали с худым, осунувшимся лицом. Только глаза на этом лице казались живыми, и они с любопытством разглядывали цилиндр в руках Питта.

— Я адмирал Хантер, парнище. Даю вам пять минут, так что истратьте их с толком. И прихватите с собой эту штуку, — сказал он, показывая на капсулу.

— Есть, сэр, — только и смог ответить Питт.

Адмирал уже повернулся на каблуках и пошел в

свой кабинет, Питт последовал за ним; если до этого он не смущался, то, оказавшись в кабинете адмирала, определенно испытал замешательство. Кроме Хантера за старинным, безупречно полированным столом для совещаний сидели трое морских офицеров. При виде полуголого Питта со странным предметом под мышкой на их лицах появилось недоумение.

Хантер в рабочем порядке представил офицеров, но эта деланная вежливость не обманула Питта: адмирал хотел застращать гостя званиями, одновременно изучая его реакцию. Питт узнал, что светловолосый лейтенант-коммандер с лицом Кеннеди — Пол Боланд, заместитель командира 101-го отделения флота спасателей. Плотного сложения капитан, обильно потевший, звался странным именем Орл Сайнана и командовал небольшим флотом спасательных судов Хантера. И, наконец, низкорослое, похожее на гнома создание, которое вышло вперед, чтобы энергично пожать Питту руку, представилось коммандером Бердеттом Денвером, адъютантом адмирала. Он смотрел на Питта так, словно пытался вспомнить его лицо.

— Ладно, парнище, — опять то же обращение. Питт отдал бы месячное жалование за право двинуть Хантера кулаком в зубы. Голос адмирала источал сарказм. — Теперь, мы будем вам бесконечно благодарны,- если вы соизволите объяснить нам, кто вы и что вам здесь нужно.

— Вы не чрезвычайно любезны для того, кому хочется узнать, почему я принес эту канистру, — ответил Питт, удобно устраивая свое длинное тело в пустом кресле и ожидая ответной реакции.

Сайнана метнул через стол яростный взгляд, и его лицо перекосило от злобы.

— Эй, мразь! Как ты смеешь являться сюда и оскорблять адмирала!

— Это сумасшедший! — рявкнул Боланд. Он наклонился к Питту, его лицо стало холодным и напряженным. Он добавил: — Ты понимаешь, тупая сволочь, с кем разговариваешь?

— Поскольку мы все представлены, — небрежно ответил Питт, — да, понимаю.

Сайнана потным кулаком ударил по столу.

— Береговой патруль, клянусь богом! Я прикажу Ягеру вызвать береговой патруль и бросить его на гауптвахту.

Хантер прикурил длинную сигарету, бросил спичку в пепельницу, промахнулся на шесть дюймов и задумчиво посмотрел на Питта.

— Вы не оставляете мне выбора, парнище. — Он повернулся к Боланду. — Коммандер, попросите матроса Ягера вызвать береговой патруль.

— Я бы не стал этого делать, адмирал, — сказал Денвер, вставая; по его лицу было видно, что он наконец узнал Питта. — Этот человек, которого вы назвали мразью и сволочью и которого хотите посадить под арест, на самом деле Дирк Питт, руководитель отдела особых проектов Национального подводного и морского агентства; кстати, его отец, сенатор от Калифорнии Джордж Питт, — председатель комиссии по Военно-морскому флоту.

Сайнана буркнул что-то короткое и непечатное.

Боланд опомнился первым.

— Вы уверены?

— Да, Пол, абсолютно. — Денвер обошел стол и встал перед Питтом. — Несколько лет назад я видел его вместе с его отцом на совещании в НПМА. К тому же он друг моего двоюродного брата, который тоже служит в НПМА. Коммандер Руди Ганн.

Питт радостно улыбнулся.

— Конечно. Мы с Руди работали над несколькими проектами. Теперь я вижу сходство. Единственное отличие — Руди смотрит на вас через очки в толстой роговой оправе.

— В детстве мы его дразнили Слепышом, — рассмеялся Денвер.

— В следующий раз при встрече так его и назову, — с улыбкой сказал Питт.

— Надеюсь... вас не оскорбили ... наши слова, — запинаясь, выговорил Боланд.

Питт посмотрел на Боланда своим самым циничным взглядом и ответил только:

— Нет.

Хантер и Сайнана обменялись взглядами, которые Питту легко было разгадать. Если офицеры и постарались скрыть тревогу, вызванную присутствием среди них сына американского сенатора, им это плохо удалось.

— Ну хорошо, мистер Питт, ваша взяла. Полагаю, вы здесь из-за канистры, которую держите в руках. Не расскажете, как она к вам попала?

— Я только посыльный, — спокойно ответил Питт. — Я обнаружил этот предмет, когда днем загорал на пляже. Он адресован вам.

— Ну, ну, — сказал Хантер. — Весьма польщен. Но почему именно мне?

Питт задумчиво осмотрел собравшихся и поставил цилиндр, все еще завернутый в бамбуковую циновку, на стол.

— Там внутри документы. На одном ваше имя.

На лице Хантера промелькнуло любопытство.

— Где вы нашли эту штуку?

— У оконечности мыса Каена.

Денвер наклонился вперед.

— Ее выбросило на берег?

Питт покачал головой.

— Нет, я проплыл за прибой и выловил ее.

Денвер казался удивленным.

— Вы проплыли за прибой у мыса Каена? Не думал, что это возможно.

Хантер бросил на Питта задумчивый взгляд, но тот словно бы не заметил.

— Можно посмотреть, что внутри?

Питт молча кивнул и развернул цилиндр, не обращая внимания на просыпавшийся на стол для совещаний влажный песок. Цилиндр он протянул Хантеру.

— Мое внимание привлек этот желтый чехол.

Хантер взял цилиндр в обе руки и показал остальным.

— Узнаете, джентльмены?

Все закивали.

— Вы никогда не служили на подводной лодке, мистер Питт, иначе сразу узнали бы коммуникационную капсулу. — Хантер положил цилиндр и на миг коснулся его. — Когда подводная лодка хочет, оста-ваясь под водой незамеченной, связаться с кораблями сопровождения,

сообщение отправляют в такой алюминиевой капсуле. — Он осторожно разворачивал желтый пластик. — Эту капсулу с прикрепленным к ней маркером с краской выбрасывают через сохраняющий герметичность канал. Когда капсула оказывается на поверхности, маркер высвобождается и окрашивает несколько тысяч квадратных футов поверхности, что можно заметить с кораблей сопровождения.

— А эти резиновые прокладки, — медленно сказал Питт, — обеспечивают герметичность корпуса под большим давлением.

Хантер выжидательно посмотрел на Питта.

— Вы читали содержимое?

Питт кивнул.

— Да, сэр.

Ни Боланд, ни Сайнана, ни Денвер не заметили отчаяния в глазах Хантера и не смогли бы его понять.

— Расскажете, что узнали? — спросил Хантер, точно зная, что услышит.

Прошло несколько секунд. Как бы Питту хотелось никогда не видеть этого проклятого цилиндра… но выхода не было. Несколько слов — и эта безрадостная сцена наконец закончится. Он глубоко вдохнул и медленно заговорил:

— Внутри записка, адресованная вам, адмирал. А также двадцать шесть страниц, вырванных из вахтенного журнала атомной подводной лодки «Старбак».

Глава 2

Далее вкратце изложены объяснения коммандера Дюпре с комментариями адмирала.

«Нет никакого объяснения аду, разверзшемуся за пять последних дней. Только я виноват в смене курса и в том, что привел корабль к необычному и трагическому концу. Помимо этого могу только последовательно описать катастрофу — мой мозг работает не так, как следовало бы».

— То, что Дюпре не вполне владел своими умственными способностями, — поразительное признание человека, репутация которого была основана на его сходном с компьютером разуме.

«14 июня в 20:40 мы вошли в полосу тумана. Вскоре после этого на глубине всего десять морских саженей[2] нос корабля разорвало

взрывом, и в носовой торпедный отсек хлынула вода, почти мгновенно затопив его».

— Даже если коммандер знал, где произошел взрыв, внутри корабля или снаружи, он этого не написал.

«Двадцати шести членам экипажа повезло: они погибли в считанные секунды. Мы надеялись, что трое на мостике: лейтенант Картер, матросы Фаррис и Метфорд, — успели спуститься, прежде чем корабль ушел под воду. Трагические события показали, что мы ошибались».

— Если, как сообщает Дюпре, «Старбак» был в надводном положении, странно, что Картер, Фаррис и Метфорд не сумели за тридцать секунд спуститься с мостика. Невозможно представить, что Дюпре закрыл люк, бросив трех человек на произвол судьбы. Невозможно представить себе также, что спасать их было некогда — маловероятно, что «Старбак» утонул как топор.

«Тем временем мы задраили все люки и вентиляционные отверстия, и я приказал сбросить весь балласт и начать подъем. Но было поздно: крен и раздирающий лязг показывали, что корабль лег на дно, зарывшись носом.

Казалось бы, с продутыми балластными цистернами и с носом на глубине всего в сто шестьдесят футов «Старбак» — а длина корабля триста двадцать футов — должен был высунуть корму из воды. Но нет.

Сейчас мы лежим на дне. Крен палубы восемь градусов влево и два градуса вперед. Кроме носового торпедного, все отсеки свободны от воды. Сейчас все мы мертвы. Я приказал людям прекратить сопротивление. Нас убила моя глупость».

— Самое удивительное вот что. Если положить расстояние от киля до верха лодки двадцать пять футов, спасательный люк наверху отделен от поверхности всего ста тридцатью пятью футами. Это небольшая глубина для человека, располагающего аппаратом для подводного дыхания, а на субмаринах такие аппараты есть у всего экипажа. Во время Второй мировой войны восемь подводников поднялись с глубины сто восемьдесят футов и получили лишь легкое расстройство дыхания.

Непонятнее всего последние фразы. Что предшествовало безумию Дюпре? Сказался ли на нем стресс, вызванный этим кошмаром? Дальше он еще отступает от реальности.

«Продовольствия нет, воздуха хватит всего на несколько часов. Питьевая вода кончилась на третий день».

— Это совершенно невозможно! Если ядерный реактор продолжал работать — а нет никаких указаний на его остановку, — экипаж мог

прожить много месяцев. Дистиллятор-опреснитель давал достаточное ее количество для питья, а с принятием некоторых мер предосторожности система жизнеобеспечения, которая очищает воздух на подлодке и поставляет кислород, обеспечила бы сохранение жизней шестидесяти трех человек, пока не перестала бы действовать, что крайне маловероятно. При длительном выживании проблему могла представлять только пища. Но, поскольку «Старбак» выходил в море с полным запасом продовольствия, при некоторых ограничениях его должно было хватить не меньше чем на девяносто дней. Все зависело от реактора. Если умирал он, умирали и люди.

«Мой путь ясен. В душе у меня мир. Я приказал корабельному врачу сделать людям инъекции, чтобы прекратить их страдания. Сам я, конечно, уйду последним».

— Боже! Неужели Дюпре действительно приказал убить экипаж?

«Они снова идут. Картер стучит по корпусу. Матерь Божья. Почему его призрак так нас мучит?»

— Дюпре полностью обезумел. Но как? Всего за пять дней?

«Мы можем сдерживать их еще несколько часов. Они почти прорвались через спасательный люк на корме. Плохо, очень плохо (дальше неразборчиво). Они хотят нас убить, но мы их перехитрим. Никакого удовлетворения — никакой победы. Мы все погибнем».

— Кто такие «они»? Может, другой корабль... возможно, русский траулер-шпион, пытающийся спасти экипаж?

«Сейчас на поверхности темно, и они прекратили работу. Я отправлю это сообщение и несколько страниц корабельного журнала на поверхность в коммуникационной капсуле. Возможно, ночью ее не заметят. Наши координаты (первые цифры вычеркнуты) 32° 43'15 С — 161° 18*22 3».

— Невозможно. Эту точку отделяет от последней точки, откуда докладывал «Старбак», пятьсот миль. Даже на фланговой скорости «Старбак» не мог добраться туда за время, прошедшее с последнего радиоконтакта.

«Не ищите нас: все будет зря. Они не позволят найти ни следа. Какую позорную уловку они использовали! Если бы я знал, мы могли бы живыми увидеть солнце. Пожалуйста, передайте это сообщение адмиралу Ли Хантеру, Перл-Харбор».

— Последняя загадка. Почему именно мне? Насколько мне известно, я никогда не встречался с коммандером Дюпре. Почему он выбрал меня в последние исповедники «Старбака»?

Глава 3

Питт сидел за стойкой в баре старой гостиницы «Роял Гавайи», уставившись в свой стакан: он думал о событиях минувшего дня. Эти события промелькнули перед его невидящим взглядом и окутались дымкой. Но одна картина не уходила: бледное лицо адмирала Хантера, читающего послание из капсулы о страшной, бессмысленной трагической участи «Старбака» — удивительные, безумные слова коммандера Дюпре.

Дочитав, Хантер медленно поднял голову и посмотрел на Питта. Тот молча пожал протянутую руку адмирала, попрощался с офицерами и, словно под гипнозом, вышел из кабинета. Он не помнил, как проехал по заполненному машинами в конце рабочего дня шоссе Нимитца. Не помнил, как вошел в свой номер, принял душ, переоделся и вышел на поиски чего-то неизвестного и непонятного. Даже сейчас, покачивая в бокале виски, он не слышал голосов других посетителей коктейль-холла.

Было что-то непонятно зловещее в последнем послании со «Старбака», неторопливо размышлял Питт. Какая-то осторожная, относящаяся к прошлому мысль отчаянно пыталась пробиться из глубины мозга к поверхности сознания, но расплылась и вернулась туда, откуда явилась.

Краем глаза Питт увидел дальше по стойке мужчину, который, заметив его взгляд, приветственно поднял стакан, предлагая бесплатно — за его счет — выпить. Это был капитан Орл Сайнана. Как и Питт, он был одет для отдыха — в спортивные брюки и цветастую гавайскую рубашку-алоха. Но вот он подошел и облокотился на стойку рядом с Питтом. Сайнана по-прежнему потел и то и дело вытирал лоб и ладони платком, который держал в руках.

— Окажете мне честь? — спросил он с неискренней улыбкой.

Питт поднял полный стакан.

— Спасибо, но у меня свое неначатое.

Раньше Питт не обращал в Перл-Харборе никакого внимания на Сайнану и сейчас слегка удивился, заметив то, что упускал из виду. Если забыть, что Сайнана тяжелее его фунтов на пятнадцать, они могли бы сойти за двоюродных братьев.

Сайнана покрутил лед в своем стакане рома «Коллинз», ежась под равнодушным взглядом Питта.

— Я хотел бы еще раз извиниться за сегодняшнее маленькое недоразумение.

— Забудьте, капитан. Я и сам не был образцом вежливости.

— Ужас, эта гибель «Старбака», — сказал Сайнана, делая глоток рома.

— Большинство загадок рано или поздно разъясняются. «Трешер», «Тунец», «Скорпион» — флот не сдается, пока не найдет пропавший корабль.

— На этот раз ничего не выйдет, — мрачно сказал Сайнана. — Этот корабль никогда не найдут.

— Никогда не говори никогда.

— Три упомянутые вами трагедии, майор, произошли в Атлантическом океане. «Старбак», к несчастью, исчез в Тихом. — Он помолчал, вытирая шею. — У нас на флоте есть поговорка про исчезнувшие здесь корабли: «Тех, кто лежит на дне Атлантического океана, поминают молитвами, венками и стихами. Тех, кто лежит на дне Тихого, забывают навсегда».

— Но ведь Дюпре указал в послании свои координаты, — сказал Питт. — Если повезет, сонары засекут его на дне за неделю.

— Море неохотно раскрывает свои тайны, майор. — Сайнана поставил на стойку пустой стакан. — Ну чтож, мне пора. Должен был кое с кем встретиться, но, очевидно, она меня провела.

Питт пожал протянутую руку Сайнаны и хмыкнул.

— Это знакомо.

— До свидания, и удачи.

— И вам, капитан.

Сайнана направился к выходу и исчез в море голов.

Питт по-прежнему не прикасался к выпивке. После ухода Сайнаны он, несмотря на гул голосов, остро ощутил свое одиночество. Ему захотелось напиться. Забыть о «Старбаке» и заняться более неотложными делами. Например, подцепить стакан и заказать новую порцию.

Питт уже собрался пустить в ход свою способность очаровывать, когда его спины коснулась мягкая женская грудь и пара тонких белых рук обхватила его за пояс. Он неторопливо повернулся и увидел озорное лицо Адрианы Хантер.

— Привет, Дирк, — произнесла она хрипловато. — Хочешь, сообразим на двоих?

— Возможно. А что мне это даст?

Она крепче обхватила его за пояс.

— Мы могли бы пойти ко мне, включить позднее, позднее кино и сравнивать впечатления.

— Не могу. Мама велела быть дома пораньше.

— Послушай, милый, ты ведь не откажешься помочь старой подруге устроить гулянку?

— Для этого и нужны старые друзья? — язвительно спросил он. Ее руки поползли ниже, но он убрал их. — Найди-ка новое хобби. Ты так стремительно удовлетворяешь свои фантазии, что странно, почему тебя еще не сдали в утиль.

— Интересная мысль, — улыбнулась она. — Эти деньги я могла бы использовать. Интересно, сколько за меня дадут?

— Как за подержанный «эксель»[3].

Она выпятила грудь и надула губы.

— Мне говорили, что у тебя есть привычка обижать тех, кого любишь.

Питт подумал, что она исключительно хорошо выглядит, учитывая напряженность ее ночной жизни. Он помнил, каким мягким было на ощупь ее тело, когда он в последний раз занимался с ней любовью. Помнил он и то, что, как ни старался, какую изощренную технику ни применял, удовлетворить ее так и не смог.

— Не подумай, что я хочу поменять тему нашего бодрящего разговора, — сказал он, — но сегодня я впервые познакомился с твоим отцом.

Он ждал, что Адриана удивится. И не дождался.

Ее это, казалось, нисколько не заинтересовало.

— Правда? О чем с тобой беседовал старик лорд Нельсон?

— Прежде всего, ему не понравился мой костюм.

— Не расстраивайся. Мои наряды он тоже не одобряет.

Он пригубил виски и посмотрел на нее через край стакана.

— В твоем случае не могу его винить. Какому мужчине понравится, что его дочь похожа на уличную

девку?

Она пропустила это мимо ушей; то, что ее отец познакомился с одним из ее многочисленных любовников, совсем ее не заинтересовало. Адриана села на соседний стул и зазывно посмотрела на Питта. Впечатление усиливали длинные черные волосы, падавшие на плечо. Кожа в тусклом свете коктейль-холла светилась, как полированная бронза.

Она прошептала:

— Как насчет еще по рюмочке?

Питт кивнул бармену.

— Бренди «Александр» для… для дамы.

Адриана слегка поморщилась, потом улыбнулась.

— Разве ты не знаешь, что называть женщину дамой старомодно?

— Пережиток. Все мужчины хотят встретить точно такую девушку, на какой женился старик папаша.

— Мама была тяжелой обузой, — небрежно сказала Адриана, но получилось натянуто.

— А папа?

— А папа — блуждающий огонек. Его никогда не было дома, он вечно рыскал в поисках какой-нибудь старой, вонючей брошенной баржи или забытого корабля, потерпевшего крушение. Океан он любил больше семьи. В ночь, когда я родилась, он спасал экипаж затонувшего посреди Тихого океана нефтяного танкера; когда я заканчивала школу, разыскивал в море пропавший самолет. А когда умерла мама, наш старый добрый адмирал гонялся за айсбергами у берегов Гренландии в компании длинноволосых извращенцев из Итонской океанографической школы. — Ее взгляд ушел чуть в сторону, и Питт понял, что наступил на больную мозоль. — Так что не лей слезы над нашими отношениями отца и дочери. Мы с адмиралом терпим друг друга исключительно ради социальных условностей.

Питт смотрел на нее.

— Ты взрослая; почему бы не уйти из дому?

Бармен принес ей коктейль, и она отпила.

— От добра добра не ищут. Меня постоянно окружают красивые мужчины в форме. Подумай о преимуществах: тысячи мужчин, и никакой конкуренции. Зачем мне покидать насиженное место и клянчить остатки? Нет, адмиралу положено выглядеть семейным человеком, а я нуждаюсь в папочке из-за преимуществ, какие дает

положение адмиральской дочери. — Она посмотрела на него с притворной застенчивостью. — Ко мне? Прямо сейчас?

— Вам придется перенести время приглашения, мисс Хантер, — сказал за ними нежный женский голос. — Капитан ждет меня.

Адриана и Питт одновременно обернулись. Питт впервые видел столь экзотическую женщину: глаза такие серые, каких в действительности не бывает, волну рыжих волос резко оттеняет зеленое платье восточного покроя, облегающее приятные изгибы.

Питт напряг память, но безуспешно. Он был уверен, что никогда раньше не видел эту красавицу. Вставая со стула, он приятно удивился, чувствуя, как участилось сердцебиение. Самая подходящая женщина, чтобы воспламенить с первого взгляда. Такого с ним не было с пятого класса, когда при первой же встрече блондинка с глазами как у бассета укусила его за руку на перемене.

Первой нарушила молчание Адриана:

— Прости, милочка, но, как говорят в семьях старателей, ты предъявляешь права не на свой участок.

Адриана, казалось, наслаждалась ситуацией. Для нее нахальная незнакомка была лишь ничтожной помехой. Она повернулась к девушке спиной и снова отпила из стакана.

Большие серые глаза не отрывались от Адрианы.

— К вашей грубости, мисс Хантер, не готовит даже ваша репутация шлюхи.

Адриана была слишком хладнокровна, чтобы дрогнуть. Она сидела неподвижно, глядя на отражение девушки в зеркале перед ней.

— Пятьдесят долларов? — спросила она громко, так что услышали все в радиусе тридцати футов.

— Для любительницы с более чем средними способностями ты сильно переоцениваешь свои услуги.

Сидящие поблизости внимательно прислушивались к этой словесной перепалке. Женщины хмурились, мужчины улыбались, молча завидуя парню, вызвавшему этот бой. Питт даже испугался. Для него было внове, что две красивые женщины обмениваются шпильками, оспаривая право обладать им. Его эго наслаждалось волнующим моментом.

— Могу я поговорить с вами наедине, мисс Хантер? — спросила загадочная девушка в зеленом платье.

Адриана кивнула.

— Почему бы нет?

Она изящно соскользнула с высокого стула и вслед за незнакомкой направилась к выходу на частный пляж отеля. Питт в восторге следил за плавными, скользящими движениями округлых бедер. Они напоминали ему две пары пляжных мячей, попавших в один водоворот.

Питт вздохнул и облокотился на стойку бара; он чувствовал себя пауком, который видит, как две мухи кружат возле его тенет, и жаждет, чтобы обе запутались в каких-нибудь других сетях. Тут он заметил, что на него все глазеют; он улыбнулся и шутливо поклонился, принимая общее внимание, потом снова повернулся к стойке.

Хватит на сегодня сюрпризов, печально сказал он себе. Чем все это кончится? Чувствуя необходимость подкрепиться, он сделал знак бармену и заказал новую порцию «Катти Сарк» со льдом, на этот раз двойную.

Пятнадцать минут спустя Сероглазка вернулась и молча встала у него за спиной. Питт так глубоко погрузился в размышления, что прошло несколько секунд, прежде чем он почувствовал ее присутствие, поднял голову и увидел в зеркале отражение девушки.

Ее губы дрогнули, готовые сложиться в улыбку.

— Добыча переходит к победителю?

Вопрос прозвучал чуть неуверенно.

Синяк у нее под глазом начинал из красного становиться лиловым, а несколько капель крови из небольшой ссадины на нижней губе стекли по подбородку и упали точно в ложбинку между грудями. Питту она по-прежнему казалась самой желанной женщиной на свете.

— А что проигравшая? — спросил он.

— Несколько дней ей придется очень густо краситься, но, думаю, все это до следующей схватки заживет.

Питт извлек из своего стакана кубик льда, завернул в носовой платок и приложил к ее губе.

— Прижимайте к ссадине. Опухоль спадет.

Она бледно улыбнулась и с благодарностью кивнула.

Вернулась навязчивая публика, но на этот раз с замечаниями на грани хамства. Питт поспешил расплатиться с барменом и увел женщину из бара на пляж. Быстро осмотрел берег, но Адрианы нигде не было видно.

— Может, объясните, что произошло?

Ей пришлось убрать лед, чтобы заговорить.

— Разве непонятно? Мисс Хантер не желала прислушиваться к доводам рассудка.

Питт взглянул на нее, отчасти недоверчиво, отчасти задумчиво. «Почему она выбрала меня? — подумал он. — Зачем драться из-за мужчины, которого видишь впервые? И главный вопрос: что ей нужно?» Насчет себя Питт не обманывался: даже киностудия не способна была превратить его в подобие Дона Жуана. У него были женщины, но всякий раз требовались предварительные маневры и легкая искусная ложь. Он решил не допытываться о причинах ее поступка: пусть тайна обострит интригу.

— Погуляем по пляжу? — сказал он.

— Я надеялась, что вы это предложите.

Она улыбнулась и мгновенно завладела им. И знала это, судя по зоркости, с какой наблюдала, как его взор скользнул по ее груди и прошел книзу до самых ступней.

Груди у нее были удивительно маленькие и крепкие в отличие от прочих округлостей. При луне и в свете факелов, горевших на террасе отеля, он видел, что девушка очень загорелая. Тонкая талия, плоский крепкий живот, а ниже стройные сильные ноги. Девушка походила на индианку, только огненно-рыжие волосы не вязались с этим впечатлением.

— Если вы и дальше будете глазеть на меня, придется вчинить вам иск за домогательства.

Питт сделал над собой усилие, чтобы казаться смущенным, но смотреть не перестал.

— Мне казалось, на произведения искусства в галереях можно смотреть бесплатно.

Она сжала ему руку.

— Нет, если вы не собираетесь что-то купить.

— Я люблю просто смотреть. Покупаю редко.

— Значит, вы человек принципов?

— Да, ряд принципов у меня есть, но на женщин они не распространяются.

Он почувствовал запах ее духов; их аромат показался знакомым.

Она остановилась, ухватившись за него, сняла туфли и пошевелила пальцами ног, зарываясь ими в прохладный песок пляжа Вайкики. Несколько минут шли молча; девушка крепче сжала руку Дирка и прильнула к нему.

Глаза ее блеснули в лунном свете, и она тихо сказала:

— Меня зовут Саммер.

Ничего не ответив, Питт обнял девушку и прижался ртом к ее распухшим губам. Неожиданно в его сознании прозвучал предупреждающий тревожный звонок, но было поздно: он уже ощутил боль. Питт разинул рот и громко охнул: Саммер ударила его коленом в пах.

Он не смог бы объяснить, что позволило клеткам его мозга отреагировать так мгновенно; сквозь туман, вызванный шоком, он с трудом разглядел, что его кулак на автомате врезался Саммер в челюсть справа. Девушка пошатнулась и молча рухнула на песок.

Скрытые ресурсы, о которых он и не подозревал, но которые заявляют о себе в критические моменты, не позволили Питту потерять сознание. Хватая ртом воздух от страшной боли в нижней части живота, он медленно опустился на колени рядом с неподвижной девушкой, сжимая промежность и страдальчески раскачиваясь.

Питт так стиснул челюсти, что заныли зубы, но приглушил крик боли. Он погрузился коленями в песок и раскачивался вперед-назад. Если его обнаружат рядом с бесчувственной девушкой и при этом он будет держаться за пах, могут возникнуть неприятные вопросы. К счастью, кроме кучки пляжных мальчишек и постояльцев отеля, сидевших у костра в нескольких сотнях ярдов от них, на пляже никого не было.

Прошло четыре минуты; за это время адовы муки сменилась тупой болью. Только тут Питт заметил в Руке Саммер что-то блестящее и, судя по отблескам в свете костра, стеклянное. Питт подполз к девушке, разжал ее пальцы и осторожно забрал шприц.

Он ничего не мог понять. В тусклом свете Саммер выглядела лет на двадцать пять, не старше, и казалась мягкой и милой. Сунув шприц в нагрудный карман, Питт задумался, что в нем может быть.

Он наклонился, взвалил девушку на плечо и с трудом встал. Ему неожиданно пришло в голову, что у нее могут прятаться поблизости друзья; к тому же Питту вовсе не хотелось встречаться с полицейскими. Его гостиница была в трех кварталах; Питт поудобнее уложил свою ношу, собрался с силами и захромал по песку.

Единственной возможностью укрыться от толп туристов, заполняющих по ночам тротуары, было пройти в густой зелени садов. Ему совсем не хотелось натолкнуться на полицейского или какого-нибудь отпускника, который вздумает поиграть в Героя Герберта и спасти Еву из рук злодея Саймона Лапитта.

По тротуару он легко добрался бы до места за пять минут, а вот путь по заросшим садам занял около двадцати минут. В тени Питт остановился, перевел дух и подождал, пока удалится группа подвыпивших гуляк. Он наслаждался ароматом, исходившим от тела Саммер. К этому времени Питт уже узнал благоухание красного жасмина; на Гавайских островах этот цветок встречается. Но Питт впервые встречал, чтобы красным жасмином пахло от женщины.

Прямо на противоположной стороне улицы показалась гостиница, огни ее вестибюля манили обещанием безопасности. Едва мостовая опустела, Питт бегом пересек улицу, кривя лицо от боли в паху и тяжело отдуваясь после марш-броска с тяжестью на четыреста ярдов в темноте. Питт бегом обогнул стоявшие у обочины машины, пробрался к входу и осторожно осмотрел вестибюль.

Счастье ему изменило. У лифта гигантская темнокожая гавайянка с выражением «сейчас закричу и позову полицейских» пылесосила ковер. Питт свернул за угол и направился к пандусу, ведущему в подземный гараж. В гараже никого не было, только стояли блестящие автомобили. Питт отыскал лифт, вошел, нажал нужную кнопку и прислонился к тиковой обивке стен узкой, похожей на гроб кабины.

К этому времени Питт уже обливался потом; усилия и вечерняя абсолютная влажность довели его до полного изнурения. Сгибаясь под тяжестью Саммер, он старался дышать ровно. Лифт монотонно гудел, подыгрывая ему, и открылся только на том этаже, который выбрал Питт.

На панели загорелось «10». Везение вернулось: коридор в обе стороны был пуст. Несколько досадных секунд Питт рылся в карманах брюк и наконец достал ключ и сунул его в щель резной, розового дерева двери номера 1010.

Богато обставленного номера. Роскошь, которую Питт едва ли мог себе позволить на свое жалованье… но он оправдывался тем, что это его первый отпуск за три года.

Он прошел в спальню и бесцеремонно скинул Саммер на кровать. В другое время при виде такой изящной женщины на своей постели он мог бы испытать желание. Но не сегодня. Питт был выжат умственно, эмоционально и физически. День начался трудным забегом и закончился им же. Оставив лежащую без чувств Саммер, Питт пошел в ванную, разделся и встал под душ.

Выходила полная бессмыслица. Зачем совершенно незнакомой женщине его убивать? Единственный его бенефициар — мать, маленькая, седенькая, но у нее нет мотива, если, конечно, она не отказалась от благотворительных приемов и вышивания ковров и не связалась с мафией. К тому же, улыбнулся он своей разыгравшейся фантазии, нет никаких доказательств, что в шприце яд.

Наркотик? Возможно. Но опять-таки — в чем причина? Ему не известны ни военные шифры, ни атомные секреты, ни расположение ракет, ни тайные планы уничтожения мира. Ему вспомнилась необыкновенная красота Саммер. С трудом вернувшись к действительности, Дирк перекрыл воду и вышел из- под душа. Набросил на широкие плечи купальный халат и, вернувшись в спальню, положил на лоб девушке влажное полотенце. И не без садистского удовлетворения подумал, что утром на челюсти у Саммер будет отличный синяк.

Он грубо потряс девушку за плечи. Медленно, неохотно, словно не желая расставаться с забытьем, что- то неясно и тихо бормоча, она открыла глаза. Очнуться в незнакомом месте — большинство женщин это смутило бы. Но не Саммер. Сильная женщина. Питт почти видел, как напряженно заработал ее мозг. Взгляд побежал по комнате, с Питта на дверь, потом на балкон, потом вернулся к Питту. Она смотрела на него спокойно — чуточку слишком спокойно, чтобы принять это за чистую монету. Потом подняла руку, поднесла ее к челюсти и слегка поморщилась.

— Ты меня ударил?

Это был скорее вопрос, чем утверждение.

— Да. — Он усмехнулся. — А теперь, раз уж ты у меня дома, я тебя изнасилую.

Наконец ее глаза распахнулись.

— Не посмеешь.

— Откуда ты знаешь, что я этого уже не сделал?

Она едва не купилась; рука двинулась к низу живота, потом резко остановилась.

— Ты не такая гадина.

— Кто тебе это сказал?

Она очень странно посмотрела на Питта.

— Сказали...

Она замолчала и отвела взгляд.

— Тебе следует быть более осторожной, — укорил Питт. — Если верить глупым слухам, бегать по пляжу Вайкики со шприцем и колоть невиновных, можно нажить много неприятностей.

Саммер несколько секунд смотрела на него, и ее губы шевельнулись, будто она хотела что-то сказать, но в фантастических серых глазах появилась неуверенность.

— Не понимаю, о чем ты...

— Неважно. — Питт повернулся к ней спиной и потянулся к телефону. — Пусть полиция разгадывает твои загадки. За это ей и платят честные граждане.

— Это ошибка. — Голос Саммер неожиданно стал жестким и холодным. — Я закричу, что ты хотел меня изнасиловать, на лице у меня эти синяки — кому, по- твоему, поверит полиция?

Питт взял телефон и начал набирать номер.

— Нет сомнений, что поверят тебе. Пока в мою защиту не выступит Адриана Хантер. У нее, вероятно, тоже остался синяк-другой. — Питт прислушался: в трубке голос на том конце провода пять раз произнес «Алло!», прежде чем сдался. Трубку повесили, и тогда Питт сказал: — Я хотел бы сообщить о нападении...

Больше он ничего не успел сказать: Саммер вскочила с кровати и нажала на рычаг.

— Ради бога, ты не понимаешь.

В ее голосе звучало отчаяние.

— Самое мягкое, что можно сказать о сегодняшнем вечере, — сердито ответил Питт. Он схватил ее за плечи, сильно сжал и не мигая уставился в ее округлившиеся глаза. — Сначала бьешь мужчину по яйцам и пытаешься воткнуть ему в спину шприц, а когда ничего не выходит, ведешь себя, как маленькая мисс Ребекка с фермы «Солнечный ручей»[4]. Чего тебе надо?

Она попробовала вырваться, но почти сразу прекратила сопротивляться.

— Гангстер.

Голос ее звучал хрипло и свирепо.

Нелепое слово застало Питта врасплох. Он разжал руки и отступил.

— Да, это я, главная торпеда Аля Капоне, прямо с верфи в Чикаго.

— Я хотела бы... — Она замолчала, скрестила руки и стала растирать покрасневшие плечи. — Ты дьявол.

Питт не сердился, ему стало лишь немного жаль ее, когда он увидел красные пятна там, где его пальцы впивались в ее тело.

Последовало долгое молчание. Потом девушка снова заговорила:

— Я объясню тебе, что мне нужно. — Несмотря на внезапную перемену тона, взгляд ее оставался холодным. — Но сначала помоги мне дойти до ванной. Похоже... кажется, меня вырвет.

Питт схватил ее за запястье, чувствуя, как ее мышцы напряглись под его пальцами. Неожиданно Саммер ногой уперлась в раму кровати и всем телом ударила Питта в живот. Она застала Дирка врасплох: он перелетел через стул и ударился об пол, потащив за собой ночник. Не успел Питт коснуться ковра, как Саммер дернула скользящую дверь и исчезла на балконе.

Питт не пытался встать, он откинулся на спину и занял более удобное положение на полу. Прошло десять секунд. Больше он не мог сдерживаться и рассмеялся.

— Когда в следующий раз будешь убегать из квартиры на десятом этаже, прихвати с собой парашют.

Она медленно вернулась в спальню, лицо ее было искажено от ярости.

— Для таких, как ты, приличных определений нет.

— Могу подсказать десяток неприличных, — ответил он, вежливо улыбаясь.

Она прошла в другую половину комнаты, стараясь, чтобы их разделяло как можно большее пространство, и опустилась в кресло, не отрывая взгляда от Дирка.

— Если я отвечу на твои вопросы, что тогда?

— Ничего, — спокойно ответил Питт. — Расскажешь историю, которую я смогу проглотить, не подавившись, и ступай.

— Не верю.

— Я не Бостонский Душитель[5] и не Джек Потрошитель; также заверяю тебя, что у меня нет обыкновения похищать невинных девственниц на пляже Вайкики.

— Пожалуйста, — негромко взмолилась она, — я не собиралась причинять тебе вред. Я работаю на свое правительство, как ты на свое. У

тебя есть информация, которую мне нужно получить. В шприце был обычный скополамин.

— Сыворотка правды?

— Да. Это исключительно из-за твоей репутации любимца женщин.

— Чушь какая-то.

— Флот Соединенных Штатов, точнее, его разведка имеет все основания полагать, что один из любовников мисс Хантер пытается добыть закрытую информацию о действиях соединения ее отца. Мне было приказано расследовать твое участие в этом деле. Вот и все.

Конечно нет. Питт не сомневался, что она лжет. Он также понимал, что девушка старается выиграть время. Единственная секретная информация, какой располагала Адриана Хантер, — это любовные достоинства будущих адмиралов флота США.

Когда Питт поднялся с пола и остановился перед Саммер, она увидела жесткий блеск его глаз и заметно напряглась. Смущенный и рассерженный, Питт одновременно испытывал сочувствие. И смотрел на прядь рыжих волос, упавшую на один глаз, и на длинные, изящные пальцы, свободно лежащие на коленях.

— Мне жаль, что все так обернулось, — сказал он. — Чертовски жаль. — Он чувствовал себя глупо. — Жаль, что ты испортила то, что так хорошо начиналось. Ты не из флотской разведки, моя дорогая. Ты даже не добропорядочная американка. Дьявольщина, да в нашей стране с 1930 годов никто не пользуется словом «гангстер». А еще ты провалила проверку на профессионализм. Никакой агент не купится на поддельный звонок в полицию, а ты купилась. К тому же во флоте нет привычки отпускать женщин-агентов в свободное плавание среди злодеев, не придав им группу поддержки, которая остается на расстоянии окрика. У тебя нет сумочки, а платье слишком облегает, чтобы скрыть передатчик, по которому можно вызвать псов, когда дела пойдут плохо.

Шоковая терапия принесла хорошие плоды. Саммер побледнела, и у нее сделался такой вид, словно ее действительно вот-вот вырвет.

Питт продолжал:

— А на случай, если ты думаешь, будто я так же чист и неискушен, знай: ты глубоко ошибаешься. Когда я нес тебя сюда с пляжа, то прощупал целиком, с головы до пальцев ног. У тебя под одеждой только футляр для шприца — на внутренней стороне левого бедра.

Взгляд Саммер был полон отвращения. Питт не мог припомнить, когда женщина так смотрела на него. Девушка поглядела в сторону ванной, словно решала: вытошнить там, в раковину, или прямо здесь, на ковер. Раковина победила. Саммер неуверенно встала, прошла в ванную и захлопнула дверь.

Вскоре Питт услышал плеск воды, уходящей в слив; потом слив заткнули. Питт вышел на балкон и посмотрел на мерцающие огни Гонолулу далеко внизу; у пляжа гудел прибой. Наверно, он слишком задержался на балконе: к реальности его вернул плеск воды в ванной, слишком долгий и мерный для обычного умывания. В три шага он добрался до двери, запертой изнутри. На театральное «Ты там?» не было времени. Он сильно ударил ногой по замку. Ванная была пуста.

Саммер исчезла. Единственным следом была уходящая в окно веревка из банных полотенец. С беспокойством посмотрев вниз, Питт убедился, что конец веревки болтается всего в четырех футах над балконом номера под ним. В номере — ни света, ни тревожных возгласов жильца. Саммер благополучно ушла. Слава богу, подумал Питт.

Он стоял, вспоминая ее лицо — страстное, нежное и веселое.

И выругал себя за то, что позволил ей уйти.

Глава 4

Было раннее утро. Легкий призрачный туман, оставшийся после недавнего дождя, ночью пришел и ушел. Воздух был бы удушливо-влажным, если бы пассат не очистил его от влаги и не унес ее избыток в синий океан, за кольцо рифов. Дуга песчаной полоски пляжа от Алмазной Головы до отеля «Рифы» была пуста, но из огромных стеклянных и бетонных гостиниц уже потянулись туристы; начинались ежедневные прогулки и походы по магазинам.

Лежа на пропотевших простынях поперек кровати, голый Питт смотрел в открытое окно на двух майн, которые дрались на соседней пальме из-за равнодушной самки. Птицы хрипло кричали, обильно летели черные перья, а крик был слышен едва ли не во всем квартале. В то мгновение, когда птичья драка заканчивалась, в дверь позвонили. Питт неохотно набросил халат, зевая, направился к двери и открыл.

— Доброе утро, Дирк. — В коридоре стоял невысокий светловолосый мужчина с выпуклым лбом. — Надеюсь, я не прервал романтическую интерлюдию.

Питт протянул руку.

— Нет, я один. Заходите.

Маленький человек вошел в номер, неторопливо осмотрел его, потом вышел на балкон и полюбовался великолепным видом. Он был безупречно одет — светлый костюм-тройка, в жилетном кармане часы на цепочке. Лицо украшала аккуратно подстриженная рыжая шкиперская бородка с двумя одинаковыми белыми полосками с боков от подбородка; вообще, лицо с растительностью — очень необычно. Оливковую кожу покрывали капли испарины — то ли от влажности, то ли от подъема по лестнице, то ли по обеим этим причинам. Большинство обычно проживает жизнь, выбирая пути наименьшего сопротивления, но адмирал Джеймс Сандекер, директор Национального управления подводных и морских работ, всегда выбирал кратчайший путь из пункта А в пункт Б, преодолевая любые препятствия.

Сандекер повернулся и кивнул через плечо.

— Как можно спать, когда эти проклятые вороны орут прямо над ухом?

— К счастью, когда солнце поднимается, они перестают бесчинствовать. — Питт показал на диван. — Устраивайтесь поудобней, адмирал, а я сварю кофе.

— Брось. Девять часов назад я был в Вашингтоне. Разница во времени вывела из строя мою биохимию. Предпочту выпить.

Питт достал из шкафа бутылку шотландского виски и налил. Посмотрев через комнату, он увидел, как адмирал заморгал. Что происходит? Директор одного из важнейших правительственных агентств не летит за шесть тысяч миль, чтобы поболтать со своим руководителем отдела специальных проектов о птичках.

— Что привело вас сюда из Вашингтона? Мне казалось, вы занимаетесь только планами новой глубоководной экспедиции.

— А ты не знаешь, почему я здесь? — Адмирал говорил тихо, с язвительностью, от которой у Питта всегда мурашки бежали по спине. — Из-за твоей привычки совать нос не в свое дело. Мне пришлось прилететь, чтобы выдернуть тебя из одной заварушки и бросить в другую.

— Не понимаю.

— Я слишком хорошо знаю эту твою способность. — Адмирал улыбнулся с легкой насмешкой. — Когда ты принес капсулу со «Старбака», то, считай, разворошил осиное гнездо. Ты, сам того не зная, вызвал землетрясение в Пентагоне, которое уловили сейсмографы в Калифорнии. К тому же ты сразу стал важной птицей в Морском департаменте. Для этих парней я всего лишь старик в отставке, поэтому мне не позволили даже заглянуть за занавес. Глава департамента просто попросил меня — вежливо, должен сказать, попросил, — немедленно

лететь на Гавайи, объяснить твое новое назначение и временно передать в подчинение ВМФ.

Питт прищурился.

— И кто за этим стоит?

— Адмирал Ли Хантер из 101-го отделения флота спасателей.

— Вы серьезно?

— Он лично просил о твоем переводе.

Питт сердито покачал головой.

— Глупо. Что помешает мне отказаться?

— Ты вынуждаешь меня напомнить, — спокойно сказал Сандекер, — что, несмотря на твой статус в НПМА, формально ты все еще майор военно-воздушных сил на действительной службе. А ты хорошо знаешь, как командование относится к неподчинению приказам.

Питт с вызовом смотрел в глаза Сандекеру.

— Не подействует.

— Подействует, — ответил Сандекер. — Ты отличный морской инженер, лучшего у меня нет. Я уже встретился с Хантером и сообщил ему об этом.

— Есть другие сложности, — не очень уверенно сказал Питт, — которые не принимались во внимание.

— Ты про то, что спишь с дочерью адмирала?

Питт застыл.

— Вы знаете, кто вы после этого, адмирал?

— Хитрый, изобретательный сволочной старикашка? — спросил Сандекер. — На самом деле в этой истории есть много такого, чего ты и не заметил.

— Звучит чертовски зловеще, — сказал Питт, на которого это не произвело впечатления.

— Этого я и хотел, — серьезно сказал Сандекер. — Ты переходишь на флот не для того, чтобы освоить новую профессию. Будешь связным между Хантером и мной. Пока суд да дело, НПМА увязнет во всем этом по уши. Нам приказано помочь ВМФ любыми океанографическими данными, какие понадобятся.

— И оборудованием?

— Если потребуют.

— Найти подводную лодку, исчезнувшую полгода назад, — это совсем не пикник.

— «Старбак» — только частный случай, — сказал Сандекер. — В Военно-морском министерстве собраны документы о тридцати восьми кораблях, которые за последние тридцать лет ушли в море к северу от Гавайских островов и бесследно исчезли. ВМФ хочет знать, почему это происходит.

— Корабли исчезают и в Атлантическом, и в Индийском океанах. Бывает.

— Это верно, но в обычных обстоятельствах после морской катастрофы остаются следы: плавающие предметы, масляные пятна, даже тела. Обломки судна помогают предположить, что с ним произошло, но от кораблей, исчезнувших в Тихоокеанском Водовороте, не остается ни следа.

— Что такое Тихоокеанский Водоворот?

— Так называют это место моряки во всем мире. И ни за что не идут служить на корабль, который должен плыть через этот район.

— Тридцать восемь кораблей, — медленно повторил Питт. — А что же радиосвязь? Корабль должен затонуть в считанные секунды, чтобы не успеть передать сигнал SOS.

— Никакие сигналы тревоги не поступали.

Питт ничего не сказал. Сандекер молча пил виски мелкими глотками, не делая никаких комментариев. Словно по команде опять закричали майны, разорвав недолгую тишину. Питт выбросил птиц из головы и напряженно уставился в пол: у него в голове возникали сотни вопросов, но было еще слишком рано выстраивать теории о причинах загадочного исчезновения кораблей.

Затянувшееся молчание нарушил Питт:

— Ну хорошо, тридцать семь кораблей не достигли порта назначения. Остается тридцать восьмой — «Старбак». Из капсулы Морское министерство получило точные сведения о его местонахождении. Чего они ждут? Если корабль найдут, спасатели и без божьей помощи поднимут его с десяти морских саженей.

— Все не так просто.

— Почему? Здесь, в Оаху, у входа в бухту Перл- Харбор, Флот поднял субмарину Ф-4 с шестидесяти саженей. Еще в 1915 году.

— Нынешние адмиралы в креслах, которые думают только с помощью компьютеров, не уверены, что найденное тобой послание подлинное. Им нужно время для анализа почерка.

Питт вздохнул.

— Они считают, что какой-то тупой осел подделал капсулу, чтобы всех разыграть?

— Что-то в этом роде.

Питт подавил желание рассмеяться.

— По крайней мере мой перевод получает объяснение. Хантер хочет, чтобы я все время был на глазах.

— Ты допустил ошибку, прочитав содержимое капсулы. Одно это переводит тебя из невинных свидетелей в число владеющих совершенно секретной информацией. К тому же 101-е отделение хочет одолжить наш новейший вертолет FXH для дальних перелетов. Никто в ВМФ не готов им управлять. А ты готов. И если недружественное государство попытается отыскать и захватить новейшую атомную подводную лодку США раньше нас — корабль пропал в международных водах, а там находка принадлежит тому, кто найдет первым, — ты станешь приманкой для тайных агентов, которые попытаются вызнать у тебя местоположение лодки.

— Хорошо сознавать, что тебя знают и любят, — сказал Питт. — Но вы забыли: я не единственный, кому известно место последнего упокоения «Старбака».

— Да, но к тебе легче всего подобраться. Хантер и его штат в Перл-Харборе надежно защищены; они работают круглосуточно, пытаясь разгадать головоломку. — Адмирал замолчал, сунул в рот толстую сигару, раскурил и принялся задумчиво пускать дым. — Если бы агент знал тебя так, как знаю я, мой мальчик, он не стал бы применять силу. К тебе в ближайший бар подослали бы самую соблазнительную Мату Хари и позволили бы тебе снять ее.

Сандекер заметил внезапно скривившееся лицо Питта, но продолжал:

— Должен добавить, что, к твоему сведению, 101-е отделение — одна из лучших тайных спасательных организаций в мире.

— Почему тайных?

— Говорить с тобой все равно что рифы тара- нить, — терпеливо сказал Сандекер. — Адмирал Хантер и его люди подняли английский бомбардировщик из воды в десяти милях от Кубы, под самым носом у Кастро. Они подняли «Новое столетие» у берегов Ливии, «Южный ветер» в Черном море, «Таримару» в виду Китая. И успели раньше, чем упомянутые государства поняли, что происходит. Не надо недооценивать Хантера и его банду подводных старьевщиков. Им нет равных.

— А почему «плащ и кинжал» в случае со «Старбаком»? — спросил Питт.

— Во-первых, последние координаты Дюпре категорически невозможны. Субмарина могла занять позицию, указанную в документе, только если умела летать. Строители подлодок этим чудом еще не овладели. Тем более в случае корабля, в котором десять тысяч тонн стали.

Питт пристально посмотрел на Сандекера.

— Но корабль должен быть там. Сегодняшние системы подводного обнаружения доведены до совершенства. Невозможно, чтобы «Старбак» затерялся и расширенные поиски ничего не дали.

Сандекер поднял пустой стакан и посмотрел на него.

— Пока существуют моря, корабли и люди, будут существовать необычные неразрешимые загадки. «Старбак» — только одна из них.

Глава 5

Питт стоял под душем: от горячей воды раскрывались поры. Обдавшись наконец холодной водой, он вышел, вытерся и не спеша побрился. У него не было ни малейшего намерения являться в штаб-квартиру Хантера вовремя. Не позволю старому ублюдку испортить мой первый рабочий день, думал он, улыбаясь зеркалу.

Он выбрал белый костюм и розовую рубашку. И, пока сложным узлом завязывал галстук, ему пришло в голову, что неплохо бы обзавестись небольшой защитой. У Саммер ничего не вышло, но Питт видел: вероятность дожить до старости тает с каждым мгновением. Ему не выстоять в рукопашной с хорошо обученными профессиональными агентами разведки.

Скорострельный пистолет «Маузер» 712-й модели, серия 47405, можно описать как оружие, пробуждающее жажду крови. Этот уникальный пистолет способен производить одиночные выстрелы или стрелять очередями, как автомат. Идеальное оружие, чтобы внушить страх несчастному, который беспомощно смотрит в ствол.

Питт небрежно бросил маузер на кровать, снова порылся в саквояже и достал оттуда деревянную наплечную кобуру. Ее узкий конец был металлическим, с нарезкой, которая позволяла превратить кобуру в приклад для стрельбы по дальним целям; пистолет таким образом превращался в карабин; приклад использовали и при автоматической стрельбе. Питт сунул пистолет в кобуру и вместе с магазином на пятьдесят зарядов завернул в пляжное полотенце.

По дороге в вестибюль лифт останавливался на каждом этаже, принимая новых постояльцев, пока они не перестали вмещаться. Питт гадал, что подумали бы его попутчики, знай они, что у него в полотенце. После того как толпа шумно, толкаясь, выгрузилась в вестибюле, Питт задержался, нажал кнопку «Подвал» и спустился еще ниже, к подземной парковке. Открыл свою «АС-Кобру», спрятал маузер в узкой Щели за сиденьем водителя и сел за руль.

Он вывел машину наверх по пандусу и влился в транспортный поток на Калакауа-авеню, направляясь в северную часть города. Пальмы, росшие вдоль улицы, клонились к веренице современных магазинов и офисов, а тротуары в этом квартале были запружены толпами туристов в ярких нарядах. Солнце стояло высоко и отражалось от асфальта, заставляя Питта щуриться, когда он из-под темных очков смотрел на приборный щиток.

Он опаздывал на встречу с Хантером уже почти на час, но должен был сделать что-то еще, какая-то мысль в глубине сознания просила, чтобы ее услышали. Он и сам не знал, чего ждет, когда под колесами заскрипел красный вулканический булыжник дороги, но тем не менее свернул с шоссе и без видимой причины проехал еще две мили. Потом остановил машину у обочины и прошел мимо небольшой аккуратной вывески: «Музей Бернис Пауахи Бишоп: полинезийская этнология и естественная история».

Главный зал с галереей на верхнем этаже был уставлен аккуратными витринами с туземными каноэ, птицами и рыбами, копиями примитивных травяных хижин и необычными уродливыми статуями древних гавайских богов. Питт заметил невысокого, седовласого, с гордой осанкой мужчину, который размещал в витрине коллекцию раковин. Джордж Папаалоа был настоящим гавайцем: широкое коричневое лицо, выступающий подбородок, большие губы, туманные карие глаза и грациозное, движущееся без усилий тело. Он поднял голову, увидел Питта и помахал.

— А, Дирк. Рад твоему приходу. Пойдем в мой офис, там можно посидеть.

Питт прошел за ним в чистенький спартанский кабинет. Древняя мебель была заново покрыта лаком, а на книгах, которыми были уставлены

полки вдоль стен, не было пыли. Папаалоа сел за стол и показал на викторианский диван.

— Расскажи, друг мой, нашел ли ты место упокоения короля Камехамеха?

Питт откинулся на спинку.

— Я почти всю неделю нырял на побережье у мыса Кона, но не нашел ничего похожего на погребальную пещеру.

— Наши легенды говорят, что он покоится в пещере под водой. Может быть, в одной из рек?

— Ты лучше меня знаешь, Джордж, что в засуху ваши реки превращаются в пересохшие канавы.

Папаалоа пожал плечами.

— Возможно, лучше, если место погребения никогда не найдут и король сможет покоиться с миром.

— Никто и не думает тревожить вашего короля. Там нет сокровищ. Камехамеха Великий стал бы замечательной археологической находкой, и только. Его кости лежали бы не в старой мокрой пещере, а в прекрасной новой усыпальнице в Гонолулу, всеми почитаемые.

Взгляд Папаалоа оставался печальным.

— Едва ли великому королю понравилось бы, что на его останки глазеют ваши хаоле.

— Думаю, он все же терпел бы нас, хаоле с материка, знай он, что восемьдесят процентов населения его королевства теперь выходцы с Востока.

— Как ни грустно, это правда. То, чего японцы не смогли добиться бомбами в сороковые годы, они добились деньгами в семидесятые и восьмидесятые. Я не Удивлюсь, если однажды, проснувшись, увижу над дворцом Иолани развевающийся на ветру флаг с восходящим солнцем. — Папаалоа пристально и бесстрастно смотрел на Питта. — У моего народа осталось мало времени. Два, от силы три поколения — и мы окончательно сольемся с другими расами. Мое наследие умрет со мной. Я последний человек с чистой гавайской кровью в своей семье. — Он взмахом руки обвел кабинет. — Потому я и выбрал музей делом своей жизни. Чтобы сохранить культуру умирающей расы, моего народа.

Он замолчал, глядя в маленькое окно на горы Коолау.

— Я старею, и мне трудно собраться с мыслями. Ты ведь пришел сюда не для того, чтобы слушать ворчание старика. Что тебе нужно?

— Хочу что-нибудь узнать о месте, которое называется Тихоокеанский Водоворот.

Папаалоа прищурился.

— Тихоокеанский Водо... а, да, я знаю, о чем ты.

Он несколько мгновений задумчиво смотрел на

собеседника, а потом заговорил, негромко, почти шепотом:

А ка макании хема па

Ка Мауна о Каноли Ики

А канака ке кауахиви хоопии.

— Гавайский язык очень певуч, — заметил Питт.

Папаалоа кивнул.

— Это потому, что в нем всего семь согласных: х, к, л, м, н, п, в. И в слоге может быть только один согласный. В переводе на английский это стихотворение означает: «Когда дует южный ветер, видна гора Каноли, и ее вершина кажется населенной».

— Каноли? — переспросил Питт.

— Мифический остров на севере. Согласно нашим легендам, много столетий назад семья-племя покинула далекие острова на юго-западе, вероятно Таити, и поплыла в большом каноэ через великий океан на север, чтобы воссоединиться с соплеменниками, эмигрировавшими на Гавайи несколькими десятилетиями раньше. Но боги рассердились на людей за то, что они бегут со своей родины, и изменили положение звезд; тот, кто вел каноэ, заблудился. Эти люди прошли на много миль севернее Гавайев, увидели Каноли и высадились на этот остров. Боги действительно наказали то племя: Каноли оказался пустынным островом. На нем росло несколько кокосовых пальм и фруктовых деревьев, росло таро, но не было ручьев с холодной чистой водой. Люди приносили жертвы и молили богов о прощении. Но боги не откликнулись на их мольбы, и тогда племя отвергло своих жестоких богов и принялось за работу, чтобы, преодолевая многочисленные трудности, превратить Каноли в остров-сад. Многие погибли в этих стараниях, но спустя несколько десятков лет люди создали на голом вулканическом острове великую цивилизацию и, довольные работой, провозгласили себя богами.

Дирк сказал:

— Похоже на испытания наших первопоселенцев, квакеров и мормонов.

Папаалоа испустил долгий вздох.

— Это не одно и то же. Ваши люди сохраняли свою веру и опирались на нее, как на посох. Туземцы на Каноли решили, что они лучше богов, которым когда-то поклонялись — ведь они создали рай без их помощи. Они решили, что выше других смертных. И начали нападать на Кауаи, Омаху, Гавайи и другие острова, убивать, грабить, уводить самых красивых женщин в рабство. Первобытные жители Гавайских островов были беспомощны. Нельзя сопротивляться человеку, который ведет себя и сражается как бог. Единственной надеждой оставалась вера в своих богов. Люди молились о помощи, и их мольбы были услышаны. Боги гавайцев заставили море подняться и навсегда утопить злых жителей Каноли.

— У моего народа тоже есть легенда о земле, затопленной морем. Эта земля называлась Атлантидой.

— Я читал. Платон очень поэтично описывает это в «Тимее» и «Критии».

— Кажется, ты знаток не только гавайских мифов.

Папаалоа улыбнулся.

— Легенды подобны узелкам на нити: одна ведет к другой. Я мог бы рассказать тебе множество историй о далеких землях; эти истории почти точно совпадают с тем, что есть в христианской Библии, только намного древнее.

— Ясновидцы предсказывают, что Атлантида когда-нибудь восстанет.

— То же говорят и о Каноли.

— Интересно, — сказал Питт, — сколько правды в таких легендах?

Папаалоа оперся локтями на стол и посмотрел на Питта поверх скрещенных рук.

— Странно, — сказал он. — Очень странно. Он сказал то же самое.

Питт вопросительно посмотрел на него.

— Он?

— Да. Это было очень давно, сразу после Второй мировой войны. Человек в течение недели каждый день приходил в музей и

просматривал все книги и документы в нашей библиотеке. Его тоже интересовали легенды о Каноли.

— За прошедшие годы кто-нибудь еще должен был поинтересоваться этой историей.

— Нет, после того человека ты первый.

— У тебя память цепкая, как капкан, дружище, если ты смог вспомнить такую старину.

Папаалоа разжал руки и неуверенно посмотрел на Питта.

— Я не могу забыть этот случай, потому что не могу забыть того человека. Понимаешь, это был великан с золотыми глазами.

Вслед за изумлением приходит досада и туманным облаком обволакивает следующий шаг. Оказавшись в таком облаке, человек начинает двигаться и действовать, повинуясь чутью. Именно так повел себя Питт за полчаса до полудня, когда вышел из музея Джорджа Папаалоа.

Мысли его мешались, метались, пытаясь совместить две части головоломки. С парковки музея выехал старый серый грузовик «додж» и теперь не отставал. Питт готов был забыть его как плод своего воображения — его подсознание всюду начинало видеть вражеских агентов в шинелях, агентов с птичьими глазами, скрывающихся за каждым кустом. Но Питт ехал в Перл-Харбор, а грузовик повторял все его повороты, словно привязанный веревкой.

Питт снова повернул и чуть увеличил скорость, теперь не отрывая глаз от зеркала заднего обзора. Грузовик тоже повернул, немного отстал, но потом тоже наддал и быстро сократил расстояние. Две мили Питт вел свою «Кобру» по забитому машинами шоссе, потом свернул на Маунт-Танталус-драйв. Он обогнул очередной крутой поворот на поросшем папоротником склоне хребта Коолау, постепенно, по миллиметру за раз, прижимая педаль. И разглядывал в зеркале водителя грузовика, который пытался не отстать от стремительной маленькой красной машины.

Потом произошло неожиданное. Раздался красноречивый предупреждающий грохот выстрела; пуля ударила в круглое боковое зеркало, разбила его вдребезги и полетела дальше. Игра становилась грубой. Питт вдавил акселератор и увеличил расстояние между «Коброй» и преследующим ее «доджем».

Сукин сын нацепил глушитель, молча выбранился Питт. Глупо было выезжать из города, на улицах которого он был в относительной

безопасности. Теперь единственная надежда на то, что он успеет вернуться в Гонолулу раньше, чем ему выстрелом разнесут голову. Если повезет, может встретиться полицейская патрульная машина. Но очередной взгляд в зеркало заднего обзора ошеломил Питта. Грузовик был в десяти ярдах от заднего бампера «Кобры».

Дорога достигла отметки в две тысячи футов над уровнем моря и начала, резко петляя, спускаться к городу внизу. Начался ровный участок в милю длиной, и грузовик попытался еще сократить расстояние. Питт готовился к следующему повороту, пригнувшись, насколько позволяла тесная кабина. Стрелка спидометра достигла отметки семьдесят пять миль в час. Когда грузовик пересек осевую и попробовал пристроиться рядом и сбоку, Питт бросил взгляд в окно; он никогда не забудет чернокожего длинноволосого человека, который улыбнулся ему, показав кривые, желтые от табака зубы. Это длилось всего мгновение, но Питт во всех подробностях разглядел рябое лицо, черные горящие глаза, большой крючковатый нос, обтянутый темной, как каштан, кожей.

Питт испытывал только раздражение — из-за того, что нельзя выстрелить в ответ, разнести в куски лицо этого ублюдка. В десяти дюймах за сиденьем у него лежал превосходный пистолет, а он не мог его взять. Акробат ростом в четыре фута дотянулся бы до рукояти маузера, но не Питт с его шестью футами тремя дюймами.

Можно было просто остановить машину, выйти, снова протиснуться внутрь, достать сверток из-за сиденья, развернуть полотенце, снять маузер с предохранителя и открыть стрельбу. Единственная проблема — время. Грузовик подъехал слишком близко. Крючконосый водитель успел бы остановить машину и пять раз прострелить Питту кишки, прежде чем тот вынет пистолет из полотенца.

Дорога впереди резко поворачивала; перед опасным поворотом висел дорожный знак с надписью черными буквами «Ограничение скорости 20». Питт вошел в поворот на пятидесяти пяти милях. Грузовик не справился с центробежной силой и отстал, прежде чем водитель сумел использовать превосходящую мощность мотора.

План за планом мелькали в голове у Питта, и он все их отбрасывал. Притормаживая перед следующим поворотом, он сильнее вдавил акселератор, изучая в зеркало заднего обзора действия водителя грузовика, который снова попытался поравняться с «Коброй».

То, что он не целился Питту в голову, служило слабым утешением. Он пытался сбросить Питта с дороги на дно долины, в пропасть глубиной несколько сотен футов.

От очередного поворота Питта отделяло еще двести ярдов; он не сбавлял скорость. Серый «додж» постепенно поравнялся с передним бампером

спортивной машины. Один толчок, и Питт отправится в полет. Когда до поворота оставалось всего сто ярдов, Питт резко утопил акселератор, а потом так же резко затормозил. Неожиданный маневр застал улыбающегося водителя врасплох. Он тоже увеличил скорость, чтобы не отстать от добычи и снова занять положение, с которого можно было бы сбросить Питта с утеса. Поздно! Оба уже были на повороте.

Питт продолжал резко тормозить; он включил понижающую передачу и вогнал машину в поворот, так что шины протестующе взвизгнули. У «Кобры» все колеса ведущие, но задние начали скользить. Быстрый поворот вправо компенсировал скольжение, и Питт, снова увеличив скорость, вышел на следующий участок прямой. Взгляд в зеркало показал, что дорога за ним пуста. Грузовик исчез.

Питт сбросил скорость и проехал еще с полмили. По-прежнему ни следа грузовика. Развернувшись, Питт поехал обратно, готовый в любое мгновение вновь развернуться на сто восемьдесят градусов, если неожиданно покажется «додж». Он добрался до поворота, остановил машину, вышел и подошел к краю дороги.

Внизу, в тропических зарослях, очень медленно оседала пыль. На дне пропасти, у самого подножия утеса, лежали обломки серого грузовика с полностью вырванным двигателем. Водителя не было видно. Питт уже почти отказался от поисков, когда на телефонном столбе в ста футах над обломками увидел неподвижную фигуру.

Страшное зрелище. Видимо, перед тем, как «додж» начал падение в пропасть, водитель попытался выпрыгнуть. Но сорвался, пролетел двести футов и напоролся на телефонный столб на бетонном основании. Металлический шпиль, который используют при работе ремонтники, пробил тело. На глазах у Питта нижняя часть столба из коричневой стала красной, словно перекрашенная невидимой рукой; теперь труп походил на висящую на крюке тушу.

Питт спустился по Маунт-Танталус, миновал указатель, отмечавший начало поселка Маноа, и добрался до первого дома. Здесь он поднялся на порог, увитый по бокам виноградом, и попросил у пожилой японки разрешения позвонить по телефону, чтобы сообщить о дорожном происшествии. Женщина молча поклонилась и провела Питта к телефону на кухне. Сначала он позвонил адмиралу Хантеру, быстро доложил о случившемся и сообщил, где находится.

Адмирал в микрофоне ревел, как бык; Питт вынужден был на несколько дюймов отвести трубку от уха.

— Не звоните в полицию Гонолулу! — рявкнул адмирал. — Дайте людям из службы безопасности десять минут, чтобы они могли осмотреть обломки до приезда следователей. Ясно?

— Думаю, я смогу это сделать.

— Хорошо! — продолжал Хантер, словно не заметив сарказма Питта. — Десять минут. Потом марш в Перл-Харбор. У нас много работы.

Питт подтвердил, что понял, и повесил трубку.

Он ждал десять минут, отвечая на град вопросов о крушении, которыми его осыпала женщина. Потом снова поднял трубку и попросил полицию Гонолулу. Когда после его рассказа у него спросили имя, он ничего не ответил и побыстрее повесил трубку.

Поблагодарив хозяйку, он укрылся в машине и добрых пять минут просидел за рулем, потея на кожаном сиденье от тропической влажности и жары.

Что-то не так; он что-то упустил, не додумал какую-то мысль.

Неожиданно он понял. Быстро завел мотор и, оставляя на изношенном асфальте следы шин «Гудиер», поехал к месту крушения. Пять минут до телефона, двадцать минут за разговорами, словно время ничего не значит, три минуты обратно — затрачено целых двадцать восемь минут.

Он должен был догадаться, что преследователь не один. «Кобра» резко затормозила, и Питт снова вышел на край пропасти.

Обломки машины, похожие на разломанную ребенком игрушку, были на месте, где он их оставил. Телефонный столб по-прежнему одиноко возвышался среди скал, провода с его перекрестия уходили в бесконечность. И шпиль был на месте. Но тело водителя исчезло. Остался только красный след. Кровь свертывалась и запекалась под утренним солнцем.

Глава 6

Со времен Гражданской войны не было более жалкого конторского здания, чем сооружение из гофрированного железа, похожее на склад металлолома. Вокруг барака с проржавевшей крышей, с потрескавшимися, запыленными окнами раскинулось море сорняков. Но у дряхлой двери в пятнах краски Питту преградил путь морской пехотинец-сержант с автоматическим «Кольтом» 45-го калибра.

— Ваше удостоверение!

Это была не просьба, а приказ.

Питт предъявил удостоверение личности.

— Дирк Питт. Меня ждет адмирал Хантер.

— Боюсь, я должен видеть полученный вами приказ, сэр.

Питт не был настроен соблюдать все формальности. А морпехи, напыщенные, всегда готовые подраться или хором затянуть «Морской гимн», его особенно раздражали.

— Приказ я покажу дежурному офицеру и никому больше.

— Мне приказано...

— Вам приказано проверять пропуска у людей, которые могут войти в здание, — холодно сказал Питт. — Никто не давал вам разрешения играть в героя и проверять документы. — Питт показал на дверь. — А теперь будьте любезны...

Краснолицый сержант выглядел так, будто не может решить, позвать ли на помощь или ударить Питта в живот. Помедлив немного, он взглянул в ледяное лицо Питта, повернулся, открыл дверь за собой и кивком разрешил Питту пройти.

Внутри здания было пусто, валялись перевернутые стулья, стоял покрытый пылью шкаф, на полу раскиданы газеты. Пахло плесенью, с потолка свисала паутина. Питт очень удивился, но сержант прошел в конец пустого помещения и дважды топнул по деревянному полу. Услышав приглушенный ответ, он поднял тщательно замаскированную крышку люка и жестом пригласил Питта спуститься по тускло освещенной лестнице. Потом отступил в сторону и отпустил крышку, так что она захлопнулась в нескольких дюймах от головы Питта, едва не задев его.

Тень Эдгара Аллана По, подумал Питт. Спустившись, он раздвинул занавеси и оказался в центре шумной деятельности. Перед ним почти на двести футов тянулся подземный бункер. Флуоресцентные лампы на потолке освещали ряд оперативных помещений. От одной стены, обшитой деревянными панелями, до другой пол закрывал толстый бежевый ковер, а на нем стояли столы, компьютеры и телетайпы, которые вполне уместно смотрелись бы и в самом роскошном офисе на Мэдисон-авеню.

За столами сидело множество миловидных девушек в безупречной морской форме; одни из них за видеодисплеями яростно стучали по клавиатуре; другие грациозно прохаживались перед рядом компьютеров, стоявших посреди помещения. Человек двадцать морских офицеров в белой форме стояли небольшими группами, изучая листы компьютерных распечаток или выписывая сложные формулы на зеленых досках, развешанных по стенам. Все в целом напоминало крупную букмекерскую контору. Не хватало только монотонного голоса, объявляющего результаты скачек.

Адмирал Хантер заметил Питта, распрямился, лукаво улыбнулся и прошел вперед, протягивая руку.

— Добро пожаловать в новый штаб 101-го отделения, мистер Питт.

— Производит сильное впечатление.

Хантер небрежно осмотрел просторное помещение.

— Построено во время Второй мировой. С тех пор не использовалось. Я не вынес такой бесхозяйственности и потому переехал.

Хантер взял Питта за плечо и увел в кабинет за перегородкой в углу бункера. Резкие черты лица, властное выражение, напряженный взгляд — все это делало Хантера типичным командиром части, который собирается атаковать невидимого за горизонтом противника. Именно так и обстояли дела.

— Вы опоздали ровно на два часа тридцать восемь минут, — сурово сказал Хантер.

— Простите, сэр. Движение на дорогах затруднено.

— Вы объяснили мне это по телефону. Благодарю за то, что в первую очередь связались со мной. Отличная мысль.

— Простите, что все испортил, уехав с места аварии.

— Не расстраивайтесь. Вряд ли мы что-нибудь узнали бы от мертвеца, разве только опознали бы его. Скорее всего ваш приятель в грузовике — местный бандит, которому заплатили, чтобы он отправил вас на кладбище.

— И все же могло быть что-нибудь...

— Агенты редко прикалывают к рубашкам своих платных помощников листки с описанием своих операций, — саркастически прервал его Хантер.

— Под агентами вы имеете в виду русских?

— Может быть. У нас пока нет доказательств, но наша разведка считает, что у русских есть организация, которая старается узнать последние координаты «Старбака», чтобы первыми запустить в него когти.

— Адмирал Сандекер упоминал о такой возможности.

— Отличный человек. — В голосе Хантера звучало удовлетворение. — Сегодня утром он показал мне ваше досье. Должен честно признаться, что никак не ожидал ничего подобного. Крест «За летные заслуги» с

двумя звездами, Серебряная звезда, еще несколько медалей и, наконец, Пурпурное сердце. Откровенно говоря, я считал вас проходимцем.

Хантер достал из стола пачку сигарет и протянул Питту.

Старый паршивец пытается быть вежливым, ей- богу, подумал Питт.

— Вы, очевидно, заметили, что в этом перечне нет медали «За отличное поведение».

Питт вернул ему пачку.

Хантер внимательно разглядывал Питта.

— Заметил. — Он взял сигарету, чиркнул спичкой, потом склонился к столу и нажал кнопку громкой связи. — Ягер, разыщите коммандеров Денвера и Боланда и пошлите их сюда. — Он отключился, повернулся и спустил по стене карту северной части Тихого океана. — Слыхали о Тихоокеанском Водовороте, майор?

— Не слыхал до сегодняшнего утра.

Хантер постучал костяшками пальцев по карте севернее Оаху.

— Здесь, в радиусе двухсот миль, с 1956 года исчезло свыше тридцати кораблей. Самые тщательные поисковые операции ничего не дали. До тех пор число затонувших кораблей соответствовало норме — один- Два за каждые двадцать лет.

Хантер отвернулся от карты и почесал ухо.

— Этот район неоднократно изучали. Все имеющиеся данные мы пропустили через компьютеры в поисках возможного решения. Но пока есть только несколько совершенно невероятных теорий. Фактов слишком мало, и они никак друг с другом не связаны...

Хантеру помешал негромкий стук в дверь: в комнату вошли Денвер и Боланд. Оба, не узнавая, посмотрели на Питта; потом по их взглядам стало видно, что они его узнали.

Первым спохватился Денвер:

— Дирк, приятно видеть вас в команде.

Питт улыбнулся.

— На этот раз я оделся соответственно случаю.

Боланд только кивнул в сторону Питта, пробормотал приветствие и сел.

Хантер достал из кармана льняной платок и прижал ко рту, чтобы убрать с языка крошку табака. Поглядев на маленький коричневый комок, он сказал:

— У нас было слишком мало времени на подготовку, мистер Питт, но сейчас уже многое на ровном киле. Наши компьютеры связаны со всеми системами безопасности в стране. Я рассчитываю на вас в координации наших действий с Вашингтоном. Нам нужны ответы, и побыстрее. Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь к коммандеру Боланду.

— Понадобится, — сказал Питт.

— Говорите.

— Я расположен на местном тотемном столбе очень низко. И до сегодняшнего утра ни о чем таком не слышал. От меня не будет толку, если я не узнаю, что стоит за разговорами о таинственно исчезающих в море кораблях.

Хантер задумчиво поглядел на него.

— Прошу прощения. — Он помолчал, потом очень тихо добавил: — Полагаю, о Бермудском треугольнике вы слыхали?

Питт кивнул и ответил утвердительно.

— Треугольник, — продолжал Хантер, — не единственное место в мире, где случаются необъяснимые происшествия. Такие места есть в Средиземном море.

И хотя об этом известно меньше, район Тихого океана Ромондо на юго-восток от Японии за последние два столетия стал местом гибели большего количества кораблей, чем остальные океаны вместе взятые. Это приводит нас к очень необычному месту — к Тихоокеанскому Водовороту.

— Лично мне это кажется вздором, — резко сказал Питт.

— Ну, не знаю, — ответил Боланд. — Многие известные ученые считают, что там что-то есть.

— Значит, вы скептик? — спросил Хантер Питта.

— Придерживаюсь правила: верю только в то, что вижу, обоняю и осязаю.

Хантер сдался, это было слышно по его тону.

— Джентльмены, совершенно неважно, что мы считаем. Важны только факты; именно их мы и будем придерживаться, пока я командую 101-м отделением спасательного флота. Наша работа — спасать корабли. А

сейчас наша главная цель — найти и поднять «Стар- бак». Мы пробовали связать это происшествие с Тихоокеанским Водоворотом исключительно ввиду необычных обстоятельств, при которых появилось послание коммандера Дюпре. Если мы сумеем выяснить не только причину гибели «Старбака», но и причины исчезновения других кораблей за эти годы, тем лучше для торгового и пассажирского пароходства. Если Русские или китайцы приберут подлодку к рукам раньше нас, в Вашингтоне будут очень недовольны.

— Особенно в Военно-морском министерстве, — Добавил Боланд.

Хантер кивнул.

— И в министерстве, и во всех научных лабораториях и промышленных фирмах, которые много лет конструировали и строили самую передовую атомную подводную лодку. Люди, которые вложили в «Старбак» немало сил и времени, не обрадуются, если корабль встанет у причала во Владивостоке.

— Есть ли сходство между исчезновением «Стар- бака» и других кораблей и самолетов? — спросил Питт.

— Я отвечу на ваш вопрос, майор, — резко сказал Боланд. — Начнем с того, что в отличие от Бермудского треугольника нет никаких сообщений о пропаже самолетов в районе Тихоокеанского Водоворота. Во-вторых, нет ни выживших, ни шлюпок, ни тел, нет никаких обломков и нет возможности установить связь. Единственное, что связывает подводную лодку с исчезнувшими кораблями, — все это происходило в одном четко определенном районе океана.

Денвер наклонился и коснулся руки Питта.

— Если не считать капсулы с сообщением, которую вы обнаружили на мысе Каена, есть лишь одно свидетельство очевидца.

Питт сказал:

— Адмирал Сандекер упоминал об этом исключении.

— «Лили Марлен», — тихо сказал Хантер. — Случай еще более невероятный, чем с «Марией Селестой». — Он открыл ящик стола и порылся в нем. — Документ небольшой, всего несколько страниц. — Он протянул Питту тонкую папку и тем же движением включил интерком: — Ягер, принесите кофе.

Питт сел в кресло, отметил название папки и начал читать:

«Необыкновенное исчезновение корабля «Лили Марлен».

Корабль «Лили Марлен», бывший английский торпедный катер, преобразованный в частную яхту, в полдень 10 июля 1968 года вышел из порта Гонолулу и направился на северо-запад к Оаху; указанная цель рейса — съемки сцены на спасательной шлюпке для кинофильма, который снимал Герберт Веруссон, всемирно известный продюсер, владелец яхты. Море было спокойное, погода хорошая, если не считать легких облаков; ветер северо-восточный, примерно четыре узла.

13 июля в 20:50 станция береговой охраны на мысе Макапу и Центр связи ВМФ в Перл-Харборе засекли сигнал бедствия с корабля с указанием его координат. С аэродрома Хикам подняли спасательную авиацию, а из Оаху вышли корабли береговой охраны и ВМФ. После сигнала SOS, передававшегося в течение двадцати минут, наступило молчание, нарушенное последними загадочными словами с «Лили Марлен»: «Они пришли из тумана. Капитан и первый помощник мертвы. Экипаж сопротивляется. Шансов нет. Их слишком много. Первыми гибнут пассажиры. Не щадят никого, даже женщин. — Недолгое молчание. — На южном горизонте корабль. Боже! Если бы он поспел вовремя! Мистер Веруссон погиб. Сейчас они идут ко мне. Больше нет времени. Они услышали радио. Не вините капитана. Он не мог знать. Они стучат в дверь. Нет времени. Я не понимаю. Корабль снова плывет. Помогите! Ради Бога, помогите нам! Боже милостивый! Иисусе! Они...»

На этом последнее сообщение заканчивается.

Первым на месте бедствия оказалось испанское торговое судно «Сан-Габриэль». Оно было всего в двенадцати милях от яхты, когда поймало сигнал SOS с «Лили Марлен». Именно его увидел радист «Лили Марлен», прежде чем умолк. Когда испанский корабль подошел, экипаж заметил, что яхта не повреждена и идет малым ходом, оставляя узкий кильватерный след. Внезапно неизвестно почему «Лили Марлен» остановилась, и это позволило капитану «Сан-Габриэля» выслать абордажную группу. Она обнаружила мертвый корабль с мертвым экипажем. Безжизненные тела пассажиров, кинематографистов, офицеров корабля и матросов грудами лежали на палубе и в каютах. В радиорубке радист лежал на передатчике, на панели по-прежнему мигала красная лампочка.

Офицер, командовавший группой, немедленно связался с капитаном «Сан-Габриэля» и в ужасе описал увиденное. Тела жертв позеленели, лица начали оплывать и таять, словно от высокой температуры. Корабль окутало зловоние, схожее с запахом серы. } Положение тел указывало на то, что перед тем, как люди умерли, произошла отчаянная схватка. Руки и ноги были неестественно скрючены, а искаженные лица все были обращены к северу. Даже у маленькой собаки, очевидно,

принадлежавшей одному из пассажиров, обнаружились такие же непонятные повреждения.

После недолгого совещания в рубке абордажная группа запросила у капитана «Сан-Габриэля» буксирный трос. Моряки собирались претендовать на яхту как на спасенную в море и отвести ее со страшным грузом на буксире в Гонолулу.

Вдруг, прежде чем «Сан-Габриэль» смог занять нужное положение, страшный взрыв разорвал «Лили Марлен» от носа до кормы. Сила взрыва едва не перевернула «Сан-Габриэль» и на четверть мили разбросала обломки.

Экипаж и капитан «Сан-Габриэля» в бессильном ужасе смотрели, как уходят под воду остатки «Лили Марлен», унося с собой всю абордажную группу.

Изучив свидетельства и выслушав очевидцев, следственная комиссия Береговой охраны закрыла дело с вердиктом: «Смерть экипажа и пассажиров, а также последующий взрыв и гибель корабля «Лили Марлен» вызваны неизвестными причинами или людьми».

Питт закрыл папку и положил ее Хантеру на стол.

Хантер серьезно сказал:

— Это единственный известный случай сигнала тревоги, поступившего до катастрофы, и единственные свидетельства очевидцев о состоянии экипажа.

Питт сказал:

— Может показаться, что на «Лили Марлен» напала абордажная группа.

Боланд покачал головой.

— Людей из абордажной группы «Сан-Габриэля» проверили и оправдали. Данные аппаратуры обнаружения подтверждают, что в момент поступления сигнала SOS с «Лили Марлен» испанское судно отделяло от яхты двенадцать миль.

— Никаких других судов? — спросил Питт.

— Я понимаю, о чем вы думаете, — сказал Денвер. — Но с прекращением производства абордажных сабель исчезло и пиратство в открытом море.

— В сообщении Дюпре упоминается туман, — не унимался Питт. — Видел ли «Сан-Габриэль» что-нибудь напоминающее туман?

— Ответ отрицательный, — сказал Хантер. — Первый сигнал SOS поступил в 20:50. На той широте это сумерки. На темном горизонте отдельное облако тумана не видно.

— К тому же, — подхватил Боланд, — в июле туман в этой части Тихого океана такая же редкость, как метель на пляже Вайкики. Маленькое локализованное облако тумана образуется обычно безветренной ночью, когда неподвижный теплый воздух охлаждается до степени конденсации, то есть когда он сталкивается с холодной поверхностью. В этой части океана таких условий не бывает. Ветер круглый год постоянный, а воду с температурой 22-24 градуса вряд ли можно назвать прохладной.

Питт пожал плечами.

— Значит, вопрос решен.

— Не окажись там «Сан-Габриэль», — серьезно заговорил Хантер, — «Лили Марлен» все равно взорвалась бы и ушла на дно. И у нас был бы еще один случай загадочного исчезновения.

Денвер посмотрел на него.

— С другой стороны, если что-то не из этого мира напало на «Лили Марлен», оно не стало бы делать это на виду у другого корабля, не дало бы времени абордажной группе осмотреть место происшествия. Такое развитие событий должно быть неслучайным.

Боланд воздел руки.

— Опять он!

— Держитесь фактов, коммандер. — Хантер бросил на Денвера ледяной взгляд. — У нас нет времени фантазировать.

Все замолчали; из-за стен доносился приглушенный гул оборудования. Питт устало потер глаза, потом поднял голову, чтобы в голове прояснилось. А когда заговорил, произносил слова очень медленно:

— Думаю, Бердетт высказал любопытную мысль.

Хантер посмотрел на него.

— Хотите объяснить все маленькими зелеными человечками, которые ненавидят корабли?

— Нет, — ответил Питт. — Но я думаю, что тот, кто стоит за этой катастрофой, хотел, чтобы этот испанский торговец стал свидетелем.

Хантер заинтересовался.

— Слушаю.

— Допустим, лишь очень небольшой процент исчезнувших кораблей погиб из-за плохой погоды, неудачного судовождения и просто из-за невезения. Пойдем дальше и скажем, что за остающимися загадками стоит чей-то разум.

— Хорошо, значит, за этими загадками стоит чей- то разум, — сказал Боланд. — Но что он... — тут он посмотрел на улыбающегося Денвера, — что оно выигрывает, позволяя испанцам застать его за массовым убийством?

— Зачем ему отступать от установившегося порядка? — ответил вопросом на вопрос Питт. — Моряки — суеверный народ. Многие даже плавать не умеют, тем более пользоваться аквалангом и погружаться под воду. Их жизнь проходит на поверхности. Но самые большие и глубокие их страхи, их кошмары связаны со смертью от утопления. Я полагаю, что неизвестный злодей сознательно устроил так, чтобы пассажиров и экипаж «Лили Марлен» нашли мертвыми, их скрюченные тела — лежащими на палубе вповалку. Даже собаку не пощадили.

— Слишком сложный заговор, чтобы напугать десяток моряков, — настаивал Боланд.

— Не просто десяток моряков, — продолжал Питт, — напугать всех моряков всех флотов. Короче говоря, все это представление должно послужить предостережением.

— Предостережением о чем? — спросил Денвер.

— Предостережением не соваться в этот район моря, — ответил Питт.

— Должен признать, — медленно сказал Боланд, — что после случая с «Лили Марлен» суда избегают района Тихоокеанского Водоворота, как чумы.

— Есть одна загвоздка. — Голос Хантера звучал необычно мягко. — Единственные свидетели, побывавшие на борту, вся абордажная группа, погибли вместе с кораблем.

— А это очень просто, — понимающе улыбнулся Питт. — Идея заключалась в том, чтобы моряки вернулись на корабль и доложили капитану. Тот, кто это задумывал, не принял во внимание жадность. Как вы помните, абордажная партия решила остаться на корабле и затребовать его как свою добычу. Вероятно, мысленно они уже разделили полученные деньги. Их нельзя было отпускать. Если бы «Лили Марлен» пришла в порт, научное исследование могло бы обнаружить какие-нибудь улики. Один взрыв — и яхта Веруссона ушла на дно.

— Возможно, это хорошая догадка, — вздохнул Хантер. — Но даже если ваше плодовитое воображение подсказало нам верные вещи, наша задача остается прежней — найти «Старбак».

— Я перехожу к этому, — сказал Питт. — В сообщении радиста яхты и в письме коммандера Дюпре есть нечто общее: умоляющий тон и выбор слов. Радист сказал: «Не вините капитана. Он не мог знать». В конце своего письма коммандер Дюпре говорит: «Если бы я знал». Сходство людей, переживающих стресс? Не думаю. — Он помолчал, чтобы его услышали. — Все это приводит к заключению: возможно, последнее сообщение коммандера Дюпре — подделка.

— Мы думали об этом, — сказал Хантер. — Вчера вечером послание Дюпре переправили в Вашингтон. Час назад графологическая экспертиза национальной разведки подтвердила подлинность почерка Дюпре.

— Конечно, — небрежно ответил Питт. — Было бы большой глупостью пытаться подделать несколько абзацев текста. Я бы предложил вашим специалистам проверить углубления в бумаге. Возможно, слова были напечатаны и потом нанесены так, что напоминают написанные ручкой.

— Чушь, — возразил Боланд. — Нужно иметь много рукописей Дюпре, чтобы так подделать почерк.

— В их распоряжении был судовой журнал, переписка Дюпре и, возможно, его дневник. Может быть, именно поэтому в капсуле с посланием не хватает нескольких страниц. Определенные ключевые слова и буквы были вырезаны и склеены, чтобы получились осмысленные предложения. Потом все это сфотографировали и распечатали.

Лицо Хантера стало задумчивым, голос — спокойным.

— Это объяснило бы странный подбор слов и тон сообщения Дюпре. Но ничего не говорит нам о том, где Дюпре и его экипаж.

Питт встал с кресла и подошел к карте на стене.

— Послание со «Старбака» в Перл-Харбор пришло зашифрованным? — спросил он.

— Шифровальную машину еще не установили, — ответил Хантер. — Испытательный поход «Старбака» проходил в основном в наших водах, и Флот не видел особой необходимости в секретных переговорах.

— Рискованно посылать сообщения с такой атомной подводной лодки открытым текстом, — заметил Питт.

— Полная тишина соблюдается, только когда субмарина в патруле или на боевой позиции. «Старбак» — корабль новый, не испытанный, и потому Дюпре было приказано каждые два часа сообщать о своем положении только в случае неожиданных механических неисправностей. Первое плавание было рассчитано всего на пять дней. К тому времени как русские могли бы отследить вызовы и послать корабль-шпион, начиненный электроникой, «Старбак» уже давно возвращался бы в Перл-Харбор.

Питт продолжал смотреть на карту.

— Эти красные отметки, адмирал. Что они означают?

— Координаты Дюпре согласно его сообщениям.

— А черные символы — известие о последней позиции Дюпре?

— Верно.

Питт, не тратя лишних слов, продолжал:

— Значит, верхняя отметка — последнее сообщение от Дюпре?

Хантер кивнул.

Питт наклонился над столом Хантера и несколько секунд молча смотрел на карту. Потом выпрямился и постучал по последней отметке положения «Старбака».

— Какую территорию захватывает поиск от этого места?

— Расходящийся веером сектор на триста миль к северо-востоку, — ответил Боланд, явно удивленный расспросами Питта. — Если бы вы потрудились объяснить нам...

— Попрошу следить за моей мыслью, — сказал і Питт. — Вы провели масштабную поисковую операцию, в которой участвовало больше двадцати кораб-) лей и трехсот самолетов. Но ничего не нашли, даже масляного пятна. Несомненно, использовались самые передовые научные методы и приборы обнаружения — магнитометры, чувствительные эхолоты, подводные телевизионные камеры и прочее. Но все усилия оказались напрасными. Разве это не кажется вам странным?

Хантер смотрел непонимающе.

— С чего бы? «Старбак» может быть в подводном каньоне.

— Или погребен под мягкими осадками, — подхватил Денвер. — Найти маленький корабль на таком огромном пространстве — все равно что отыскать пенни в озере Солтон-Си.

— Мой друг, — с улыбкой сказал Питт, — вы только что произнесли волшебные слова.

Денвер смотрел на него не понимая.

— Маленький корабль, — повторил Питт. — Во время поисков вы не нашли маленького корабля.

— Ну и что? — ледяным тоном спросил Хантер.

— Разве вы не понимаете? Предполагается, что ваши поиски проходили в самой середине Тихоокеанского Водоворота. Вы не нашли «Старбак», но что-то вы должны были найти. Вы могли выбирать из тридцати с лишним затонувших судов.

— Черт побери! — Самоуверенность Хантера дрогнула. — Нам никогда не приходило в голову...

— Я понял вашу мысль, — сказал Боланд. — Но что это доказывает?

— Это доказывает, — ответил Питт, — что вы не там искали. Это доказывает, что послание Дюпре — ловкая подделка. И доказывает, что последнее сообщение «Старбака» о его координатах — тоже подделка. Короче говоря, вашу лодку нужно искать не на северо-востоке, а на прямо противоположном курсе на юго-западе.

Хантер, Боланд и Денвер потрясенно смотрели на Питта, начиная понимать.

Первым заговорил Денвер.

— Все сходится, — просто сказал он.

На лице Хантера появилось воодушевление, какого не было уже несколько месяцев. Он почти полминуты пристально смотрел на карту. Потом резко повернулся и посмотрел на Боланда.

— Как скоро сможет выйти «Марта-Энн»?

— Закрепить вертолет на палубе, закончить заправку, проверить оборудование для обнаружения — я бы сказал, сегодня к 21:00, сэр.

Хантер взглянул на часы.

— У нас остается мало времени для определения территории. — Он повернулся к Денверу. — Это ваше царство. Начинайте программировать поисковую ре- | шетку немедленно.

— Основные данные уже введены, адмирал. Нужно только определиться с точкой начала поисков.

Хантер потер глаза.

— Отлично, джентльмены, все в ваших руках. Я бы отдал половину своих шевронов за то, чтобы отправиться с вами. Кстати, мистер Питт, надеюсь, вы не возражаете против океанского плавания?

Питт улыбнулся.

— В данный момент у меня нет никаких других планов.

— Хорошо. — Хантер передвинул сигарету в другой угол рта. — Расскажите, как офицер ВВС стал начальником отдела в самом главном правительственном океанографическом агентстве?

— Я сбил над Китайским морем адмирала Сандекера с его штабом.

Хантер смотрел на него так, словно поверил. Адмирал Сандекер сказал ему: «От этого человека всего можно ждать».

Глава 7

Через час после заката «Кобра» въехала на парковку в окрестностях пристани Гонолулу. Как только передние колеса коснулись деревянной полоски, двигатель смолк и фары погасли. Питт раскрыл дверцу и посмотрел на чернильно-черную воду.

Ветер сменил направление и донес тяжелые запахи — портовый букет, который ни с чем невозможно спутать. Пахло нефтью, бензином, смолой и дымом с легкой примесью соленой воды. Эти запахи будоражили Питта, вызывали щемящие воспоминания о далеких экзотических портах.

Питт вышел из машины и осмотрел стоянку в поисках следов человеческой деятельности. Но никого не увидел. Только чайка, сидевшая на деревянной свае, ответила на его взгляд. Питт порылся за сиденьем и вытащил завернутый в полотенце маузер. Потом вдохнул ночной воздух гавани, сунул пистолет под мышку и пошел по пирсу.

Если бы кто-нибудь бродил у доков, ничего необычного в наружности Питта он бы не заметил. Питт был одет в поношенную защитно-зеленую рубашку поверх темных габардиновых брюк, на ногах — стоптанные грубые башмаки с бечевкой вместо шнурков. Подержанная одежда, подарок офицера безопасности 101-го отделения, была чуть маловата и готова разойтись по швам. Питт чувствовал себя кем-то средним между бродягой и жертвой кораблекрушения. Не хватало только кварты мускателя в коричневом бумажном пакете. Или еще лучше — бутылки «Гран Марнье Кордон Жон»: это больше соответствовало бы тряпью.

Через сто ярдов Питт остановился и посмотрел на возвышающийся в темноте огромный черный корпус. Сверху светило лишь несколько

фонарей, криво висящих на гофрированных боках корабля, похожего на старый склад. В неподвижном вечернем воздухе призрачный свет фонарей усиливал сходство чудища с привидением.

Старый корабль с прямым носом и квадратной надстройкой, над которой торчит старомодная вертикальная труба в поблекших синих полосах. На палубе множество подъемных кранов и мачт. Когда-то борта корабля были черными с обычной красной ватерлинией, но теперь они грязные и ржавые. Питт подошел ближе и остановился под самой кормой. Корабль большой, водоизмещением примерно двенадцать тысяч тонн. Питт смотрел на выцветшие буквы. В тусклом свете он едва различал их:

«МАРТА-ЭНН - СИЭТЛ».

Трап походил на туннель, ведущий наверх, в запретную высь. Только глухой гул генераторов в глубине корпуса и тонкая струйка дыма из трубы выдавали присутствие человека.

Питт взялся рукой за грубый канат, служивший поручнем трапа, и, наклонившись вперед, чтобы компенсировать угол в тридцать пять градусов, начал подъем на палубу «Марты-Энн». На последних ступенях свет фонарей с пирса стал не виден. Питт помешкался, прежде чем ступить на кажущуюся безлюдной палубу и осмотреться.

— Мистер Питт? — послышался голос из темноты.

— Да, я Питт.

— Могу я посмотреть ваше удостоверение личности?

— Можете, если я увижу, кому его показать.

— Пожалуйста, сэр, положите ваше удостоверение на палубу и сделайте шаг назад.

Питт ворчал про себя. Он, конечно, знал, что проверка удостоверений личности — обычная военная процедура на случай тревоги или чрезвычайных обстоятельств, но к чему это на борту ржавого корыта? Осторожно положив маузер на палубу, он достал бумажник и принялся искать удостоверение. В темноте он ничего не видел, поэтому просто провел пальцами по стопке различных карточек, выбрал ту, на которой не было выпуклых букв кредитки, и бросил ее на несколько шагов вперед. Тонкий, как карандаш, луч света осветил карточку, потом лицо Питта.

— Простите за беспокойство, сэр, но адмирал Хантер приказал соблюдать на корабле режим строгой секретности. — Черная тень

протянула Питту удостоверение. — Если подниметесь по первому трапу справа, найдете коммандера Денвера в штурманской рубке.

— Спасибо, — проворчал Питт. Он взял пистолет и стал по трапу подниматься на мостик. Темная рубка наверху оказалась пустой, поэтому он прошел мимо и осторожно открыл другую дверь. За ней по крайней мере было светло.

— Привет, Дирк, — радостно сказал Денвер. В пальцах он держал сигарету, и, когда приветственно помахал рукой, пепел крошечной горкой упал на стол. На Денвере был черный свитер и рабочие брюки. — Добро пожаловать на единственную плавающую окаменелость флота США.

Питт ответил небрежным приветствием.

— Не ожидал увидеть вас здесь, Бердетт. Думал, вы останетесь с адмиралом в оперативном центре.

Денвер улыбнулся.

— Останусь. Но не мог не пожелать вам и Полу доброй охоты.

— Спасибо. Если бы выбор был за мной, я предпочел бы старомодную иголку в стоге сена.

— Думаете, здесь что-то необычное? — спросил Денвер.

— Как сказал ваш босс, наша задача — найти и поднять «Старбак», всякая охота за привидениями — побочное явление. К тому же наши ученые и инженеры НПМА крайне редко исследуют Бермудский треугольник или Тихоокеанский Водоворот. Это мы с раздражением предоставляем писателям-фантастам. Любые необъяснимые открытия чисто случайны, и впоследствии их незаметно списывают в архив.

— Есть примеры? — негромко спросил Денвер.

Питт рассеянно смотрел на разложенную на столе

карту.

— Девять месяцев назад произошел случай, от которого несет Жюлем Верном. Два наших океанографических судна исследовали подводный профиль и проводили акустические исследования в Курильской впадине у берегов Японии, когда их приборы засекли присутствие подводной лодки, движущейся на очень большой глубине с большой скоростью. Оба корабля немедленно встали в дрейф, выключили двигатели и направили все приборы вниз.

— Может, у одного из операторов ошибся прибор?

— Маловероятно, — ответил Питт. — Эти исследователи — лучшие в своей области. А если вспомнить, что два корабля с двумя наборами современного точного оборудования получили одинаковые результаты, вероятность ошибки сводится к нулю. Нет, ошибки не было: корабль — морское чудовище или как вы его еще назовете — был там и двигался со скоростью сто десять миль в час на глубине девятнадцать тысяч футов.

Денвер медленно покачал головой.

— Невероятно. Это невозможно понять.

— Но это только половина загадки, — сказал Питт. — Другой корабль, работавший в Каймановом желобе близ Кубы, вступил в аналогичный контакт. Я видел данные из Каймана и с Курил. Графики сонаров совпадают до миллиметра.

— Флот известили об этом?

— Конечно нет. Флот хочет слышать о необычных подводных встречах не больше, чем Военно-воздушные силы — о неопознанных летающих объектах. К тому же какие у нас доказательства, кроме нескольких зигзагообразных линий на листках бумаги? — Питт откинулся на спинку стула, положил ноги на стол и заложил руки за голову. — Однажды мы едва не сняли одного из обитателей глубоководья на видеокамеру. Один из зоологов НПМА записывал звуки континентального шельфа у берегов Исландии; он опустил микрофон в воду на десять тысяч футов, чтобы записать звуки придонных обитателей, который мы очень редко видим. Несколько дней он записывал треск и щелканье, такое же, как издают рыбы под поверхностью. Он отметил также непрерывный скрип, производимый креветками.

Однажды днем все эти звуки неожиданно прекратились, и он услышал постукивание, как будто кто-то карандашом постукивал по микрофону. Вначале он решил, что встретил рыбу, которую раньше не записывал. Но потом ему пришло в голову, что стук очень похож на какой-то код. Сразу вызвали корабельного радиста, и тот расшифровал стуки как какую-то математическую формулу. Потом шум прекратился, и из громкоговорителей в гидроакустической рубке донесся визгливый смех, искаженный толстым слоем воды. Экипаж, дрожа от недоверия, быстро спустил телекамеру. Но на десять секунд опоздал. Тонкий донный ил, взбаламученный быстрым движением, превратился в плотное облако. Прошел час, прежде чем муть осела. И прямо перед камерой обнаружилось необычное углубление в иле, уходящее в темноту.

— А в формуле что-нибудь поняли? — спросил Денвер.

— Да, это было простое уравнение для определения давления воды на глубине, на которую погрузили микрофон.

— И каков ответ?

— Примерно две с половиной тонны на квадратный дюйм.

В штурманской рубке наступила тишина, долгая и тревожная. Питт слышал, как вода мягко плещет о корпус.

— Есть тут кофе? — спросил Питт.

Денвер все еще думал о тайнах моря. Но вот с явным усилием отбросил эти мысли.

— Будьте уверены, — с мрачной улыбкой сказал он, — когда вы отправляетесь в океанский круиз на «Марте-Энн», вас ждет лучшее обслуживание во всем Тихом океане. — Он достал старый почерневший котелок и налил кофе в чашку с отбитым краем. — Наслаждайтесь плаванием, сэр.

Они сидели и пили кофе, когда открылась дверь и вошел Боланд. На нем была грязная футболка, выцветшие джинсы и пара башмаков в еще худшем состоянии, чем у Питта. Футболка подчеркивала мускулистые плечи Боланда, и Питт впервые заметил на его руке татуировку. Правое предплечье украшало изображение кинжала, разрезающего кожу, и вытекающей из раны крови, а под этим страшноватым рисунком синие буквы гласили:

«ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ».

— Вы словно только что получили письмо «Дорогой Джон»[6]. — Голос Боланда звучал насмешливо, но твердо. — Что происходит?

— Разгадываем тайны Вселенной, — ответил Денвер. — Вот, Пол, попробуй мое прославленное варево.

Он пододвинул чашку Боланду, пролив несколько капель на стол.

Боланд забрал из рук Денвера чашку и задумчиво посмотрел на Питта, а когда Питт посмотрел на него в ответ, медленно улыбнулся, поднял чашку и сделал глоток.

— Есть ли последние приказы от старика? — спросил он.

Денвер покачал головой.

— Все, как он говорил. При первом признаке опасности уносить ноги прямо в Перл-Харбор.

— Это если нам повезет, — сказал Боланд. — У других пропавших кораблей не было времени подать сигнал SOS, тем более убраться.

— Вместо страховки у нас Питт. И вертолет.

— Нужно время, чтобы раскочегарить вертолет, — с сомнением сказал Боланд.

— Не эту птичку, — коротко ответил Питт. — Эту я могу поднять в воздух за сорок секунд. — Он встал и потянулся, коснувшись руками металлического потолка. — Один вопрос. Вертолет способен поднять всего пятнадцать человек. Либо Флот дал нам экипаж из карликов, либо нам не хватит места.

— При обычных условиях места не хватило бы, — сказал Денвер. Он улыбнулся Боланду и подмигнул. — Вы можете этого не знать, Дирк, но «Марта-Энн» совсем не то разбитое корыто, каким кажется. Большой экипаж здесь не нужен, потому что из всех кораблей на плаву у нас самая передовая автоматизированная централизованная система управления. Корабль практически сам управляет собой.

— Но облупившаяся краска, ржавчина на корпусе...

— Лучшая подделка, с какой ты встречался, — подтвердил Денвер. — Хитрое химическое покрытие, которое кажется настоящей ржавчиной. С расстояния в фут и при ярком солнце не отличишь.

— Тогда зачем такое сложное оборудование? — спросил Питт.

— В «Марте-Энн» больше, чем видно глазу, — скромно сказал Боланд. — По виду нипочем не скажешь, но корабль от киля до клотика набит самым современным оборудованием для обнаружения и подъема судов.

— Замаскированный спасательный корабль? — медленно сказал Питт. — Это нечто новое.

Денвер улыбнулся.

— Маскарад необходим для самых, скажем так, деликатных проектов, связанных с возвращением собственности.

— Адмирал Сандекер упоминал о некоторых ваших деликатных успехах, — сказал Питт. — Теперь я вижу, как вы их достигли.

— Нет работы слишком большой и слишком маленькой, — со смехом сказал Боланд. — Мы могли бы поднять «Андреа Дориа»[7], если бы нам разрешили.

— Предположим, мы найдем «Старбак». Но с таким маленьким экипажем вам не поднять его на поверхность, даже с вашим совершенным оборудованием.

— Простая предосторожность, мой дорогой Питт, — ответил Денвер. — Адмирал Хантер настоял на использовании небольшого экипажа в поисковой операции. Нет смысла губить людей, если «Марту-Энн» ждет

та же участь, что и другие корабли. С другой стороны, если повезет и мы обнаружим «Старбак», вы с вашей птичкой послужите челноком: будет доставлять к месту обнаружения людей и необходимое дополнительное оборудование.

— Хороший план, — согласился Питт. — Хотя я бы спал спокойней, будь у нас вооруженный эскорт.

Денвер покачал головой.

— Рисковать нельзя. Как только русские узнают, что старую торговую посудину сопровождает ракетный крейсер, они поймут, что происходит. И «Андрей Выборг» сядет нам на хвост.

Питт вскинул брови.

— Что за «Андрей Выборг»?

— Русское океанографическое судно, которое флотская разведка считает кораблем-шпионом. Последние полгода оно следит за поисками «Старбака» и все еще где-то поблизости, надеется установить местонахождение лодки. — Боланд замолчал, чтобы отпить кофе. — 101-е отделение потратило слишком много сил и средств, чтобы сохранить для нас видимость старого грузового судна. Мы не можем сейчас раскрыться.

— Как видите, — сказал Денвер, — по документам «Марта-Энн» не принадлежит Флоту. В морской регистр США она занесена как торговое судно. И мы собираемся сохранить этот статус.

— Разве Флот не тревожит, что «Андрей Выборг» в одиночестве вынюхивает вокруг?

— А он не один, — серьезно сказал Боланд. — Четыре корабля все еще прочесывают море на севере. Флот никогда не прекращает поиски, какими бы безнадежными они ни казались. Если хотите, назовите это морской традицией, майор, но когда плывешь в море, вцепившись в обломок, а твой корабль затонул, очень приятно знать, что для твоих поисков не жалеют сил.

Нотацию Боланда прервал стук в дверь.

— Войдите! — крикнул он.

Вошел молодой человек не старше девятнадцати-двадцати лет, в синем комбинезоне. На голове у него была белая мясницкая шапочка.

Не обращая внимания на Питта и Денвера, он заговорил с Боландом:

— Прошу прощения, сэр, главный инженер докладывает, что двигатель готов, а боцман назначил экипаж на боевые посты.

Боланд взглянул на часы.

— Хорошо. Передайте: через десять минут отдать швартовы и отойти.

— Слушаю, сэр, — ответил молодой матрос. Он отдал честь, повернулся и исчез в рубке.

Боланд посмотрел на Денвера и довольно улыбнулся.

— Неплохо. На сорок минут опережаем график.

— Вертолет привязан? — спросил Питт.

Боланд кивнул.

— Прекрасная птичка. Сможете все окончательно проверить при дневном свете.

Питт встал и подошел к иллюминатору. Он глубоко вдохнул, чтобы очистить легкие от сигаретного дыма. По сравнению с душным помещением воздух гавани казался раем.

— Отвели для Дирка помещение? — спросил Денвер у Боланда.

— Рядом с моей каютой есть свободная, держим для важных особ. Для Питта сделаем исключение, — саркастически ответил Боланд.

Питт без гнева и враждебности посмотрел на дым, поднимающийся от пепельницы. Такие издевки он переносил легко, словно сгонял с руки комара. Хантер — старый, хитрый лис: он не зря включил в команду двух человек совершенно разного темперамента.

— Что ж, мне пора на берег, — сказал Денвер, нарушая неловкое молчание.

— Буду время от времени слать вам открытки, — сказал Питт.

— Вам стоит поднапрячься, — ответил Денвер; его губы скривились в улыбке, но взгляд оставался жестким. — Через три недели считая с сегодняшнего дня я сниму бар в отеле «Риф». И горе тому, кто туда не заглянет. — Он повернулся к Боланду. — Шифр у тебя есть, Пол. Мы с адмиралом будем следить за тобой через спутник. Когда найдешь «Старбак», передай по радио на частоте флота, что отключил все двигатели из-за сгоревшего подшипника. Мы получим твои координаты с точностью до миллисекунды.

Денвер подал руку Питту и Боланду.

— Остается только пожелать удачи!

И, не дожидаясь ответа, резко повернулся и вышел из помещения.

Несколько минут спустя Денвер стоял на причале, облокотившись на поручень, и смотрел, как экипаж отдает швартовы и убирает трап. Он смотрел на правый борт «Марты-Энн», которая медленно двинулась к выходу из гавани. Смотрел на навигационные огни, пока мягкий гул судового двигателя не стих в отдалении. Тогда он бросил сигарету в темную маслянистую воду, сунул руки в карманы и устало пошел на стоянку.

Глава 8

Питт стоял у поручня на корме и лениво смотрел, как винты «Марты-Энн» взбивают воду. Пенная голубая с белым масса вращалась и постепенно исчезала в четверти мили за кормой, прежде чем море окончательно закрывало и излечивало гигантский шрам. Погода была теплая, небо ясное; дул ровный северо-восточный ветер.

С какими безумцами приходится ему иметь дело в последние дни, думал Питт. Изобретательная девушка, пытавшаяся всадить ему в спину шприц, убийца с желтыми от табака зубами, сволочь-адмирал, лейтенант-коммандер с нелепой татуировкой и маленький старпом, по-видимому, самый умный из всех.

И все же эта компания не смогла проникнуть в самые глубины его сознания. Это должен был сделать другой герой драмы, которому еще только предстояло выйти на сцену, — великан с золотыми глазами.

Почему он столько лет назад искал затерянный остров Каноли? Возможно, это просто был ученый, пытавшийся найти следы забытой цивилизации, или оккультист в плену мифов и легенд. А может, у него была более необычная цель? Что есть в легенде о Каноли такого, чего нет в бессмысленных историях о затерянном континенте Му или в многочисленных фантазиях об Атлантиде? Загадки Тихоокеанского Водоворота и Бермудского треугольника вполне реальны. На эти загадки должен быть какой-то ответ, тревожно думал Питт. Ключ, такой очевидный, что его никто не замечает.

— Мистер Питт?

Мыслительную гимнастику Питта прервал молодой человек в синем комбинезоне.

Питт улыбнулся.

— Чем могу быть полезен?

Матрос как будто собирался отдать честь. Он явно не знал, как обращаться со штатским, тем более на военном корабле.

— Коммандер Боланд просит вас прибыть в рубку.

— Спасибо. Уже иду.

Питт повернулся и пошел по стальной палубе мимо закрытых брезентом люков. Под ногами ритмично работали двигатели, продвигая корабль вперед в неподвижной воде и покрывая поручни и надстройки соленым туманом; краска блестела от влаги.

Питт поднялся по трапу на мостик. Боланд стоял на носу перед рулевым, глядя в бинокль на ослепительно-голубой горизонт. На мгновение он опустил бинокль и протер окуляры подолом футболки. Потом вернул прибор к глазам и снова принялся разглядывать обширную пустоту впереди.

— В чем дело? — спросил Питт. Он выглянул в окно, но ничего не увидел.

— Я подумал, вам нужно знать, — сказал Боланд. — Мы только что вошли в новый район поиска.

Он положил бинокль на полку, коснулся кнопки связи и резко сказал:

— Лейтенант Харпер, говорит капитан. Стоп все машины. Ложимся в дрейф. — Он посмотрел на Питта. — Начинается работа.

Боланд знаком пригласил Питта на трап, который привел в коридор под мостиком. Они прошли несколько дверей в каюты, и Боланд остановился у одной, немного помедлив, он открыл ее.

— Сердце операции, — объявил он. — Наша комната Флэша Гордона[8]. Четыре тонны электронного оборудования. Прошу посмотреть, как действует фантастическое чудо 101-го отделения.

И он показал на большую приборную панель в просторном помещении в восемьсот квадратных футов.

— Этот прибор измеряет скорость звука и давление, переводит в цифровой формат и с указанием времени переносит на магнитную ленту. Это протонно-магнитный сенсор, он засекает любые металлические предметы на дне. Это мониторы подводных телекамер. — Боланд показал на размещенные среди оборудования четыре экрана. — Мы потому и легли в дрейф, чтобы выпустить за кораблем сенсоры и камеры и начать сканирование.

Питт рассматривал экраны. Камеры как раз опускали в воду: он видел, как волны ударяют в объективы, а потом те опускаются в безмолвие подвижной жидкой среды в солнечных пятнах. Две камеры передавали цвет, и казалось, что сине-зеленые тени плывут в бесконечность.

— Далее: усовершенствованная сонарная система, — продолжал Боланд. — Она снимает подробную «звуковую» картину дна и всего, что на нем находится. У нас есть также система бокового сканирования, которая позволяет видеть на полмили в обе стороны от корабля. Ее сенсоры тоже плывут за кораблем.

— Полоса обнаружения шириной в милю, — сказал Питт. — Впечатляющий проход через сектор поиска.

Питт отметил, что Боланд не знакомит его с членами экипажа, работающими за приборами. Если Боланду чего и не хватало, так это обычной вежливости. Питт поймал себя на том, что гадает, как Боланду удалось дослужиться до лейтенанта-коммандера.

— А вот эта славная малышка, — гордо сказал Боланд, — самое сердце нашего предприятия. Компьютер «Селко-Рамси 8300». — Он показал на высокую панель со множеством огоньков и кнопок, стоящую над широкой клавиатурой. — Широта, долгота, скорость, направление, все возможности корабля. Короче, компьютер соединен с центральной системой управления и с этого мгновения до обнаружения «Старбака» будет управлять всеми действиями корабля.

— Хорошая здесь санитария, — заметил Питт.

— В каком смысле?

— Не требуется прикосновение руки человека.

Боланд наморщил лоб.

— Что ж, можно сказать и так.

Питт через плечо оператора рассматривал надписи на панели.

— Интересное устройство. Этим «Селко-Рамси 8300» можно управлять и перепрограммировать его из центра. А центр, по-видимому, в Перл-Харборе. Удобно для адмирала Хантера на случай, если нас постигнет судьба экипажа «Лили Марлен». При первых же признаках неприятностей они с Денвером возьмут управление системой на себя, развернут корабль и приведут обратно в порт. Он может потерять экипаж, но лучшее спасательное судно 101-го отделения вернется невредимым. Действительно интересно.

— Вы разбираетесь в электронике, — медленно сказал Боланд. На лице его странным образом смешивались подозрительность и уважение.

— Можно сказать, я знаком с большей частью того оборудования, что у вас на борту.

— Все это уже видели?

— По меньшей мере на трех океанографических исследовательских судах НПМА. У вас несколько более специализированное оборудование — в связи с более определенными задачами. Но наше чуть более передовое, потому что все-таки наши корабли научные.

— Прошу прощения. — Боланд принужденно улыбнулся. — Я недооценивал ваши способности. — Он повернулся, подошел к офицеру, сказал ему несколько слов и вернулся. — Пойдемте, угощу вас выпивкой.

— Правила Флота разрешают даже это? — улыбнулся Питт, несколько удивленный неожиданным проявлением дружелюбия со стороны Боланда.

Боланд ответил хитрой улыбкой.

— Вы забыли. Технически мы гражданское судно.

— Я горячий сторонник технического подхода.

Они направились к выходу, и тут дежурный офицер сказал:

— Телевизионные камеры и датчики в рабочем режиме, капитан.

Боланд кивнул.

— Хвалю за скорость, лейтенант. Приступайте...

— Минутку, — перебил его Питт. — Из чистого любопытства хочу спросить: с какой глубины поступают данные?

Боланд вопросительно посмотрел на него, потом повернулся.

— Лейтенант?

Тот уже склонился к сонару, внимательно глядя на черту, ползущую по бумаге.

— Пять тысяч шестьсот семьдесят футов, сэр.

— В этом есть что-то необычное? — спросил Боланд.

— Глубина маловата, — ответил Питт. — Можно взглянуть на карту океанского дна?

Неожиданно Боланд вспомнил о правилах вежливости.

— Дирк Питт, это лейтенант Стенли.

Питт кивнул.

— Хорошо, Стенли. Посмотрим, что тут у вас. — Он оперся локтями о стол и всмотрелся в необычный контур, представляющий дно Тихого океана. — Где мы?

— Вот здесь, майор. — Стенли поставил на карте небольшой крестик. — 32 градуса 10 минут северной широты, 151 градус 17 минут западной долготы. Мы должны находиться прямо над зоной Фуллертоновского разлома.

— Так должна называться футбольная травма.

Боланд тоже склонился над столом.

— Нет, зона разлома — это трещина в земной коре, шов, возникающий в океане между материками, когда они расходятся. Между этим местом и берегом Калифорнии таких трещин сотни.

— Я понимаю, зачем вам понадобилась глубина. Согласно карте, до морского дна здесь должно быть свыше пятнадцати тысяч футов.

Стенли подчеркнул данные о глубине на их позиции.

— Возможно, рядом подводная вершина, — сказал Питт.

— Дно слева поднимается, — тихо сказал Боланд. — Двести пятьдесят футов за милю. Ничего необычного. Скорее всего, небольшое повышение.

Питт мотнул головой.

— Вот только этого нет на карте.

— Вероятно, еще не найдено и не отмечено.

— Однако если склон продолжает подниматься, вершина не может быть далеко. Это ваш корабль, Пол, но, думаю, надо провести исследование. Сообщение капитана «Старбака» отправили неизвестные лица после исчезновения подводной лодки. Можно предположить, что лодка лежит где-то близко.

Боланд устало потер глаза.

— Звучит логично, но вряд ли это единственная не отмеченная на карте подводная вершина. Их может быть еще пятьдесят.

— Нельзя пропустить ни одну.

Боланд задумался. Потом выпрямился и посмотрел на Стенли.

— Лейтенант, запрограммируйте курс в сторону повышения дна. Введите данные сенсора в компьютер и передайте управление рулем централизованному контролю. Докладывайте мне о любом неожиданном изменении глубины. Я буду в своей каюте. — Он повернулся к Питту. — Так как насчет выпивки?

Салазки с камерами и датчики сонара на буксирных тросах двигались за кораблем, центральная система управления руководилась компьютером, и через десять минут «Марта-Энн» начала медленный широкий поворот на восток. Рулевой курил в двери рубки, спицы штурвала медленно поворачивались туда- сюда, словно под действием невидимой руки. Корабль разрезал волны, экипаж деловито считывал и проверял показания многочисленных приборов, движущихся стрелок, разноцветных огоньков и мониторов.

Питт и Боланд полдня провели в капитанской каюте. Время тянулось медленно, датчики сонаров сообщали о том, что морское дно продолжает подниматься. Час, два, три часа. Питт изучал отчеты и данные о «Старбаке», а Боланд разрабатывал планы подъема на случай, если и когда «Марте-Энн» повезет. Шестнадцать тридцать. Матросы на палубе и в машинном отделении неизбежно заговорили о женщинах, только в рубке управления молчали, внимательно наблюдая за экранами и инструментами. Периодические доклады Стенли через интерком «дно продолжает подниматься» делали обстановку на корабле почти нормальной. Нет более скучного занятия, чем поиски затонувшего корабля.

В пять часов из микрофона вдруг послышался голос Стенли:

— Дно поднялось на девятьсот футов за последние полмили!

Питт посмотрел на Боланда. Не сказав ни слова, оба вскочили и бросились в рубку управления. Стенли склонился к столу, делая пометки на карте.

— Невероятно, капитан. Я впервые вижу такое. Мы в сотнях миль от ближайшего берега, а дно внезапно поднялось, сейчас оно всего в тысяче двухстах футах под поверхностью. И продолжает подниматься.

— Очень крутой подъем, — сказал Питт.

— Возможно, часть склона Гавайских островов, — предположил Боланд.

— Мы слишком далеко к северу. Сомневаюсь, что это как-то связано с островами. Эта малышка совершенно одинока.

— Тысяча сто футов, — громко сказал Стенли.

— Боже! — тихо отозвался Питт. — Градиент — один фут подъема на два в длину.

Боланд резко произнес:

— Если подъем не прекратится, мы врежемся в сушу. — Он стремительно повернулся к Стенли. — Отключите компьютер. Переходим на ручное управление.

На ответ Стенли потребовалось пять секунд.

— Идем на ручном управлении, сэр.

Боланд взял микрофон связи.

— Мостик? Говорит Боланд. Что видите на восемьсот ярдов прямо по курсу?

Металлический голос из динамика ответил:

— Ничего, сэр. Горизонт чист.

— Никаких признаков белой воды?

— Никаких, коммандер.

Питт посмотрел на Боланда.

— Спросите, каков цвет моря.

— Мостик, изменился ли цвет моря?

Короткая пауза.

— Слева примерно в пятистах ярдах от борта море чуть зеленеет.

— Восемьсот, и подъем продолжается, — доложил Стенли.

— Необычно, — сказал Питт. — Я ожидал, что возле подводной вершины море станет светло-голубым. Зеленый цвет означает подводную растительность. Очень странно. Морские водоросли в таком месте?

— Морские водоросли не растут на кораллах? — спросил Боланд.

— Да, и еще вода в этой части океана слишком теплая.

— Четкие показания магнитометра, — произнес кудрявый блондин у консоли.

— Где? — спросил Боланд.

— Двести ярдов. Направление двести восемьдесят градусов.

— Может, полоса руды? — взволнованно предположил Боланд.

— Вторая отметка в трехстах пятидесяти ярдах, направление — триста пятнадцать градусов. Еще два объекта. Боже, да тут их множество!

— Похоже на золотое дно, — хмыкнул Питт.

— Стоп машины! — крикнул Боланд в микрофон.

— Морское дно на ленте словно подпрыгнуло, — возбужденно сказал Стенли. — Четыреста пятьдесят футов, и подъем не прекратился.

Питт всмотрелся в телемониторы. Инерция продолжала нести «Марту-Энн» вперед, и на экране показалось морское дно. Морская вода рассеивала солнечные лучи, превращая их в узкие желтые столбы света, окруженные мягким сиянием; стало видно неотчетливое смешение цветов. На экране показалась рыба-единорог, она неподвижно висела в воде, осторожно разглядывая огромную тень корпуса над собой.

Боланд положил руку на плечо человеку, сидевшему за магнитометром.

— Когда пройдем над первым затонувшим судном, отметьте направление на следующее. — Он повернулся к Стенли. — Свяжитесь с лейтенантом Харпером в машинном отделении. Велите держать самый малый.

В рубке воцарилась напряженная тишина. Прошло две минуты, две бесконечные минуты. Все ждали появления на экране останков давно затонувшего корабля.

Теперь на мониторах было хорошо видно морское дно. Растительность необычная и роскошная, тогда как дну полагалось быть голым и безжизненным, как лунная поверхность. Ни следа кораллов, водоросли с широкими листьями и другие, бледно окрашенные, цеплялись за скалистое неровное дно, постоянно меняя оттенки в неверном свете, приходящем с поверхности. Питт был заворожен. Все равно что смотришь на затонувший восточный сад.

Длинноволосый молодой человек за сонаром равнодушно произнес:

— Идем над останками первого корабля, коммандер.

— Хорошо, приготовиться к компьютерному сканированию.

— Для протокола? — спросил Питт.

— Для опознания, — ответил Боланд. — У нас есть база по всем исчезнувшим кораблям. Постараемся сопоставить данные наблюдений с теми, что есть в компьютере. Надеюсь, мы уговорим море выдать нам еще несколько тайн.

— Вот он, — сказал Стенли.

Три пары глаз устремились на экран. Пугающее, непривычное зрелище. Корабль, вернее, то, что от него осталось, густо зарос водорослями. К

небу в гротескном, безнадежном отчаянии устремлялись две мачты, фок и бизань. Единственная труба уцелела, но покрылась густым слоем ржавчины, на палубе повсюду разбросаны непонятные куски металла. На глазах у всех из иллюминатора, извиваясь, выскользнула мурена, угрожающе раскрывая и закрывая пасть.

— Боже, да она не меньше десяти футов в длину! — воскликнул Боланд.

— Скорее около восьми, учитывая телеувеличение, — сказал Питт.

— Может, у меня галлюцинации, — сказал Стенли, — но я уверен, что вижу в трюме ржавый трактор.

Их отвлекло гудение компьютера, который начал выдавать длинную ленту с данными. Как только машина остановилась, Боланд оторвал распечатку и начал читать вслух.

— Данные указывают, что это, вероятно, либерийское торговое судно «Океанская звезда», 5135 тонн, груз — резина и сельскохозяйственная техника; пропало 14 июня 1949 года.

Все в рубке прекратили свои занятия и молча смотрели на ленту в руках коммандера Боланда. Все молчали. Сказать было нечего.

Они обнаружили первую жертву Тихоокеанского Водоворота.

Первым опомнился Боланд. Он схватил микрофон.

— Радиорубка. Говорит Боланд. Передавайте на морской частоте. Код 16.

Питт сказал:

— А вы не слишком торопитесь? Мы еще не нашли «Старбак».

— Конечно, — сразу согласился Боланд. — Слегка спешу. Но я хочу, чтобы адмирал Хантер точно знал, где мы находимся. На всякий случай.

— Ожидаете неприятностей?

— Не к чему рисковать.

— Следующий объект, направление двести восемьдесят семь градусов, — небрежно произнес оператор сонара.

Вернулись к мониторам и ждали, пока на экранах не показалась накрененная палуба парохода: корма высоко поднята, нос теряется в сине-зеленой глубине. Салазки с камерой прошли над массивной дымовой трубой, и наблюдатели смогли заглянуть в ее черное нутро. Посредине корабля торчало множество труб, но надстройки не было, зато в кормовой части — несколько палуб и настоящий лабиринт

вентиляционных труб. Все металлические части и даже кабели, свисающие с мачт, покрывала растительность. Среди снастей плавали экзотически окрашенные рыбы многих разновидностей, словно остов мертвого корабля был их площадкой для игр.

Боланд читал данные с дисплея:

— Японский нефтяной танкер «Исио Мару», 8106 тонн, пропал вместе со всем экипажем 14 сентября 1964 года.

— Боже, — прошептал Стенли, — настоящее кладбище. Я начинаю чувствовать себя кладбищенским вором.

В следующий час прозвучали названия еще шести погибших судов. Были отмечены и определены останки четырех торговых судов, большой шхуны и океанского траулера. По мере сканирования и анализа находок напряжение в оперативном штабе нарастало. И когда настал финальный миг, миг, к которому все готовились, он все-таки застал их врасплох.

Оператор сонара вдруг плотнее прижал микрофоны к ушам и недоверчивым, напряженным взглядом уставился на приборную панель.

— Обнаружена подводная лодка, направление сто девяносто градусов, — сказал он.

— Уверены? — спросил Боланд.

— Клянусь добродетелью моей матушки! Я и раньше встречал субмарины, коммандер, а эта очень большая.

Боланд схватил микрофон.

— Мостик! Когда я отдам приказ, стоп все машины и отдать якорь. Понятно?

— Так точно, сэр, — послышался напряженный голос из громкоговорителя.

— Какая глубина? — спросил Питт.

Боланд кивнул.

— Глубина? — повторил он вопрос.

— Девяносто футов.

Питт и Боланд переглянулись.

— Это усложняет загадку, верно? — негромко спросил Питт.

— Верно, — так же негромко ответил Боланд. — Если сообщение Дюпре поддельное, зачем указывать правильную глубину?

— Наш противник, вероятно, решил, что никто в здравом уме не поверит в глубину девяносто футов. Я собственными глазами вижу данные и не могу поверить.

— Входит в поле зрения камеры, — объявил Стенли. — Сейчас... сейчас, вот и наша субмарина.

Все смотрели на массивный черный силуэт, лежащий под медленно движущимся килем «Марты-Энн». Питту казалось, что он смотрит на модель корабля в ванне. Лодка вдвое длиннее обычной атомной подлодки. Вместо привычного полусферического носа у нее острый. Недоставало также обычной сигарообразной формы, к обоим концам корпус корабля симметрично утончался. Не было обычной для других субмарин конической башни, похожей на спинной плавник. На ее месте круглился небольшой горб. Только корма обычная, и под ней, аккуратно упрятанные под корпус, два винта. Подлодка казалась совершенно исправной, лежала бестревожно, как какое-нибудь огромное мезозойское чудовище во время послеобеденного сна. Не так она должна была выглядеть, и Питт почувствовал, как по коже поползли мурашки.

— Выбросить маркер! — рявкнул Боланд.

— Что за маркер? — спросил Питт.

— Прибор, подающий электронный сигнал на низкой частоте, — ответил Болард. — На случай если мы вынуждены будем покинуть это место, на дне останется водонепроницаемый передатчик, периодически подающий сигнал. Не придется искать позицию, когда вернемся.

— Наш нос только что миновал затонувшую лодку, коммандер, — доложил оператор сонара.

Болард проревел в микрофон:

— Стоп все машины! Отдать якорь. — Покачнувшись, он повернулся к Питту. — Заметили номер?

— Девять — восемь — девять, — напряженно ответил Питт.

— Это «Старбак», — почтительно сказал Боланд. — Не думал, что когда-нибудь снова увижу его.

— Или то, что от него осталось, — добавил Стенли, неожиданно побледнев. — От одной мысли об этих беднягах там, внизу, мурашки по коже.

— Да, странное чувство, — согласился Боланд.

— Это не единственная странность, — спокойно сказал Питт. — Посмотрите внимательней.

Теперь «Марта-Энн» поворачивалась, стоя на якоре, и ее корма, подчиняясь угасающей инерции, по дуге удалялась от подводной лодки. Боланд подождал, пока камеры настроятся на увеличившееся расстояние до корпуса субмарины. Когда корабль оказался в центре поля зрения, объективы автоматически увеличили изображение для более тщательного осмотра.

— Лодка лежит дном на песке, абсолютно реальная и осязаемая, — медленно говорил Боланд, глядя на экран. — Корма не погружена, как и сказано в сообщении Дюпре. Но кроме этого я ничего необычного не вижу.

Питт сказал:

— Вы не Шерлок Холмс. Говорите, ничего необычного?

— На борту не заметно никаких повреждений, — все так же медленно продолжал Боланд. — Но возможны пробоины внизу, которые станут видны, когда ее поднимут. Ничего необычного.

— Нужен очень мощный взрыв, чтобы проделать в корпусе корабля величиной со «Старбак» такую дыру, которая привела бы к гибели. Но это на глубине 90 футов, — сказал Питт. — На глубине в тысячу футов хватит небольшой трещины. А на поверхности лодка справится с любым повреждением, кроме очень крупной пробоины. Добавим, что взрыв должен был бы повсюду разбросать обломки; невозможно провести детонацию, не оставив следов. Как видите, на песке нет ни одной заклепки. Что приводит нас к следующему поразительному заключению. Откуда взялся песок? Мы прочесали мили этой подводной горы и не видели ничего, кроме скал и водорослей. А здесь ваша субмарина лежит на аккуратной полоске мелкого песка.

— Возможно, совпадение, — тихо, но упрямо сказал Боланд.

— Что Дюпре уложил свою умирающую лодку на единственный мягкий участок во всей округе? Крайне сомнительно. Теперь переходим к самому серьезному. К наблюдению, которое нелегко объяснить. — Питт приблизил лицо к монитору. — Останки погибших кораблей очень красноречивы. Для морского биолога они — прекрасная лаборатория. Если известна точная дата гибели корабля, ученый может установить скорость роста разных типов жизни обитателей моря на обломках. Заметьте, что внешний корпус «Старбака» чистый и выскобленный, как в день выхода в море.

Все в рубке оторвались от приборов и всмотрелись в экран. Боланд и Стенли, не двигаясь с места, продолжали смотреть на Питта. Им не требовалось смотреть на мониторы, чтобы понять его правоту.

— Кажется, — продолжал Питт, — по крайней мере если основываться на внешнем виде, что «Старбак» затонул только вчера.

Боланд устало провел рукой по лбу.

— Пойдемте наверх, — сказал он, — и обсудим это на свежем воздухе.

На левом крыле мостика Боланд повернулся и посмотрел на море. Еще два часа, и солнце сядет; морская глубина уже начала темнеть, потому что свет проникал под острым углом. Боланд устал и говорил тихо и медленно:

— Нам приказано найти «Старбак». Первый этап своей задачи мы завершили. Теперь надо поднять лодку на поверхность. Я хочу, чтобы вы полетели в Гонолулу за группой подъема.

— Не думаю, что это разумно, — так же тихо ответил Питт. — Мы еще не во всем разобрались. Скоро стемнеет. А ведь «Старбак» исчез в темноте.

— Нет никаких причин для паники. На «Марте-Энн» довольно оборудования, чтобы заметить опасность с любой стороны и на любом расстоянии.

— У вас только ручное оружие, — ответил Питт. — Что проку в обнаружении объекта, если у вас нет защиты? Вы нашли кладбище в Водовороте, но понятия не имеете о причинах всех этих крушений.

— Если дьявол или призрачный флот до сих пор не появились, — настаивал Боланд, — они и не появятся.

— Это вы сказали, Пол. Вы отвечаете за корабль и экипаж. Когда я улечу, вы попрощаетесь с единственным путем спасения.

— Хорошо, я слушаю, — спокойно сказал Боланд. — Что вы задумали?

— Вы сами знаете, — нетерпеливо сказал Питт. — Мы спустимся к подлодке. Телекамеры и приборы больше ничего нам не скажут. Необходим личный осмотр. Скоро стемнеет, и, если прогнило что--то в Датском королевстве, нужно как можно быстрее узнать, что именно.

Боланд взглянул на закатное солнце.

— Времени мало.

— Сорок пять минут нам хватит.

— Нам?

— Мне и еще одному человеку. Служившему раньше на подлодке. Есть у вас такой?

— Мой штурман, лейтенант Марч, четыре года служил на атомных подводных лодках; он опытный ныряльщик с аквалангом.

— Подходит. Беру.

Боланд задумчиво посмотрел на Питта.

— Не пойдет.

— В чем проблема?

— Не могу отправить вас вниз. Если что-нибудь случится, ваш адмирал Сандекер возьмет меня за задницу.

Питт пожал плечами.

— Маловероятно.

— Вы слишком самоуверенны.

— Конечно. Меня поддерживают самые современные средства обнаружения, известные человеку. Ни вокруг корпуса «Старбака», ни на самом корпусе они ничего не выявили. В чем риск?

— Попрошу лейтенанта Марча помочь вам со снаряжением для ныряния, — сдался Боланд. — С правой стороны сразу над ватерлинией есть люк для погружения. Марч будет ждать вас там. Но помните: только внешний осмотр. Увидев все, что можно, сразу возвращайтесь.

Он повернулся и исчез в рубке.

Питт остался на левом крыле мостика, стараясь не улыбаться. Ему было совестно, но он отмахнулся от этого чувства.

«Бедный старина Боланд, — сказал он про себя. — Он понятия не имеет, что я задумал».

Глава 9

Погружение к затонувшему судну — переживание одновременно будоражащее и пугающее; суеверные сравнивают такое погружение с плаванием внутри гниющего трупа Голиафа. Сердце ныряльщика начинает страшно биться, мысль цепенеет от необъяснимого страха. Во время прошлых погружений к затонувшим кораблям Питту представлялись романтические картины: призрак старого бородатого капитана расхаживает по капитанскому мостику; потные, матерящиеся матросы

бросают уголь в древнюю раскаленную топку... или даже как на борт возвращаются после загула в захудалом тропическом порту полупьяные, все в татуировках матросы. На этот раз было иначе. «Старбак» лежал на дне невредимый. И если подводный мир был чужим для судна на поверхности, для подводной лодки он казался естественным. Питт так и ждал, что вот-вот из вентиляторов покажутся пузырьки и огромные бронзовые винты начнут вращение: длинная черная штуковина оживет.

Они с Марчем медленно плыли вдоль корпуса в нескольких дюймах от черного морского дна. Марч держал фотоаппарат «Никон» для съемки под водой; он нажал кнопку, открывающую объектив, и внезапная вспышка яркого света показалась молнией в затянутом тучами небе. Только пузыри воздуха нарушали тишину. Косяки ярко окрашенных рыб скользили вокруг двух существ, вторгшихся в их жизнь.

Подплыла любопытная черно-желтая рыба-ангел. Мимо, работая плавниками, проскользнуло несколько рыб-попугаев. Над людьми, не обратив на них внимания, проплыла коричневая акула с белыми кончиками плавников. Вокруг было так много вкусной пищи, что в крошечном, с горошину, мозгу акулы даже не возникла мысль полакомиться людьми.

Питт подавил желание любоваться тем, что вокруг. Слишком много работы и мало времени. Он крепче сжал длинный алюминиевый стержень.

Барф, Волшебный Дракон, называет его Марч. Трехфутовая цилиндрическая трубка с острым концом напоминала Питту ту штуку, которой в парках убирают бумажный мусор. На самом деле это было смертоносное оружие против акул. Подводные ружья, репелленты, самострелы — все они оказывали определенное действие на самого ненавистного врага человека. Но наиболее надежным и безопасным из них оставался Барф, Волшебный Дракон. Питт видел коммерческие варианты этого убийцы акул; они были компактнее, меньше и соответственно слабее флотского. В основе это ружье, и, несмотря на обманчиво неопасную внешность, буквально выворачивает акулу наизнанку. Когда чудовище с бритвенно-острыми зубами подплывает слишком близко, ныряльщик просто всаживает острый конец в похожую на наждак кожу и спускает курок, заставляя канистру с двуокисью углерода погрузиться в тело акулы. Образующийся в результате газ выталкивает внутренности акулы через пасть, предварительно надув их, как воздушный шар. Но даже это не убивает чудовище. Только когда газ заставляет акулу всплыть на поверхность, она погибает. У акулы нет воздушных пузырей или жабр, как у других рыб. Акулы не могут стоять на месте, они должны все время двигаться, пропуская кислород через пасть и через похожие на жабры щели. Если акула не движется, она не может дышать.

Марч нажал на затвор, промотал кадр пленки и снова нажал. Потом знаком показал Питту: давай наверх. Они стали подниматься, проплыли мимо люка для отправки сообщений, мимо захлопок цистерн балласта и причальных крюйсов.

Питт взглянул в лицо Марчу, видное через маску: в глазах молодого человека читался страх перед тем, что скрывалось в корпусе лодки. Марч направил камеру к поверхности: у него кончилась пленка. Питт отрицательно покачал головой. Он взял маленькую квадратную доску, прикрепленную к поясу для отягощения, и карандашом написал два слова: «СПАСАТЕЛЬНЫЙ ЛЮК».

Марч посмотрел на надпись и пальцем показал на свои водолазные часы. Питт не нуждался в напоминании: он знал, что воздуха у них осталось на двадцать минут. Он опять поднял доску и крепко взял молодого лейтенанта за руки, впился пальцами в его плоть, чтобы передать настоятельность своего приказа. Глаза Марча за маской округлились. Он посмотрел вверх, на тень корпуса «Марты-Энн», зная, что за ними следят телевизионные камеры. И, не умея решиться, тянул время.

Но Питт не обманулся. Он крепче сжал руку Марча. Это подействовало. Марч кивнул в знак того, что понял, быстро повернулся и поплыл к носу «Старбака». Питт не сомневался, что молодой человек его послушается.

Он плыл сразу за ластами Марча в струе пузырей, вырывавшихся из клапанов воздушной системы лейтенанта. Через несколько секунд их тени упали на корпус, и они повисли над палубой «Старбака». Краб, которому грубо помешали прогуливаться по палубе, скользнул вбок, потом по закругленному корпусу и приземлился на все восемь ног на песок. Испугался не только краб, но и Марч. Питт видел, как невольно дрогнули плечи молодого человека, когда тот посмотрел на люк и представил себе страшную картину под ним.

«ОТКРЫВАЙ», написал на доске Питт. Марч посмотрел на него, снова вздрогнул, наклонился и стал поворачивать штурвал. Питт Барфом постучал по крышке люка. Вода усилила металлический звук. Марч отчаянно пытался повернуть штурвал, жилы на его шее вздулись. Колесо не поддавалось. Марч расслабился и вопросительно, даже гневно, посмотрел на Питта. Питт поднял три пальца и показал на люк, требуя третьей попытки. Остановившись напротив Марча, он использовал ствол Барфа как рычаг, просунув его в сектор штурвала. Потом кивнул.

Они взялись поворачивать вдвоем. Наконец колесо подалось, но вначале лишь на четверть дюйма. Потом стало легче, с каждым дюймом колесо вращалось быстрее и наконец остановилось. Марч открыл люк и заглянул вниз, в воздушный шлюз. Одинаковое давление в шлюзе и снаружи — дурной знак. Питт видел, что его грандиозный план рушится,

но оставались еще один ход и одна минута на действия. Питт стер с доски надпись и сделал новую: «МОЖЕШЬ ДЕЙСТВОВАТЬ?»

Марч кивнул, невольно вздрогнув от предложения, скрытого за вопросом Питта, взял свою доску для сообщений и написал: «БЕСПОЛЕЗНО, ТОКА НЕТ».

Питт в ответ нацарапал: «ПОПРОБУЕМ».

Марч решил, что сопротивление бесполезно, немного помедлил, собираясь с духом, и нырнул в запретную тьму воздушного шлюза. Питт подождал, пока Марч осмотрится в слабом свете, пробивающемся сверху. Взявшись за управление вентиляторами шлюза, Марч кивнул; Питт спустился к нему и закрыл люк.

Спасательный отсек представлял собой своеобразную трубу в корпусе лодки, рассчитанную на шесть человек. Люди, поднимающиеся с затонувшей подлодки, входят, задраивают внутренний люк и через особые клапаны заполняют помещение водой. Когда давление внутри и снаружи уравняется, люк открывают и поднимаются на поверхность. Марч с Питтом собирались проделать обратное: удалить воду и войти на лодку. Питт надеялся, что там сухо.

Безумие, только так мог описать это Марч, сидя в кромешной тьме спасательного отсека, чистое безумие. Гораздо проще было бы просто открыть внутренний люк, не теряя времени в темном помещении. Зачем его тратить, если очевидно, что лодка затоплена, внутри вода? Они найдут только темные отсеки с плавающими в воде разбухшими, разлагающимися трупами. А если не поторопятся, то оба тоже умрут: Марч полагал, что запас воздуха может кончиться с минуты на минуту. Безумие, снова подумал он в отчаянии. Казалось бы, невозможно — но он почувствовал, что вспотел. И повернул штурвал.

В помещение с негромким шипением начал поступать воздух, вода уходила. Наверно, мне это снится, подумал Марч. Такое просто невозможно. Тело сообщало ему об изменении давления, и хоть он не мог этого видеть, но знал, что, если поднимет руки, они окажутся над водой. Потом он почувствовал, как легкие волны плещут в лицо. Если бы не крепко зажатый в зубах загубник, Марч ахнул бы от изумления. Борясь с ошеломлением, совладав с чувствами, он ощупью поискал водонепроницаемый выключатель, который должен был находиться на стене возле выпускающего клапана. В спешке ободрал костяшки пальцев, но нашел резиновый переключатель. Щелкнул им, и помещение залил свет.

Марч удивился: Питт стоял перед ним, прислонившись к переборке, не обращая никакого внимания на окружение; маску он уже поднял, и загубник с подающим воздух шлангом свисал с груди. Он смотрел на

Марча зелеными глазами и даже как будто бы подмигнул, а губы изогнулись в легкой улыбке.

Марч выплюнул свой загубник.

— Откуда вы знали? — с трудом спросил он.

— Всего лишь обоснованное предположение, — небрежно ответил Питт.

— Свет. Давление, выталкивающее воду, — ошеломленно говорил Марч. — На лодке работает ядер- ный реактор.

— Похоже. Посмотрим?

Марчу ледяное спокойствие Питта казалось поразительным.

— Почему бы и нет? — ответил он. Он тоже пытался говорить небрежно, но голос прозвучал хрипло. Вода полностью ушла, и Марч увидел под ногами спасательный люк «Старбака».

Они сняли баллоны с воздухом, маски и ласты в уверенности, что, если в спасательном шлюзе есть пригодный для дыхания воздух, есть он и в самой лодке. Марч опустился на колени — на полу шлюза оставалось примерно с дюйм воды — и начал поворачивать штурвал. Этот уступил легко, изнутри через щель начал поступать воздух. Марч наклонился и вдохнул.

— Все в порядке.

— Откройте пошире.

Марч повернул штурвал, но новый поток воздуха поднял рябь на оставшейся в луже воде. Потом давление уравнялось, и вода ушла в щель люка. Марча томили страшные предчувствия; теперь не было сомнений в том, что из его пор выступает ледяной пот. Он осторожно поднял крышку. Та легко повернулась на петлях. Нет, он ни за что не войдет первым в этот нечестивый склеп. Он тревожился зря: Питт быстро скользнул мимо него, спустился по трапу и исчез из виду.

Питт оказался в хорошо освещенном, тесном и пустом носовом торпедном отсеке. Все как будто бы в порядке, все на месте, словно дежурные ненадолго вышли перекинуться в карты в комнате отдыха или поесть в кают-компании. Ряды торпед прочно закреплены; медные пластинки на задних крышках торпедных аппаратов ярко блестят; вентилятор вращается с нормальной скоростью. Единственное движение — тень Питта, перемещающаяся по переборке. Он шагнул обратно к люку и осмотрелся.

— Никого нет. Спускайтесь и прихватите Барфы.

Мог бы и не надрываться. Марч уже спускался по лестнице, неся оба Барфа и камеру. Он протянул Питту ружье с двуокисью углерода и украдкой осмотрел помещение. Страх его сменился изумлением, когда он увидел, что Питт не шутил насчет пустого отсека.

— Но где все?

— Давайте узнаем, — спокойно сказал Питт. Он взял Барф из рук Марча и кивком показал на камеру. — Это ваша система безопасности?

Марч принужденно улыбнулся.

— Осталось восемь кадров. Коммандер Боланд захочет увидеть, что мы обнаружили. Он будет недоволен тем, что мы нарушили приказ и вошли в лодку.

— Нет ничего страшней недовольного комманде- ра, — сказал Питт. — Всю ответственность беру на себя.

— Телекамеры должны были показать, что мы вошли в спасательный люк, — беспокойно сказал Марч.

— Сначала самое важное. Рассчитываю на вас как на личного гида.

— Я служил на боевой подводной лодке. «Старбак» — чудо инженерной мысли, пять лет назад мы о таком и не мечтали. Сомневаюсь, что смогу найти ближайший гальюн.

— Вздор, — высокомерно заявил Питт. — Если видел одну субмарину, видел все. Куда это ведет? — он показал на дверь в переборке отсека.

— Вероятно, к трапу, ведущему мимо торпед к каютам экипажа.

— Ладно, посмотрим.

Питт открыл дверь в переборке и прошел в помещение, размерами напоминавшее Карлсбадскую пещеру. Огромный отсек, по меньшей мере в четыре палубы высотой, лабиринт тепловых труб, двигательных систем, генераторов, котлов и две чудовищные турбины. Силовая установка, подумал Питт, одна из поражающих воображение трубами и механизмами генераторных станций газовых и электрических компаний. Пока он стоял, пораженный размерами помещения, Марч протиснулся мимо него и медленно, словно во сне, провел руками по оборудованию.

— Боже мой! — воскликнул он. — У них получилось. Они действительно объединили машинное отделение с реакторами и разместили в передней части корабля.

— Я думал, ядерные реакторы должны размещаться в изолированных отсеках из-за опасности радиации.

— Сейчас защиту и контроль улучшили настолько, что человек, год проработавший у реакторов, получает меньше рентген, чем рентгенолог в больнице за неделю.

Марч подошел к похожему на бойлер механизму высотой двадцать футов и принялся внимательно его разглядывать. Он прошел вдоль труб до того места, где они соединялись с турбинами винтов.

— Левый реактор заглушен, — негромко сказал он. — Но стержни правого реактора выдвинуты. Поэтому система дает энергию.

— Сколько она может так работать без вмешательства? — спросил Питт.

— Полгода, год. Это принципиально новая система, очень совершенная. Возможно, даже дольше.

— Вам не кажется, что тут слишком чисто?

— Кто-то поддерживает здесь чистоту, это точно, — сказал Марч, тревожно оглядываясь.

— Пожалуй, пойдем дальше, — коротко предложил Питт.

Они поднялись по лестнице к другой двери, переступили порог и оказались в кают-компании, большом просторном помещении, ярко освещенном, уставленном длинными столами под темно-синей клеенкой. Это скорее напоминало кофейню в праздники, чем корабельную столовую. Решетки печей в камбузе были холодны, и опять-таки все чисто и аккуратно. Ни кастрюль, ни сковород, ни груд грязных тарелок. Питт не заметил ни крошки. Проходя мимо 32-дюймового экрана цветного телевизора и гигантской стереосистемы, он не сдержал улыбки. Что-то в его сознании не увязывалось. Относительно этого безумного, безлюдного корабля вообще ничто не увязывалось. И тут он понял — увидел небольшую часть сбивающей с толку головоломки.

— Бумаги нет, — сказал Питт, ни к кому в особенности не обращаясь.

Марч посмотрел на него.

— Что?

— Нигде ни клочка бумаги, — объяснил Питт. — Ведь экипаж проводит здесь свободное время, верно? Тогда почему нет игральных карт, журналов, книг? Ни соли, ни перца, ни сахара...

Неожиданно он умолк на середине фразы и быстро прошел вдоль стойки камбуза, от которой подавались блюда. Открыл дверцы шкафов и дверь в кладовку. Везде было пусто. Только посуда и кухонная утварь. С мрачным удовлетворением Питт заметил следы ржавчины на металле посуды.

Марч смотрел, как он задумчиво разглядывает камбуз.

— Что вы об этом думаете?

— Помещение было затоплено, — медленно сказал Питт.

— Невозможно, — просто ответил Марч. — В машинном отделении и реакторной...

— ...никогда не было воды, — закончил за него Питт. — Это очевидно. — Невозможно бельем вытереть реактор, но можно восстановить затопленную кают-компанию.

Он старательно прикрыл дверцы шкафов, оставляя все так, как нашел.

Они прошли по длинному коридору мимо каюты дежурного офицера, жилых помещений команды и каюты капитана. Питт быстро осмотрел каюту Дюпре, но ничего не нашел; даже одежда исчезла. Казалось, он стоял в больничной палате; пациент умер, и санитары уничтожили все следы его существования.

В молчании Питт медленно и молча шел дальше по коридору, пока не оказался в помещении, как он догадался, центрального поста. Крепко сжимая в руке Барф, он прошел мимо рядов электронного оборудования. Глаза его не отрывались от панелей, шкал, индикаторов, экранов радаров, карт и прозрачных экранов слежения. Ему трудно было поверить, что он в субмарине под водой, а не в Национальном центре управления космическими полетами. «Старбак» и без присмотра человека продолжал негромко гудеть, ожидая приказа проснуться и снова устремиться в глубины моря.

Наконец Питт нашел то, что искал: дверь радиорубки. Брошенное оборудование стояло наготове, словно ожидая возвращения радиста в любую минуту. Питт сел и, открыв первый же ящик, обнаружил инструкцию к трансиверу. «Добрый старый Флот», — подумал он: руководство всегда должно быть под рукой. Он склонился к передатчику, включил все необходимые шкалы и повернул рукоятки настройки. Потом повернулся к Марчу.

— Найдите управление антенной и поднимите ее как можно выше.

Марчу потребовалось шестьдесят секунд, чтобы найти и включить верхнюю антенну. Питт взял микрофон; в сверхъестественной тишине

пустой подлодки, поглощенный своей задачей, он совершенно забыл о возвращении на поверхность. Он настроился на морскую частоту, зная, что его сообщение услышат и в бункере в Перл-Харборе. Кое-кто поверит в привидения, злорадно подумал он. И нажал кнопку «ПЕРЕДАЧА».

— Алло, алло, «Марта-Энн». Говорит «Старбак». Повторяю, «Старбак». Как слышите?

Боланд тем временем не сидел сложа руки. Не успел Питт открыть спасательный люк, как Боланд приказал двум своим лучшим людям готовиться к погружению. Они должны были доставить дополнительные баллоны с кислородом взамен опустошенных Питтом и Марчем; он полагал, что сейчас запасы кислорода у них уже кончаются. Боланд бессильно ударил кулаком по столу в обсервационном отсеке. Они слишком долго находятся на лодке; должно быть, застряли в спасательном отсеке. Проклятый Питт, подумал он. Как он уговорил Марча на такую глупость!

Он схватил микрофон.

— На платформе для ныряния. У вас меньше пяти минут, чтобы вытащить их оттуда. Шевелитесь!

Он снова бросил микрофон, повернулся к экранам и уставился на них холодным невыразительным взглядом.

— Сколько еще?

Стенли в пятый раз взглянул на часы.

— Если не будут перенапрягаться, я дал бы им еще три минуты.

Они смотрели, как ныряльщики погрузились в воду и быстро поплыли к подводной лодке. В этот миг в коридоре снаружи послышались шаги; в обсервационный отсек ворвался боцман.

— Мы их засекли! — крикнул он. — Засекли по радио «Старбак»!

— О чем вы говорите? — рявкнул Боланд.

— Голосовая связь со «Старбаком», — более спокойно ответил боцман.

Радисту показалось, что боцман еще не успел уйти, когда через его плечо заглянул Боланд. Радист поднял голову.

— Сэр, вы не поверите, но из подводной лодки с нами говорит майор Питт.

— «Старбак», — начал передачу Боланд, — говорит «Марта-Энн». Прием.

Боланд смотрел на микрофон так, словно ожидал, что из него появится Питт.

— «Марта-Энн», говорит «Старбак». Прием.

— Это вы, Питт? Прием.

— Во плоти.

— Как вы там?

— Мы в порядке. Марч шлет привет. — Питт помолчал, увеличивая громкость. — «Старбак» не затоплен. Повторяю, «Старбак» не затоплен. Если бы мне прислали десять человек, я мог бы привести его домой.

— Что с экипажем?

— Ни следа. Словно и не существовал.

Боланд ответил не сразу. Он пытался осознать невероятные слова Питта, тщетно рисуя в сознании покинутый корабль без экипажа и командира. Он ничего не замечал вокруг себя, не видел, что половина экипажа «Марты-Энн» собралась в коридоре и ошеломленно молчит. Сначала из недоверия, потом от растущего сознания, что это правда.

— Пожалуйста, повторите!

— На корабле ни души. По крайней мере от носового торпедного отсека до рубки управления в центре.

Мы еще не осматривали кормовые помещения. Кто- то был настолько любезен, что оплатил счет за электричество. Энергию дает левый реактор.

У Боланда подогнулись колени. Он помешкал, кашлянул и сказал:

— Вы с Марчем выполнили задачу. Отправляйтесь к спасательному люку и возвращайтесь на «Марту-Энн». У люка вас будут ждать люди с запасными кислородными баллонами. Лейтенант Марч рядом с вами?

— Нет. Он отправился на корму в поисках затопленных помещений и чтобы проверить, сидят ли в своих гнездах ракеты «Гиперион».

— Вероятно, вы понимаете, что на этой волне вас принимают на тысячи миль вокруг.

— Кто поверит в передачу с подводной лодки, затонувшей шесть месяцев назад?

— Например, наши друзья из СССР. — Боланд помолчал, чтобы вытереть лоб носовым платком. — Предлагаю, что пора заканчивать. Как только Марч вернется, отправляйтесь наверх. Адмирал может

потребовать подробный отчет. И кстати, чтобы вы не перепутали, это приказ!

Он так и видел улыбку Питта.

— Отлично, папа. Накрывайте на стол. Будем через...

Голос Питта пропал на середине фразы. Слышался только негромкий шум. Боланд поднес микрофон к губам, щурясь от неуправляемого внутреннего страха.

— Не слышу, «Старбак». Повторите.

По-прежнему легкий шум в микрофоне.

— Ну же, Питт. Черт побери, почему вы молчите?

Единственным ответом была тишина.

Глава 10

Питт сидел неподвижно и молча смотрел на дурно пахнущее бородатое привидение с дикими глазами, стоявшее в двери радиорубки. Он ждал, пока пройдет потрясение и отвратительное зловонное существо вернется в мир галлюцинаций, где ему место. Поморгал, надеясь, что мозг уничтожит видение, но оно смотрело на него и не исчезало.

Потом оно открыло рот, и послышался хриплый голос:

— Вы кто? Вы не из них.

— О ком вы говорите? — спокойно спросил Питт, контролируя голос.

— Они вас убьют, если узнают, что вы пользовались радио.

Голос словно доносился откуда-то издалека.

— Кто «они»?

Рука Питта приблизилась к Барфу и крепко сжала его. Существо в двери не обратило на это внимания.

— Вам здесь не место, — тупо сказало привидение. — Вы одеты не так, как они.

Сам этот человек был в лохмотьях — остатках морского комбинезона, но без знаков различия. Глаза пустые, тело тощее. Питт решил стрелять наудачу.

— Вы коммандер Дюпре?

— Дюпре? — повторил человек. — Нет. Я Фаррис, матрос первого класса Фаррис.

— А где остальные, Фаррис? Коммандер Дюпре, офицеры, другие члены экипажа?

— Не знаю. Они сказали, что убьют их, если я прикоснусь к радио.

— Кто-нибудь еще есть на борту?

— Постоянно двое караульных.

— Где?

— Они могут быть где угодно.

— О мой Бог! — ахнул Питт, весь напрягшись. — Марч! — Он вскочил и усадил Фарриса в кресло радиста. — Ждите здесь. Вы поняли, Фаррис? Никуда не уходите.

Фаррис тупо кивнул.

— Да, сэр.

Держа Барф перед собой, Питт быстро переходил из отсека в отсек, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Ни следа лейтенанта Марча, единственный звук — далекий гул вентиляторов. Он вошел в помещение, которое сразу узнал: корабельный лазарет. Операционный стол, шкафы, заполненные аккуратными рядами флаконов с этикетками, хирургические инструменты, рентгеновский аппарат и даже кресло дантиста. Между кроватями, выступающими из противоположной переборки, тело. Питт нагнулся, хотя уже знал, кто это.

Марч лежал на боку, его руки и ноги были согнуты так, словно они резиновые, кровь окружила тело лужей. Два маленьких, круглых пулевых ранения в грудь навылет; лейтенант лежал на холодной стальной палубе, раскрыв глаза, и невидящим взглядом смотрел на кровь, вытекающую из вен. Движимый инстинктом, древним, как сам человек, Питт наклонился и закрыл Марчу глаза.

Когда горизонтально, по палубе, а затем вертикально, по переборке, поползла тень, Питт полуаркой изогнул тело, прижал острие Барфа к животу стоявшего за ним человека и спустил курок. Черная тень на белой стене выдавала неясные очертания то ли пистолета, то ли дубинки в руках незнакомца, и, промедли Питт хоть долю секунды, он отправился бы следом за Марчем. А так он успел мельком заметить, что его противник — высокий, косматый мужчина в зеленой набедренной повязке. Лицо умное, почти красивое, голубые глаза, буйная светлая

шевелюра. Черты лица Питт вскоре забудет. Зато следующее мгновение не забудет до гроба.

Двуокись углерода под огромным давлением высвободилась в податливой человеческой плоти. Тело человека мгновенно раздулось и стало невероятно уродливым, живот выпятился, участки кожи между ребрами надулись, как воздушные шарики. Выражение ужаса на лице продержалось долю секунды и исчезло: из носа и ушей на шесть футов во все стороны полетели серо-зеленые внутренности, рот искривился, стал вдвое шире, и оттуда красным скользким водопадом хлынуло вещество внутренностей; одновременно глазные яблоки выскочили из глазниц и повисли, раскачиваясь, над раздутыми щеками. Руки раскинуло в стороны, и обезображенное тело упало на палубу; углекислый газ вышел через все отверстия, и оно вернулось к прежним размерам.

Питт, чувствуя желчь в горле, отвернулся, чтобы его не вырвало, поднял Марча и положил на койку. Он накрыл тело молодого лейтенанта одеялом. Глядя печально и горько, Питт склонился к неподвижной фигуре, словно говоря: «Я не должен был допустить твоей смерти. Черт побери, Марч. Я не имел права дать тебе умереть».

Он встал. Ноги подкашивались. Игра резко изменила характер. Водоворот заработал еще одно очко.

Питт снова посмотрел на обезображенный труп на полу и понял, что перед ним осязаемая улика. Это не сверхъестественное существо из космоса. Человек с двумя руками, двумя ногами… и способный пролить кровь.

Питт не хотел больше смотреть. Если где-то на лодке скрывался еще один, Питт знал, что шанса взорвать его изнутри нет. У него была только одна канистра с газом. Питт почувствовал себя беспомощным но вдруг его осенило: оружие, тень которого он видел на стене. То самое, что убило Марча. Шаг, другой, и он отыскал его под столом хирургического вида. Он не заметил его раньше, потому что оно напоминало скорее небольшую перчатку с вытянутым указательным пальцем, чем обычный пистолет. Рукоять с углублениями для пальцев, для каждого свое углубление. Рука входит на место так плотно, словно влитая. И лишь короткий, двухдюймовый ствол над большим пальцем свидетельствует, что это огнестрельное оружие. Спускового крючка в обычном смысле нет, лишь небольшая кнопка для подушечки пальца; достаточно легкого нажима, в одну-две унции.

Питт не стал проверять оружие. Он быстро вернулся в рубку, схватил протестующего Фарриса за руку и потащил к спасательному люку.

Они были почти у цели. Еще десять шагов по машинному и реакторному отделению, и они окажутся у входа в торпедный отсек. Питт резко затормозил, вдавливая подошвы в пол, сдерживая инерцию движения Фарриса вперед: он увидел перед собой человека-гору в коротких зеленых шортах, с таким же странным оружием, как то, что сам сжимал в руке.

Питту повезло: внезапность была на его стороне. Он ожидал столкновения, а его противник — нет. Никаких «Кто ты?» или «Что ты здесь делаешь?». Легкое нажатие пальца и почти неслышное змеиное шипение. Оружие Питта заговорило первым.

Заряд из оружия Питта — он до сих по не знал, что вылетает из короткого ствола, — при выстреле в упор попал гиганту в лоб. Тот отлетел и ударился о турбину, повалился вперед, громко грянувшись головой и грудью о палубу. Не успел этот человек испустить последний вздох, а Питт уже перешагнул через него и втолкнул Фарриса в дверь торпедного отсека.

Фаррис споткнулся и упал, растянувшись на палубе, увлекая за собой Питта. Но перед этим Питт ударился под коленом о порог торпедного отсека и выронил оружие. Боль была такая резкая, словно ему отрубили ногу. Но не боль парализовала его, когда он пытался подняться с палубы, а страх: он головой вперед упал в торпедный отсек. Слепо, ощупью Питт искал странное оружие, понимая, что опоздал, что любой из стоящих в отсеке людей легко убьет его.

— Питт? — спросил меньший из этих двоих.

Питт был уверен, что слух и сознание его обманывают. Но потом понял, что смотрит в лицо рулевому «Марты-Энн».

Он спросил:

— Вы пошли за нами?

— Коммандер Боланд решил, что у вас с Марчем кончился воздух, — ответил рулевой. — И послал нас вниз с запасными баллонами. Мы прошли через спасательный отсек. Не думали, что тут сухо.

Оцепенение постепенно отпускало Питта.

— У нас мало времени. Можно затопить этот отсек?

Рулевой смотрел на него. Второй — в нем Питт узнал одного из палубных матросов — тоже смотрел на него, не понимая.

— Вы хотите затопить…

— Да, черт побери! Хочу сделать так, чтобы никто не мог поднять этот корабль по меньшей мере с месяц.

— Нет, нельзя... — неуверенно сказал рулевой.

— У нас нет времени, — мягко сказал Питт. — Марч уже мертв, и мы тоже умрем, если не поторопимся.

— Лейтенант Марч мертв? Не понимаю. Зачем затоплять...

— Неважно, — сказал Питт, глядя прямо в глаза рулевому. — Под мою ответственность.

И прежде чем выговорить эти слова, вспомнил: то же самое он сказал Марчу.

Второй матрос указал на Фарриса. Тот сидел на палубе и смотрел прямо перед собой в пустоту.

— Кто это?..

— Уцелевший из экипажа «Старбака», — ответил Питт. — Надо поднять его наверх. Он нуждается в медицинской помощи.

Если моряк и удивился, встретив человека, который уже полгода как мертв, он ничем этого не выдал. Только посмотрел на порезанную кровоточащую ногу Питта.

— Кажется, вам помощь тоже не помешает.

Нога совершенно потеряла чувствительность. Питт радовался, что не хромает: это доказывало бы, что он ранен серьезно.

— Выживу. — Он снова повернулся к рулевому. — Затопите это помещение.

— Есть, — машинально ответил рулевой. — Но я выражаю протест...

— Хорошо, протестуйте, — нетерпеливо сказал Питт. — Можно все-таки затопить лодку?

— Что бы мы ни сделали, хороший экипаж спасателей все равно вскроет ее снаружи за два дня. Спасательный люк в этом отсеке — единственный способ проникнуть внутрь, затопить отсек значит затруднить проникновение, если нет возможности добраться до источника энергии. Лучшее решение — перекрыть предохранительные клапаны, чтобы избежать взрыва, потом открыть крышки торпедных аппаратов, чтобы впустить море. Потом отсоединить насосы, на случай, если кто-то попытается включить их снаружи. Вероятно, потребуется полтора дня, чтобы понять, что мы сделали, и еще три-четыре часа,

чтобы привести все в порядок и под давлением освободить помещение от воды.

— В таком случае для начала перекройте доступ в машинное отделение.

— Есть другой способ выкроить несколько дополнительных часов, — медленно сказал рулевой.

— Какой?

— Заглушить реакторы.

— Нет, — решительно ответил Питт. — Когда мы все подготовим, нам будет некогда заново запускать реакторы.

Рулевой бесстрастно посмотрел на Питта.

— Да поможет нам Бог, если вы ошибаетесь. — Он повернулся ко второму моряку. — Отсоедини насосы и открой внутренние крышки торпедных аппаратов. Я займусь клапанами и внешними крышками. — Он посмотрел на Питта. — Ладно, Питт, вредительство вот-вот станет фактом. Но, если вы ошибаетесь, мы успеем стать старейшими моряками флота Дяди Сэма, прежде чем перестанем за это расплачиваться.

Питт улыбнулся.

— Если повезет, еще медаль получите.

Лицо рулевого оставалось мрачным:

— Сомневаюсь, сэр. Очень сомневаюсь.

Боланд знал, как подбирать людей. Два его спасателя занялись своим делом так спокойно и деловито, словно обслуживали болиды на гонках в Индианаполисе в День памяти. Все прошло гладко. Рулевой пролез через спасательный люк, открыл наружные крышки торпедных аппаратов и заклинил выпускные крышки; едва Питт успел обмотать ноги куском ткани, оторванным от одеяла с пустой койки, по корпусу, как договаривались, постучал рулевой. Питт потащил Фарриса в спасательный отсек, а второй моряк тем временем начал открывать клапаны нижних помещений. Когда давление воды внутри и снаружи сравнялось — под потолком осталось всего один или два фута воздуха, — он нырнул и открыл внутренние крышки торпедных аппаратов. И удивился, увидев, как в отсек невозмутимо вплыла голубая рыба-попугай.

Питту тем временем пришлось одевать на Фарриса дыхательный аппарат и регулятор, потом он натянул на ничего не понимающие глаза маску.

— Я позабочусь, чтобы он благополучно поднялся, — сказал появившийся рядом второй моряк и надежно обхватил Фарриса за пояс.

Питт, довольный избавлением от этой заботы, только благодарно кивнул, надел собственный акваланг и сменил баллон с воздухом на полный. Потом моряк острием ножа постучал по крышке люка и предоставил рулевому честь открыть люк снаружи.

Теоретически они все могли бы достичь поверхности в воздушном пузыре, вырвавшемся из лодки, но теория всегда оставляет место неожиданностям. Акваланг Питта зацепился за край люка, и Питт отстал. С минуту он висел в воде, беспомощно глядя, как остальные исчезают вверху; они так и не заметили, что Питт не участвует в подъеме.

Питт опустился в люк и сравнительно легко освободил застрявший аппарат, но когда выплыл в открытое море, его ждала новая неожиданная угроза — Sphyrna Levini, акула-молот восемнадцати футов длиной. Несколько секунд Питту казалось, что серое двухтысячефунтовое чудовище, одна из немногих нападающих на человека разновидностей акул, не обратит на него внимания и проплывет над его головой.

Но потом, в незабываемое мгновение, увидел, как широкая приплюснутая голова повернулась и на него уставился один, сидящий сбоку глаз.

Бесполезный Барф Питта остался в субмарине; его единственным оружием — жалким и совершенно не соответствующим масштабам противника — оставалось маленькие оружие в форме перчатки, убившее Марча. Акула нацелилась на облако крови, окружившее ноги Питта, а Питт зачарованно смотрел, как огромная рыба без всяких усилий плывет к нему, чуть изогнувшись, и смотрит на него одним большим глазом с торца молота.

Акула все сокращала дугу своего скольжения, так что проплывала уже в нескольких дюймах от Питта. Питт взмахнул левой рукой и ударил чудовища кулаком по жабрам. Какой бесполезный, почти комический жест, подумал он, но внезапное касание удивило акулу, и Питт ощутил давление воды: рыба повернулась и отплыла. Однако снова повернула на сто восемьдесят градусов и вернулась. Питт следил за ней, отчаянно работая ластами. Он бросил взгляд на поверхность — не более чем в тридцати футах наверху, — но знал, что не доберется: людоед вот-вот предпримет вторую попытку, а Питт безоружен.

Питт поднял пистолет и прицелился; акуле достаточно было раскрыть пасть, и рука Питта оказалась бы у нее в зубах. И, когда рыба шевельнулась, Питт нажал на кнопку и выстрелил точно в холодный прозрачный глаз.

Акула перевернулась и дико забилась; потоки воды заставили Питта прокрутить сальто: его словно подхватил бушующий прибой. Он, собравшись с силами, остановил вращение и устремился к поверхности, осторожно косясь на акулу и одновременно бросая взгляды вверх, чтобы не удариться головой о киль «Марты-Энн». На него упала тень; Питт повернулся и в двадцати футах над собой увидел рулевого; тот знаками подзывал Питта к себе. Но приглашение Питту не требовалось: он за десять секунд преодолел расстояние и развернулся в ожидании нового нападения. Огромная, с широкой головой машина убийства остановилась и угрожающе смотрела здоровым глазом, ее мощные плавники едва продвигали массивное тело в воде. Неожиданно акула повернулась и непредсказуемо, на невероятной скорости уплыла, исчезла в темной воде.

Усталый и потрясенный Питт позволил вытащить его на платформу для ныряния, где ему помогли снять акваланг. Сил у него не осталось ни капли. Питт поднял голову и увидел мрачного Боланда.

— Где Марч? — ледяным тоном спросил Боланд.

— Мертв, — просто ответил Питт. — Бывает.

И с этими словами повернулся и ушел.

Питт смотрел на стакан у себя в руке. Лицо его ничего не выражало, но глаза покраснели и казались усталыми. Яркое тропическое солнце пускало последние лучи в иллюминатор и отражалось от кубиков льда в виски. Питт провел стаканом по лбу, смешивая конденсат с потом. Он только что закончил рассказывать Боланду всю историю. И теперь, когда, казалось бы, можно было расслабиться, чувствовал, что ужасные события последнего часа — лишь начало чего-то еще более зловещего.

— Вы не можете винить себя в смерти Марча, — искренне сказал Боланд. — Если бы вы застряли в спасательном отсеке и он утонул бы, это была бы ваша вина. Но, Господь свидетель, — нельзя было предвидеть, что на борту «Старбака» двое убийц.

— Перестаньте, Пол, — устало сказал Питт. — Я заставил парня зайти на подводную лодку. Если бы я не старался так доказать свою правоту, он остался бы жив.

— Хорошо. Мы потеряли одного человека, но ваша потрясающая находка с лихвой искупает эту ошибку. Если бы ради благополучного возвращения «Старбака» в Перл-Харбор потребовалось пожертвовать

жизнью всех членов экипажа, я бы не колебался ни минуты. Пожертвовал бы всеми, включая вас и самого себя.

— Ценю ваши старания, Пол, — сказал Питт.

Боланд улыбнулся.

— Я такой добрый, потому что вы накоротке с адмиралами. Кроме того, я считаю вас отличным работником. Но я полагаю, что ваш безумный план — затопление передних торпедных отсеков лодки — макиавеллиевский план. У вас есть объяснение?

— Очень простое, — коротко сказал Питт. — Я вывел «Старбак» из строя, чтобы на несколько дней задержать его на дне.

— Продолжайте, — сказал Боланд. Он перестал улыбаться.

— Начнем с того, что на борту оказались двое вооруженных людей и матрос Фаррис, изголодавшийся и измученный. «Старбак» был его тюрьмой. Даже его охранники сменялись, а он не мог сбежать, потому что бежать было некуда. Не знаю, откуда они приходили, но они не жили на борту.

— Почему вы в этом так уверены?

— Я эпикуреец. Проверил камбуз, кают-компа- нию экипажа и офицерскую столовую. Ни следа продуктов. Но ведь охранники должны есть. Да и Фаррис не мог прожить полгода без еды. Либо поблизости есть «Макдоналдс», о котором мы не знаем, либо эти парни ходят домой обедать. Я подозреваю второе. Кто бы они ни были и откуда бы ни пришли, сейчас они где-то поблизости — ждут удобного момента, чтобы захватить «Марту-Энн». Если мы исчезнем, как все остальные, Флот может навсегда попрощаться со «Старбаком». Поэтому я затопил торпедный отсек. Если наши таинственные незнакомцы поймут истинную причину появления «Марты-Энн», они уберут «Старбак» к черту на кулички, прежде чем Флот появится на горизонте.

— Мы за три часа можем перенести сюда по воздуху экипаж.

— Поздно. С той минуты, как мы бросили якорь, можно в любую секунду ожидать неприятностей. Нас ждет то же, что остальные корабли.

Боланд был настроен скептически.

— Все это кажется мне совершенной фантастикой. Если верить радару, здесь в радиусе пятисот миль нет никаких судов, а сонар показывает, что нет и подводных лодок. Откуда, во имя господа, они могут прийти?

— Знай я ответ на этот вопрос, — раздраженно ответил Питт, — я потребовал бы прибавки жалованья… и получил бы ее.

— Если у вас нет более основательных данных, — сказал Боланд, — мы будем стоять здесь на якоре до утра. А на рассвете начнем подъем «Старбака».

— Мечты, мечты, — сказал Питт. — К утру «Марта-Энн» будет лежать рядом со «Старбаком».

— Вы забываете, — упрямо сказал Боланд, — что я еще до наступления темноты могу вызвать по воздуху помощь из Перл-Харбора.

— Можете ли? — спросил Питт.

Боланду показалось, что Питт абсолютно уверен в своих словах, но по нему ничего нельзя было понять.

Выражение его лица выдает только то, что Питт хочет выдать, ничего больше.

— Адмирал Хантер ответил на ваше сообщение?

— Мы послали его только на морской частоте, как и вы с лодки.

— А вам не показалось странным, что адмирал Хантер ничего не ответил на рапорт о том, что «Старбак» найден? Вы ведь сами сказали. Мое сообщение с лодки приняли все в радиусе тысяч миль. Почему мы не получили ни единого «Да не может быть!» или «Как там погода?». Почему Хантер или Ганн не потребовали подробностей? Весьма вероятно, что ни одно сообщение не прошло, даже деза о сгоревшем подшипнике.

На этот раз Питт попал в яблочко. Боланд поднял брови, спокойно передвинул один из рычажков на интеркоме и сказал:

— Говорит коммандер Боланд. Установите связь с Перлом по коду «сухопутный шесть». Дайте знать, как только получите ответ.

— Есть код «сухопутный шесть»! — донеслось из динамика.

— Почему вы считаете, что нас не услышали? — спросил Боланд.

— Ни с одного корабля за исключением «Лили Марлен» не было сообщений. Даже со «Старбака». Разумно предположить, что наши неизвестные друзья не хотят, чтобы мир знал о нашей находке.

— Если вы правы, они забивают наше вещание.

— Смело можете ручаться головой, — серьезно ответил Питт. — Это объясняет, почему от гибнущих кораблей не пришло ни одного сигнала. Да, они их посылали, но морская станция на Оаху их не получала. Это также объясняет поддельное сообщение Дюпре перед исчезновением «Старбака». У наших неизвестных друзей где-то поблизости есть

мощный радиопередатчик. Возможно, на одном из Гавайских островов. Нужна сухопутная база, чтобы поставить достаточно высокую антенну: иначе они не могли бы глушить частоты судовых радиостанций.

— Коммандер Боланд? — прохрипел голос в громкоговорителе.

— Слушаю. Выкладывайте.

— Пока ничего, сэр. Они подтвердили получение, но не кодом «сухопутный шесть». Я повторил вызов четыре раза. И получил только запрос об отправке сообщения. Не могу этого понять, коммандер. Сигналы на обычной морской частоте проходят прекрасно. Что-то тут не так.

Боланд отключил интерком. Все молчали. «Неважно, что у нас есть контакт, — думал Питт. — Важно, что контакт не с теми».

— Плохо, — мрачно сказал наконец Боланд.

— Это ответ на один вопрос. Но что на самом деле произошло с экипажем «Старбака» шесть месяцев назад? И, если лодка лежит здесь в полном порядке, почему она просто лежит?

— Русских или любую другую иностранную державу можно вычеркнуть, — сказал Боланд. — Они ни при каких условиях не могли хранить это в тайне так долго.

— Как ни безумно это звучит, — заметил Питт, — я не думаю, что захват «Старбака» — результат заговора или заранее рассчитанный ход.

— Вы правы. Это звучит безумно, — спокойно ответил Боланд. — Не самое легкое дело — намеренно захватить в океане новейшую атомную подводную лодку.

— Но кто-то ведь сделал это, — возразил Питт. — Мы с Марчем не нашли ни малейших повреждений ни внутри, ни снаружи корпуса.

— Не может быть. Целая армия не может проникнуть в субмарину. Совершенные приборы обнаружения предупредили бы экипаж заранее. На «Старбаке» сирена способна разбудить мертвого и включается, когда кто-то пытается открыть вентиляционные заглушки или клапаны. Приблизиться к лодке может только рыба.

— Но даже современные субмарины не готовы к абордажу.

Боланд не успел ответить: помешал голос из динамика:

— Капитан?

— Говорите.

— Сэр, это безумие.

— Давай, парень, — рявкнул Боланд, — телись!

— Туман, коммандер. От воды поднимается туман и затягивает всю поверхность, как в старом кино про Франкенштейна. Никогда ничего подобного не видел. В этом есть что-то нереальное.

— Сейчас буду.

Боланд угрюмо посмотрел на Питта.

— Что скажете?

— Я бы сказал, — негромко ответил Питт, — что мы скоро встретимся с ними.

Глава 11

Туман белым толстым одеялом покрывал воду, клубясь от легкого ветра, непрозрачный, сырой, липкий и оттого угнетающий. Люди на мостике напрягали глаза, тщетно пытаясь всмотреться в кипящий туман; они боялись чего-то такого, чего нельзя увидеть, коснуться или понять. Влажный покров уже наползал на судно, и видимый свет садящегося солнца стал оранжево-серым.

Боланд утер пот со лба, бросил взгляд за окно рубки и сказал:

— Кажется, все достаточно обычно: сильно повысилась влажность.

— Кроме цвета, ничего обычного, — сказал Питт. Видимости за бортом «Марты-Энн» почти не было. — Высокая температура, время дня и ветер в три узла — вряд ли это нормальные условия для образования тумана. — Он стал рассматривать экран радара; смотрел с минуту, то и дело сверяясь с часами, словно что-то высчитывал в уме. — Ни следа движения или рассеивания: ветер ничуть не сказался на туманной массе. Сомневаюсь, что старушка мать-природа способна на такое.

Они прошли на левое крыло мостика, два силуэта на фоне своеобразного свечения тумана. Корабль слабо покачивался на мягкой тихоокеанской волне. Казалось, время перестало существовать. Питт принюхался. Вначале он не мог сообразить, но потом понял, что гонится за далеким воспоминанием.

— Эвкалипты!

— Что вы сказали? — спросил Боланд.

— Эвкалипты, — повторил Питт. — Разве вы не чувствуете?

Боланд вопросительно сощурился.

— Что-то чувствую, но не понять, что.

— Откуда вы? Где выросли? — нетерпеливо спросил Питт.

Настойчивость в голосе Питта подстегнула Боланда.

— Из Миннесоты. А что?

— Боже, я много лет этого не нюхал, — сказал Питт. — Эвкалипты часто встречаются в Южной Калифорнии. У них особенный запах, эвкалиптовое масло используют для ингаляций.

— Это не имеет смысла.

— Согласен, но невозможно отрицать, что сильно пахнет эвкалиптом.

Боланд подогнул пальцы и, не глядя на Питта, спросил:

— Что вы предлагаете?

— Говоря по-простому, я предлагаю уносить отсюда ноги.

— Точно моя мысль. — Боланд прошел в рубку и склонился к интеркому. — Машинное отделение! Как скоро мы можем сняться?

— Как только скажете, коммандер.

У голоса из недр корабля был металлический призвук.

— Немедленно! — сказал Боланд. Он повернулся к молодому вахтенному офицеру. — Лейтенант, поднять якорь!

— Поднять якорь! — мальчишеским голосом повторил лейтенант.

— Гидроакустики! Говорит коммандер Боланд. Доложите данные.

— Говорит Стенли, сэр. Все тихо. Кроме стайки рыб в ста ярдах справа по борту.

— Спросите, сколько их и какого они размера? — спросил Питт; его лицо застыло.

Боланд молча кивнул и передал запрос гидроакустикам.

— Примерно свыше двухсот, плывут на глубине три морские сажени.

— Размер, Стенли. Размер! — рявкнул Боланд.

— От пяти до семи футов длиной.

Взгляд Питта переместился с динамика на Боланда.

— Это не рыбы. Люди.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы до Боланда дошел смысл сказанного.

— Люди? — повторил он, словно запоминая. — Как они могут напасть с поверхности? У «Март-Энн» высота борта двадцать футов.

— Они это сделают. Не сомневайтесь.

— Пусть попробуют, — хрипло сказал Боланд. Он кулаком ударил по нактоузу, схватил микрофон, и Питт услышал, как его голос разносится по всему кораблю. — Лейтенант Райли, раздать экипажу оружие. Возможны незваные гости.

— Ручное оружие не поможет отбить такую армию вторжения, — сказал Питт. — Если они поднимутся на борт, нас будет пятнадцать человек против двух сотен.

— Мы их остановим! — решительно сказал Боланд.

— В худшем случае придется покинуть корабль. Надо приготовиться.

— Нет, — спокойно сказал Боланд. — Внешность обманчива, эта старая посудина — корабль ВМФ США. И я не отдам его без борьбы. Расскажите адмиралу Хантеру, что здесь произошло. Скажите…

— Сами скажете. Я не подниму вертолет без вас и экипажа.

Губы Боланда изогнулись в мрачной улыбке.

— Удачи.

— Увидимся на вертолетной площадке, — ответил Питт.

Он повернулся и вышел.

Питт сел на виниловую обивку: кресло пилота было влажным и липким. Пока он проводил предполетные проверки, туман вокруг корабля еще сгустился. Дышать стало тяжело, свет потускнел. Вне корабля ничего не было видно: море исчезло, небо исчезло, из окна кабины открывался вид только на крошечный мирок в двести квадратных футов.

Питт запустил дополнительный двигатель и нажал пусковую кнопку. Вторичный генератор протестующее застонал, а тем временем его электрические цепи заставляли турбины вертолета вращаться все быстрее, пока датчик температуры выхлопа и воющий звук не сообщили, что машина готова к взлету. Заработал двигатель ротора, и гигантские лопасти со своеобразным свистом начали поворачиваться в туманном воздухе.

Когда стрелки всех приборов заняли нормальное рабочее положение, Питт протянул руку за сиденье второго пилота и взял завернутый в полотенце маузер. Он положил оружие на колени, быстро развернул его и убедился, что приклад для стрельбы с плеча надежно прикреплен. Потом присоединил пятидесятизарядный магазин, выбрался из кабины, всмотрелся в призрачный туман и не смог ничего разглядеть. Посадочные лезвия давали удобную опору для ожидания, Питт присел возле них и наставил оружие в сумрак.

Ему пришлось ждать девяносто секунд, прежде чем над поручнями материализовались две призрачные фигуры. Они угрожающе направились к вертолету. Питт убедился, что это не члены экипажа «Марты- Энн». И маузер заговорил.

Обе полуобнаженные фигуры упали; уже знакомое оружие выпало из их рук и со звоном ударилось о стальные плиты палубы. Питт осмотрелся и только потом нагнулся и осмотрел упавших.

Они скорчившись лежали рядом, жизнь уходила из них. Зеленое, почти отсутствующее одеяние — повязка вокруг пояса — и оружие были точь-в-точь такими же, как у людей на борту «Старбака». Единственное отличие, которое он, видимо, не успел заметить раньше, — маленькая пластиковая коробка, прикрепленная у обоих под мышкой.

Но прежде чем он смог подробнее разглядеть тела, его внимание привлекла новая фигура, медленно поднявшаяся над поручнем. Питт вскинул пистолет и нажал на курок. Звук выстрела вторично утонул в гудении лопастей вертолета, и неясная фигура растворилась в тумане. Питт осторожно подошел к поручню. И сразу наткнулся на то, что искал: его рука коснулась абордажного крюка. Шесть его остриёв затянуты в пенорезину, а трос, прикрепленный к крюку, исчезает в невидимой воде внизу.

Ему стало ясно, как эти незнакомцы из моря поднимались под прикрытием тумана на борт и затопили почти сотню кораблей, сбросили в воду тысячи моряков в этом проклятом месте Тихого океана.

Мысли Питта прервал тяжелый грохот сорокапятимиллиметрового автомата, сквозь который были слышны и более резкие выстрелы из карабинов тридцатого калибра. Туман огласили крики раненых. Питт чувствовал странную отстраненность от этого боя, ожесточение которого нарастало.

Шальная пуля просвистела мимо вертолета и ушла далеко в воду.

— Черт вас побери! — закричал Питт. Достаточно одной пули в жизненно важную часть, чтобы вывести вертолет из строя.

На площадке показались три силуэта, превратившиеся в людей, глаза остекленели, по лицам струился пот.

— Не задерживайтесь! — крикнул им Питт. — Шевелитесь!

Говорил он, не поворачиваясь, продолжая смотреть в полумрак. Прошла почти минута, прежде чем на площадке показалась еще одна фигура. Молодой матрос в панике так торопился, что поскользнулся на мокрой палубе. Он неминуемо прокатился бы между двумя стойками поручня и упал бы за борт, не схвати Питт его за руку.

— Полегче, — сказал он. — Лететь домой еще долго.

— Простите, сэр, — ответил моряк. — Этих сволочей не видно: они нападают, а у тебя нет ни шанса.

Питт подтолкнул молодого человека к вертолету. На площадке появилось еще четверо. Рулевой тащил за собой Фарриса. Единственный уцелевший со «Старбака» не замечал идущего вокруг боя. Он смотрел прямо на Питта широко раскрытыми, бессмысленными глазами.

— Посадите его в кресло второго пилота и привяжите ремнями, — приказал Питт рулевому. Потом снова обратил внимание на носовую часть корабля. Приложив ладонь к левому уху, он прислушался и услышал тяжелые шаги в тумане.

— Питт, это вы? — крикнули ему.

— Сюда, — крикнул в ответ Питт. — Не делайте резких движений!

Из тумана показался лейтенант Харпер, офицер- инженер, весом почти двести пятьдесят фунтов. Через плечо он нес мальчишку, которому не могло быть больше девятнадцати. Лицо мальчишки посерело, по правой ноге текла и темно-красными каплями падала на палубу кровь. Питт ухватился за могучее плечо и помог лейтенанту подняться на вертолетную площадку.

— Сколько еще за вами?

— Мы последние.

— Где коммандер Боланд?

— Целая банда этих голых ублюдков окружила их с лейтенантом Стенли перед мостиком. — Голос Харпера звучал виновато. — Боюсь, им обоим конец.

— Посадите парня в вертолет и постарайтесь остановить кровотечение, — распорядился Питт. — И пусть люди построятся кольцом и приготовятся отстреливаться. Я в последний раз поищу раненых.

— Осторожней, сэр. Вы наш единственный пилот.

Питт не ответил. Он спрыгнул с площадки и вслепую пошел по палубе, поскальзываясь на влажных плитах; дышал он неровно, хватая воздух. В тумане показались силуэты, Питт поднял маузер и срезал их. Три человека из моря упали, как скошенные серпом. Продолжая держать оружие на спусковом крючке, Питт стрелял вперед. Нога его зацепилась за трос, и он растянулся на палубе, приподнятая головка заклепки оцарапала ему грудь. Несколько мгновений он лежал, чувствуя страшную боль в пораненной ноге. Было тихо, слишком тихо: ни криков, ни стрельбы в тумане.

Питт пополз по палубе, держась фальшборта, используя спасательные шлюпки как прикрытие. Он был уверен, что в маузере остались последние патроны. Рука его угодила во что-то влажное и липкое. Не глядя, он понял, что это. Полоска стала своеобразным указателем в темноте; он пошел вдоль нее. В некоторых местах она расширялась в лужицы. И закончилась у неподвижной фигуры лейтенанта Стенли, офицера гидроакустической службы.

Питта охватил страшный гнев, но мозг работал четко и точно. Лицо застыло в бессильной ярости: он ничем не мог помочь Стенли. Питт заставил себя пойти дальше; им двигала непонятная подсознательная убежденность в том, что Боланд еще жив. Он остановился и прислушался. И прямо перед собой услышал приглушенный стон.

Питт почти наткнулся на него, прежде чем увидел. Боланд полз на животе, волоча тело по палубе, из его плеча торчало четырехфутовое древко гарпуна. Голову он опустил, кулаки сжал; футболка на плечах и груди промокла от крови.

Он посмотрел на Питта туманным взглядом, лицо было искажено от боли.

— Вы вернулись?

— Потерял голову, — с напряженной улыбкой сказал Питт. — Соберитесь: я выдерну гарпун. — Он сунул маузер за пояс и более удобно прислонил Боланда к фальшборту, постоянно оглядываясь, не показались ли новые убийцы. Взялся за древко обеими руками. — Приготовьтесь. На счет три.

— Быстрее, садист! — велел Боланд; его глаза были полны боли.

Питт взялся крепче и сказал:

— Раз.

Поставил ногу Боланду на грудь.

— Два.

Собрался с силами и резко дернул. Красное от крови древко выскользнуло из плеча Боланда.

Боланд со стоном рухнул ничком. Потом снова оперся на переборку и остекленелыми глазами посмотрел на Питта.

— Сукин сын! — пробормотал он. — Вы не сказали «три».

Глаза его закатились, и он потерял сознание.

Питт бросил древко, с которого капала кровь, за борт и взвалил безжизненное тело Боланда на плечо. Низко пригнувшись, он побежал, быстро, насколько позволяли тяжесть его ноши и подгибающаяся нога; люки грузовых трюмов и погрузочные краны он использовал как укрытия. Дважды он замирал, отчетливо слыша в тумане шаги. Ошеломленный, теряя силы, он заставлял себя идти, зная, что, если не поднимет вертолет с палубы «Марты-Энн», погибнут еще одиннадцать человек. Дыхание, когда он добрался до вертолетной площадки, вырывалось у него болезненными толчками.

— Питт идет, — выдохнул он так громко, как позволяли измученные легкие.

Сильные руки лейтенанта Харпера сняли Боланда с плеча Питта и перетащили бесчувственного коммандера в кабину. Питт достал маузер из-за пояса, прицелился в сторону носа и стрелял, пока на палубу не вылетела последняя гильза. Тогда он поднялся в кабину и сел на место пилота, уверенный, что сделал все возможное.

Не закрепляя ремень безопасности, он осторожно начал увеличивать обороты, пока грохот вращающихся лопастей не стал очень громким, а посадочные салазки не оторвались от площадки. Вертолет поднялся в тумане на несколько футов, Питт чуть накренил его и покинул «Марту-Энн».

Отлетев от корабля, Питт не отрывал взгляда от указателя поворота и крена, пока маленький шарик не застыл в центре шкалы. «Где небо? — мысленно кричал он. — Где? Где?»

Неожиданно небо открылось. Вертолет вылетел в освещенное луной пространство. Питт набрал высоту, рев винтов перешел в вой, и машина, как летящий домой альбатрос, выровняла алюминиевый клюв и погналась за своей тенью, приближаясь к далеким зеленым пальмам Гавайских островов.

Глава 12

Генри Фуджима, последний представитель умирающей династии, был из четвертого поколения японо-гавайцев. Его отец, отец отца и отцов дед — все были рыбаками. Сорок лет в хорошую погоду Генри на самодельном сампане упрямо ловил тунца. Теперь флот сампанов, многочисленных на Гавайях на протяжении многих лет, исчез. Растущая конкуренция со стороны международных рыболовецких компаний и рыболовов-любителей сделала свое дело. И только Генри протыкал своим бамбуковым шестом верхнюю кожицу великого Тихого океана.

Он стоял на кормовой банке своего маленького суденышка, прочно упираясь босыми ступнями в древесину, за много лет выпачканную тоннами пойманной рыбы. Забросив удочку в утренние волны, он думал о днях, когда рыбачил с отцом, с тоской вспоминал угольный запах японской жаровни-хибачи и смех, с которым бутылки передавали от сампана к сампану: лодки на ночь останавливали и привязывали. Он закрыл глаза и увидел лица давно умерших людей, услышал навеки умолкнувшие голоса. А когда открыл, увидел пятнышко на горизонте.

Он смотрел, как пятнышко растет и превращается в корабль, большое старое корыто, идущее по морю. Генри никогда не видел, чтобы старое торговое судно резало волны так быстро. Судя по белой пене, доставашей до иллюминаторов, скорость корабля приближалась к двадцати пяти узлам. И тут он замер.

Судно шло прямо на Генри. Он привязал рубашку к рыбацкому шесту и принялся лихорадочно размахивать им. И в ужасе наблюдал, как над ним вырастает корпус, словно чудовище, готовое проглотить муху. Он кричал, но никто не показывался за высоким фальшбортом; мостик был пуст. Беспомощный и ошеломленный, Генри застыл. Большой, изъеденный ржавчиной корпус ударил по его сампану и превратил суденышко в груду деревянных обломков.

Генри барахтался под водой, обросшие ракушками плиты изрезали ему руки, винты взбивали воду, и только ценой отчаянных усилий Генри удалось увернуться от их страшных лопастей. Вынырнув, он глотал воздух среди волн, поднятых судном. Но ему удалось держать голову над водой, медленно перебирая ногами и стирая соленые брызги с глаз; кровь текла из изрезанных рук.

Было уже десять утра, когда Питт оказался в своем номере. Он устал, и когда закрывал глаза, их жгло. Он слегка прихрамывал, левую ногу ему заново перевязали, но, кроме того, что тело затекло, он ничего не чувствовал. И больше всего на свете ему хотелось лечь в постель и забыть о последних двадцати четырех часах.

Он не подчинился приказу и не высадил экипаж «Марты-Энн» ни в Перл-Харборе, ни на военном аэродроме Хикам-Филд. Вместо этого он аккуратно посадил вертолет на лужайку в двухстах ярдах от входа в

отделение скорой помощи военного госпиталя «Три- плер», огромного бетонного здания на холме над южным берегом Оаху. И дождался, пока Боланда и молодого раненого моряка отвезут в операционную и начнут операции. Только тогда он позволил военному врачу зашить разрезы на ноге. Затем незаметно исчез через боковой выход, остановил такси и мирно продремал всю дорогу до пляжа Вайкики.

Но проспал в мирном покое своей постели не больше получаса: кто-то заколотил в дверь. Вначале стук казался далеким эхом за пределами сознания, и Питт старался не обращать на него внимания. Потом встал, с трудом добрался до двери и открыл.

В страшно испуганной женщине есть необычная красота, как будто некий животный инстинкт делает ее особенно живой. На ней было короткое платье-рубашка муумуу, вышитое красными и желтыми цветами и едва доходящее до бедер. Карие глаза, глядевшие на Питта, были круглые, темные и полны страха.

Несколько мгновений Питт стоял не шевелясь, потом сделал шаг в сторону и пропустил ее. Адриана Хантер вошла в его номер, обернулась и бросилась ему в объятия. Она дрожала и дышала прерывисто и со всхлипом.

Питт крепко обнял ее.

— Адриана, ради Бога.

— Его убили, — всхлипнула она.

Питт отстранил ее на расстояние вытянутой руки и посмотрел в опухшие от слез глаза.

— Ты о чем?

Из нее посыпались слова.

— Я лежала в постели с... с другом. Они влезли через окно террасы, втроем, очень тихо... Мы поняли, что они в комнате, когда было уже поздно.

Он пытался сопротивляться, но они принесли с собой странные пистолеты... бесшумные. Господи, они стреляли в него дюжину раз. Его кровь была повсюду. Ужас.

Она дрожала. Питт подвел ее к дивану, продолжая крепко держать.

— Я закричала, убежала в туалет и закрылась, — продолжала Адриана. — Они смеялись, стояли за дверью и смеялись. Они решили, что я в ловушке, но туалет был с двумя входами. Второй — из гостевой спальни. Я схватила с крючка халат и убежала через окно гостевой спальни. Не

хотела идти в полицию. Боялась. Хотела позвонить папе, но в его кабинете сказали, что с ним нельзя связаться. К тому времени я уже была в панике. Мне некуда было идти, не к кому обратиться, и я пришла сюда.

Адриана ладонью вытерла глаза. Стояла она против света, и Питт видел, что под муумуу на ней ничего нет.

— Это кошмар, — прошептала она. — Кошмар, мерзость, ужас. За что они его убили? За что?

— Сначала самое необходимое, — мягко сказал он. — Иди в ванную и умойся. Твои тени для век — на подбородке. Потом расскажешь, кого они убили.

Она отодвинулась.

— Не могу.

— Не глупи! — прикрикнул он. — У тебя в квартире труп. Как ты думаешь, долго это будет тайной?

— Не... не знаю.

— Думаю, полиция Гонолулу за двадцать минут установит его личность. Зачем приносить себя в жертву? Он что, местная знаменитость, женат, есть дети?

— Хуже. Он друг моего отца.

Взгляд у нее был умоляющий.

— Назови имя, — потребовал он.

— Капитан Орл Сайнана, — медленно сказала Адриана. — Офицер, папин подчиненный.

У Питта хватило здравого смысла не обнаруживать свое удивление. Дело обстояло хуже, чем он думал. Он показал на ванную и коротко сказал:

— Иди.

Адриана послушно пошла, у двери обернулась, беспомощно улыбнулась и исчезла внутри. Как только Питт услышал плеск воды в раковине, он взял телефон. Ему повезло больше, чем Адриане. После пятисекундного разговора с оператором 101-го отделения послышался голос Хантера.

— Почему сразу не явились ко мне? — с ходу начал Хантер.

— Я устал, адмирал, — ответил Питт. — Я был бы для вас бесполезен, пока не переоденусь и не просплю пару часов. Что благодаря вашей дочери сейчас невозможно.

Когда Хантер заговорил снова, голос у него был другой.

— Моей дочери? Адрианы? Она с вами?

— В ее квартире мертвец. Она не могла дозвониться до вас, поэтому явилась ко мне.

Две секунды Хантер молчал. Потом снова заговорил — энергичнее, чем всегда:

— Сообщите подробности.

— Судя по тому немногому, что я смог из нее вытянуть, наши друзья из Водоворота вошли с террасы и застрелили ее приятеля. Адриана убежала через туалет с двумя выходами.

— Она ранена?

— Нет.

— Вероятно, полиция уже знает?

— К счастью, она не стала звонить в полицию. Насколько мне известно, жертва все еще пачкает кровью ее ковер.

— Слава богу. Я немедленно отправляю туда нашу службу безопасности. — Питт слышал, как Хантер отдает приказы по другой линии. И без труда представил, что все, кто слышал адмирала, метались, как испуганные кролики. Хантер снова заговорил с ним: — Она назвала жертву?

Питт перевел дыхание.

— Капитан Орл Сайнана.

Тут Хантер показал высокий класс. Этого у него нельзя было отнять. Потрясенное молчание длилось лишь долю секунды.

— Сколько времени вам и Адриане потребуется, чтобы добраться сюда?

— Не меньше получаса. Моя машина еще на пристани в Гонолулу. Придется брать такси.

— Лучше оставайтесь на месте. Похоже, эти убийцы вездесущи. Я немедленно пошлю вам охрану.

— Хорошо, мы будем тихо ждать.

— Еще одно. Давно ли вы знакомы с моей дочерью?

— Чистое совпадение, сэр. Мы случайно оказались на одном приеме через несколько часов после того, как я принес вам капсулу со

«Старбака». — Он отчаянно старался говорить небрежно. — Она услышала, что я упоминаю ваше имя, и представилась. — Питт знал, о чем думает Хантер, поэтому опередил его. — Наверное, в том разговоре я упомянул, что остановился в «Маона-Тауэрс». Должно быть, она в панике вспомнила и пришла сюда.

— Не понимаю, как Адриана умудряется так портить себе жизнь, — сказал Хантер. — Она ведь на самом деле очень приличная девушка.

Питт промолчал. Как сказать отцу, что его дочь сексуальная маньячка, которая восемнадцать часов из двадцати четырех в сутки или пьет, или трахается?

— Мы отправимся в Перл, как только прибудет охрана, — вот все, что придумал Питт. Потом повесил трубку и налил себе виски. Вкус был как у средства для очистки раковин.

Люди явились через десять минут, но не для того, чтобы проводить их в штаб адмирала Хантера в Перл- Харборе, а чтобы похитить Адриану и убить Питта. Внимание Питта было поделено между Адрианой, мирно, как младенец, свернувшейся на диване, и входной дверью. Питт почувствовал, что кожа на затылке у него напрягается так, что вот-вот лопнет, но взять телефон не успел.

Они на веревках спустились с крыши, всего пятеро, и через балкон неслышно вошли в спальню Питта, нацелив знакомые компактные пистолеты не в сердце Питту, а в голову Адриане, в ее беззаботный спящий мозг.

— Шелохнетесь — и она умрет, — сказал человек в середине, великан с горящими золотыми глазами.

В эти первые несколько секунд шока Питт сознавал только, что ничего не чувствует, как будто полная неожиданность происходящего лишила его возможности думать и переживать. Но потом пришло горькое осознание того, что этот массивный человек, стоящий перед ним, целую неделю манипулирует его судьбой. Этот человек с глубоко посаженными желтыми глазами преследовал его в снах и кошмарах, этот человек много лет назад открыл в архивах музея Бишопа тайну острова Каноли.

Огромный человек подошел ближе. Он выглядел чересчур молодо для того, кому должно быть под семьдесят. Старение не сморщило его кожу и не ослабило мышцы. Одет великан был очень условно, как обычный пляжник, — в плавки; через плечо переброшено гостиничное полотенце; остальные в обычных уличных костюмах. Длинное худое лицо этого человека обрамляли густые, непричесанные светлые волосы.

Великан подошел и с высоты своих шести футов восьми дюймов улыбнулся с дружелюбием барракуды.

— Дирк Питт из Национального агентства подводных и морских работ. — Голос был спокойный и низкий, без тени злобы или угрозы. — Для меня это честь. Я годами с интересом следил за вашими приключениями и временами даже забавлялся.

— Я польщен тем, что вы находите меня забавным.

— Слышу храбреца. Меньшего я и не ожидал.

Великан кивнул своим людям. Те прижали Питта

к креслу раньше, чем он понял, что происходит.

— Прошу прощения за доставленные неудобства, мистер Питт. Грязная игра, неприятная, как все грязные игры, но, к сожалению, необходимая. Вам не повезло: я включил вас в свои планы. Я намеревался использовать вас исключительно как посыльного, но не предвидел, что вы так глубоко увязнете в этом деле.

— Отлично поставленная сцена, — медленно сказал Питт. — И долго вы манипулировали мной, добиваясь, чтобы я обнаружил капсулу со «Старбака»? И почему именно я? Десятилетний мальчишка мог бы подобрать капсулу на пляже и отнести адмиралу.

— Значимость, майор. Влияние. Авторитет и правдоподобие. У вас влиятельные родственники и друзья в Вашингтоне, а ваше досье в Национальном агентстве впечатляет. Я понимал, что возникнут сомнения в подлинности послания, и потому рассчитывал на вашу репутацию, чтобы придать сообщению значимость и правдоподобие. — Он чуть улыбнулся и взъерошил косматую копну волос. — Но выбор, к сожалению, оказался неудачным. Как выяснилось, именно вы убедили адмирала Хантера, что послание коммандера Дюпре — подделка.

— К сожалению, — саркастически сказал Питт. Он решил кое-что проверить. — От вашего информатора ничего не ускользнуло.

— Да, временами он проявлял завидное усердие.

Наступило долгое молчание. Питт повернулся и

посмотрел на Адриану. Она по-прежнему спокойно лежала на диване, свернувшись калачиком. Везет ей, подумал Питт, проспит всю эту отвратительную сцену. Он снова перенес внимание на великана.

— Мне кажется, вы не потрудились представиться.

— Это неважно. Мое имя вам ничего не скажет.

— Если мне предстоит умереть, справедливо было бы просветить меня, от чьей руки.

Рослый человек несколько секунд постоял в нерешительности, потом тяжело кивнул.

— Дельфи, — просто сказал он.

— И все?

— Этого достаточно.

— Вы не похожи на грека.

Руки Питта были заведены за спинку стула и прочно связаны; два человека держали на прицеле Адриану. Другие двое закончили связывать Питта и отступили. За исключением Дельфи, все они выглядели совершенно обычными: средний рост и вес, загорелая кожа, обычные брюки и рубашки-гавайки. Лица бесстрастные; они без сомнений полностью подчинялись Дельфи. Питт не сомневался, что они убьют по приказу.

— Вы создали безжалостную и успешно действующую организацию. Сотворили одну из величайших загадок нашего века. Тысячи моряков погибли от ваших рук. Ради чего?

— Простите, мистер Питт. Это не пьеса, в которой злодей объясняет все, прежде чем расправиться с героем. Ни драматизма, ни затянутой кульминации, ни будоражащего раскрытия ненужных тайн. Напрасная трата времени объяснять мои намерения человеку с меньшим уровнем интеллекта, чем у Ловеллы или Роблмена.

— Как вы собираетесь это сделать?

— Несчастный случай. Вы же любите воду? От нее и умрете. Утонете в своей ванне.

— Разве это не будет выглядеть нелепо?

— Вовсе нет. Все будет убедительно. Полиция просто предположит, что вы брились электробритвой, принимая ванну. Несомненная глупость. Бритва выпала у вас из руки и упала в воду. Напряжения хватит, чтобы вы отключились; ваша голова окажется под водой, и вы утонете. Следователи придут к выводу, что это несчастный случай. А почему бы и нет? Ваше имя появится в колонке некрологов в газетах, и со временем Дирк Питт станет для родственников далеким воспоминанием.

— Откровенно говоря, удивительно, что я стою таких усилий.

— Достойный конец для человека, который слишком близко подошел к уничтожению гениально задуманного предприятия, осуществлявшегося больше тридцати лет.

— Избавьте меня от вашей похвальбы, — проворчал Питт. — А как же Адриана? Забавно будет, если мы оба утонем, бреясь в ванной.

— Не переживайте. Мисс Хантер не причинят вреда. Я возьму ее в заложницы. Адмирал Хантер хорошенько подумает, прежде чем продолжить поиски Тихоокеанского Водоворота.

— Хантера это остановит от силы на две минуты. Для него долг выше семьи. Вы зря теряете время. Отпустите ее.

— Я человек дисциплинированный, — сказал Дельфи. — И никогда не отступаю от плана. Мои цели элементарны. Я просто хочу свободы от разрушительных замыслов коммунистических стран и империалистических поползновений Соединенных Штатов. Вместе они уничтожат цивилизацию. А я намерен выжить.

Время, думал Питт. Нужно, чтобы великан продолжал говорить. Еще несколько минут, и явятся люди Хантера. Сейчас его единственное оружие — разговор.

— Вы сумасшедший, — холодно сказал Питт. — Вы десятки лет занимались убийствами во имя выживания. Избавьте меня от расхожих фраз о коммунистах и империалистах. Вы всего-навсего анахронизм, Дельфи. Люди вашего типа вышли из моды вместе с Карлом Марксом, бриолином и антеннами на автомобилях. Вас похоронили полвека назад, а вы и не подозреваете об этом.

Спокойствие Дельфи дало трещины; кожа обтянула скулы, но великан сразу совладал с чувствами.

— Философия, отвлечь которой можно лишь невежу, майор. Через несколько минут вы перестанете мне мешать.

Он кивнул. Один из его людей прошел в ванную и пустил воду. Питт попытался пошевелить руками. Хотя его запястья несколько раз обмотали веревкой, но не туго, чтобы не оставлять красноречивых следов.

И вдруг Питту показалось, что чувства его обманывают: его начал окутывать сладкий аромат красного жасмина. Невозможно... однако он знал, что она здесь. Саммер в комнате.

Дельфи молча показал на Адриану, и тот, что связывал руки Питту, достал из кармана коробочку, вставил в шприц иглу, приподнял край платья Адрианы и бесцеремонно вонзил иглу в круглую ягодицу. Девушка слегка шевельнулась, вздохнула, нахмурилась и через несколько секунд погрузилась в сон, граничащий с бесчувствием. Помощник Дельфи быстро убрал шприц в карман, поднял Адриану на руки и остановился в ожидании приказа хозяина.

— Боюсь, мы расстаемся, — сказал Дельфи.

— Уходите до начала главных событий?

— Дальнейшее меня мало интересует.

— Вам не вынести ее из здания.

— У нас в подвальном гараже машина, — самодовольно сказал Дельфи.

Он подошел к двери, приоткрыл ее и выглянул в щелку. Когда он уже выходил, Питт крикнул:

— Еще один вопрос, Дельфи!

Великан помешкался, остановился и повернулся к Питту.

— Кто такая девушка, которая называла себя Саммер?

Дельфи зло улыбнулся.

— Моя дочь. — Он помахал рукой. — Прощайте, майор.

Питт в отчаянии предпринял последнюю попытку.

— Передайте привет банде на Каноли.

Взгляд Дельфи посуровел. В нем на миг промелькнуло сомнение, но быстро исчезло.

— Прощайте, — повторил Дельфи и, как тень, выскользнул в коридор.

Питт не сумел задержать его и предотвратить похищение Адрианы. Он пришел в отчаяние. Человек из ванной вышел, кивнул и снова исчез. Второй охранник положил оружие на стул и подошел к Питту, его круглое лицо с самыми заурядными чертами таило мрачную, садистскую угрозу.

Питт видел удар, но не успел увернуться, только наклонил голову. Кулак охранника скользнул по его черепу и сбросил Питта со стула на пол у балконной занавески.

Тьма грозила затопить сознание, но Питт отогнал ее и с трудом попытался встать. Он смутно видел охранника: тот склонился над ковром, одной рукой зажимая поврежденное запястье, — и услышал вой раненого зверя. Ублюдок сломал запястье, подумал Питт и мрачно улыбнулся: боль от удара по голове не шла ни в какое сравнение со сломанной костью.

Питт стоял неподвижно. И тут его руки коснулась рука из-за шторы. Он ощутил дергания вперед и назад: кто-то резал веревку, стягивавшую ему запястья. Аромат красного жасмина окутал его, как теплая ос-

вобождающая волна. Через мгновение веревка была перерезана, и в правую ладонь Питта осторожно вложили маленький обоюдоострый нож. Питт не смел прикоснуться к ней, отдернуть штору, за которой она пряталась. Напротив, он крепче сжал нож и стал разминать руки, чтобы восстановить кровоток.

Охранник перестал выть и пополз по ковру к Питту. Его напарник в ванной продолжал заниматься своим делом; из-за плеска воды он ничего не слышал. Охранник опустил поврежденное запястье на колени, другой рукой потянулся к стулу и схватил пистолет; описав им короткую дугу, он прицелился в грудь Питту, забыв от боли и ненависти приказ Дельфи устроить «несчастный случай».

Питт покрылся испариной. Охранник был слишком далеко, чтобы что-либо предпринять: пуля разорвала бы торс Питта прежде, чем он преодолел бы хоть половину расстояния. Охранник мучительно долго целился в Питта. Потом начал приближаться, подползая на коленях, по полфута за раз, сужая зазор до пяти футов. По-прежнему оставаясь слишком далеко.

Питт испытывал адовы муки. Три фута — нужно, чтобы расстояние между ними было три фута, тогда можно будет надеяться первым пустить кровь. Расстояние вытянутой руки. Нужно расстояние вытянутой руки, говорил он себе, измеряя взглядом пространство.

Охранник подполз ближе. Он продолжал целиться Питту в грудь, время от времени наставляя ствол ему в лоб. А один раз усмехнулся и прицелился в гениталии.

Терпение, снова и снова твердил себе Питт. Терпение. Он мысленно повторял два самых важных слова английского языка: терпеть и надеяться. Может быть, еще все получится: охранник почти на нужном расстоянии. Для пущей уверенности Питт напряженно ждал еще несколько секунд. Если поспешить, можно не успеть оттолкнуть от себя пистолет, а Питт не сомневался, что при малейшем контакте охранник нажмет на спуск. Единственная его надежда на успех — в неожиданности. Он по-прежнему держал развязанные руки за спиной, заставляя охранника поверить в то, что убить его легко. Надо ему подыграть. Питт еще ниже опустил подбородок и заставил глаза округлиться в притворном ужасе.

А потом прыгнул. Левой рукой отвел вверх руку охранника с пистолетом, не обращая внимания на просвистевшую у плеча пулю, и одновременно его правая рука описала короткую дугу, и острое лезвие рассекло горло противника до самой гортани. Страшный хрип вырвался из распоротого горла, на грудь охраннику, на руку Питта и на ковер полилась кровь. В глазах охранника появилось изумление, и они закатились под лоб, тело судорожно дернулось, и он упал.

Мгновение Питт сидел, не сводя глаз с мертвого охранника. Потом поднял с пола пистолет и неслышно направился к ванной. Он слышал жужжание электрической бритвы: второй охранник готовил орудие казни. Ванна наполнилась и ждала. Питт не отрывал взгляда от двери в ванную, неслышно подкрадываясь к ней.

Неожиданно в дверь позвонили. Питт вздрогнул от неожиданности и замер, охранник выбежал изванной и тоже застыл, увидев мертвого товарища на полу. Потом повернулся и недоуменно посмотрел на Питта.

— Брось оружие и замри, — резко сказал Питт.

Палач Дельфи стоял неподвижно и смотрел на оружие в руке Питта. Звонок прозвенел снова. Охранник прыгнул в сторону и вскинул пистолет, собираясь выстрелить. Питт прострелил ему сердце.

Он остался стоять, устремив на Питта ошеломленный пустой взгляд. Потом руки разжались, пистолет упал на ковер, и охранник медленно опустился на колени, потом на бок и скрючился на полу в позе зародыша.

Питт стоял неподвижно, слушая лихорадочный стук в дверь, не отрывая взгляда от трупов на полу. Четыре стены комнаты словно сомкнулись вокруг него. Чего-то не хватало. Его мозг отказывался работать: последние несколько минут повергли его в смятение и оцепенение. Здесь должен быть кто-то еще...

Саммер!

Питт отдернул занавеску, закрывавшую балкон, и увидел только стену за ней. Он лихорадочно принялся обыскивать комнату, окликая Саммер по имени. Она не отвечала. Балкон, подумал он. Должно быть, она вслед за Дельфи и его людьми спустилась с крыши. Балкон был пуст, но к перилам привязана веревка, она спускалась на террасу номера внизу. Саммер ушла так же, как в прошлый раз.

И тут Питт увидел на одном из мягких кресел маленький цветок. Изящный цветок местного жасмина, изысканные белые лепестки изнутри чуть окрашены желтым. Он поднял цветок, разглядывая его, как редкую бабочку. Дочь Дельфи, думал он про себя. Но как это возможно?

Он все еще стоял на балконе с цветком в одной руке и пистолетом в другой, глядя на волнующийся ярко-голубой океан, когда в номер ворвались люди из службы безопасности Хантера.

Глава 13

— Мистер Питг. — Привлекательная молодая женщина из волонтерской службы говорила неуверенно. — Адмирал ждет вас. И кстати... — сказала она, опустив глаза, — мы все ужасно гордимся тем, что вы сделали на «Марте-Энн»...

— Как адмирал воспринял похищение дочери?

Питт вовсе не хотел, чтобы его вопрос прозвучал

резко.

— Старика так просто не сломишь, — ответила она.

— Он в своем кабинете?

— Нет, сэр. Все ждут вас в конференц-зале. — Она встала и вышла из-за стола. — Сюда, пожалуйста.

Он прошел за ней по коридору; девушка остановилась у двери справа, постучала, приоткрыла, назвала его имя и неслышно закрыла за ним дверь.

В комнате было четыре человека. Двоих он знал, двоих нет. Адмирал Хантер вышел вперед и пожал ему руку. Он казался гораздо старше, чем четыре дня назад, когда Питт впервые его увидел. Старше и более усталым.

— Слава Богу, вы не пострадали, — тепло сказал Хантер, удивив Питта искренностью тона. — Как ваша нога?

— Нормально, — коротко ответил Питт. Он посмотрел старику в глаза. — Мне жаль, что так вышло с капитаном Сайнаной... и с Адрианой. Виноват только я. Надо было быть бдительней.

— Вздор, — ответил Хантер с натянутой улыбкой. — Вы уничтожили двоих ублюдков. Небось, схватка была еще та.

Питт не успел ответить: подошел Денвер и похлопал его по спине.

— Рад вас видеть. Ужасно выглядите.

— Просто очень устал, наверно. У меня страдальческий вид, потому что за двадцать четыре часа я спал тридцать минут.

— Прошу простить, — сказал Хантер, — но сейчас не до сна. Если не сумеем поднять «Старбак» быстро, можно будет списать лодку. — В морщинах возле глаз Хантера явственно отражалось страшное напряжение, в котором он жил. — Хотя мы должны поблагодарить вас за то немногое время, что есть в нашем распоряжении. Затопить носовой торпедный отсек — гениальное решение.

Питт улыбнулся.

— Рулевой «Марты-Энн» был уверен, что мы с ним будем платить за ущерб из нашего жалованья до самой смерти.

Хантер позволил себе намек на зачаток кривой улыбки в углу рта.

— Входите и садитесь. Но позвольте вначале познакомить вас с доктором Элмером Крайслером, главой исследовательского отдела госпиталя «Триплет».

Питт обменялся рукопожатием с низкорослым маленьким человеком. Пальцы у того оказались как клещи. Голова бритая, за уши зацеплены дужки огромных очков в роговой оправе. За толстыми стеклами карие птичьи глаза, но улыбка широкая и искренняя.

— И с доктором Раймундом Йорком, главой отдела морской геологии Итонской океанографической школы.

Йорк совсем не походил на геолога, скорее на водителя-дальнобойщика или лесоруба. Рослый, выше шести футов, и широкоплечий. Он улыбнулся, сверкнув прекрасными, белыми, ровными зубами.

Руку Питта сжали пять сильных, больших пальцев. Таких он никогда еще не видел.

Хантер усадил Питта и сказал:

— Хотим послушать ваш рассказ о потере «Марты-Энн» и нападении на ваш номер в отеле.

Питт расслабился и постарался настроиться на изложение событий и возможных перспектив в правильной последовательности. Он знал, что за ним наблюдают, внимательно выслушивая каждую мелочь, какую он мог извлечь из памяти.

Денвер кивнул.

— Не торопитесь и простите нас, если мы время от времени будем задавать вопросы.

Питт негромко начал:

— Полагаю, все началось с того, что мы обнаружили неожиданное поднятие морского дна, не отраженное на картах.

И рассказал все. Ученые делали заметки, а Денвер следил за пленочным магнитофоном. Изредка кто-нибудь из сидящих за столом перебивал его и задавал вопрос, на который Питт отвечал как можно подробнее. Единственное его умолчание касалось Саммер; он солгал, сказав, что зажал нож в руке раньше, чем люди Дельфи связали его.

Хантер снял целлофан с пачки сигарет и бросил в пепельницу.

— Что скажете об этом Дельфи? До сих пор вербальный контакт майора Питта с этим типом — единственный контакт с кем-либо, связанным с Водоворотом. Если только Дельфи действительно с ним связан.

Доктор Крайслер подался вперед через стол.

— Можете подробно описать этого человека?

— Примерно шесть футов восемь дюймов, — ответил Питт. — Прекрасно сложен для своего роста; сколько весит такой высокий человек, не скажу. Морщинистое лицо с резкими чертами, седеющие волосы и, конечно, самая поразительная черта — желтые глаза.

Крайслер поднял брови.

— Желтые?

— Да, почти золотые.

— Это невозможно, — сказал Крайслер. — У альбиноса могут быть розовые глаза с легким оранжевым оттенком. При некоторых типах болезней цвет глаз меняется на серовато-желтый. Но цвета яркого золота? Невозможно. Радужная оболочка просто не содержит нужный для этого пигмент.

Доктор Йорк достал из кармана трубку и принялся вертеть ее в руках.

— Самое странное в вашем рассказе — человек с желтыми глазами. Дело в том, что такой человек действительно существовал.

— Оракул Физического Единства, — негромко сказал Крайслер. — Конечно. Доктор Фредерик Моран.

— Не помню такого имени, — сказал Хантер.

— Фредерик Моран — один из величайших антропологов столетия. Он отстаивал теорию, гласившую, что человеческий мозг станет решающим фактором в постепенном исчезновении человечества.

Йорк кивнул.

— Умный, но эгоцентричный человек. Исчез в море почти тридцать лет назад.

— Дельфийский оракул, — сказал Питт, ни к кому в частности не обращаясь.

Денвер немедленно уловил связь.

— Конечно. Дельфи — место оракула в древней Греции.

— Быть не может, — сказал Крайслер. — Этот человек мертв?

— Мертв ли? — спросил Питт. — Может, он отыскал свой остров Каноли.

— Похоже на гавайскую Шангри-Ла, — сказал ' Хантер.

— Может, так и есть, — заметил Питт.

Он вкратце пересказал содержание разговора с

Джорджем Папаалоа из Музея Бишопа.

— Мне трудно поверить, что такая крупная фигура, как доктор Моран, — сказал Йорк, — может просто исчезнуть на три десятилетия и неожиданно объявиться, убийцей и похитителем.

— Сказал ли этот Дельфи еще что-нибудь, что могло бы связать его с доктором Мораном? — спросил Крайслер.

Питт улыбнулся.

— Он заявил, что мой интеллект намного слабее, чем у Лавеллы и Роблмана, кто бы это ни были.

Крайслер и Йорк переглянулись.

— Очень странно, — повторил Йорк. — Лавелла был физиком-гидрологом.

— А Роблман — знаменитый хирург. — Глаза

Крайслера неожиданно округлились; он неотрывно смотрел в глаза Питту. — Перед смертью Роблман экспериментировал с механическими жабрами, которые позволили бы человеку усваивать кислород из воды.

Крайслер молча подошел к холодильнику в углу комнаты. Наполнил бумажный стаканчик (стеклянная бутылка отозвалась глухим бульканьем), вернулся к столу, выпил воду и только тогда продолжил:

— Как, вероятно, все мы знаем, важнейшая функция дыхательной системы — обеспечить организм необходимым кислородом и удалить углекислый газ. У животных и человека легкие свободно размещены в груди; они расширяются и сжимаются с помощью диафрагмы и давления воздуха. Попав в легкие, воздух проникает через ткань стенок в кровь. С другой стороны, рыба получает кислород и удаляет двуокись углерода через мягкие, насыщенные сосудами ткани, которые состоят из множества тончайших лепестков. Приспособление, которое предположительно разработал Роблман, представляло собой

комбинацию жабр и легких, оно прикреплялось к груди и через соединительные линии могло поставлять кислород.

— Звучит неправдоподобно, — сказал Хантер.

— Да, неправдоподобно, — согласился Питт. — Но объясняет, почему ни у кого из тех, кто взял на абордаж «Марту-Энн», не было с собой акваланга.

— Такой механизм, — добавил Крайслер, — вряд ли позволит человеку оставаться под водой больше получаса.

Денвер удивленно покачал головой.

— Может показаться, что полчаса — это немного, но насколько такой прибор лучше громоздкого оборудования, которым мы пользуемся сегодня!

— Джентльмены, а вы не знаете, что сталось с Лавеллой и Роблманом? — спросил Хантер.

Крайслер пожал плечами.

— Они умерли много лет назад.

Хантер взял микрофон.

— База данных? Адмирал Хантер. Мне нужны подробности смерти двух ученых, Лавеллы и Роблмана. Как только отыщете, немедленно передайте. Что ж, начало положено. Доктор Йорк, что скажете о геологии моря в районе Водоворота?

Йорк открыл чемоданчик и разложил перед собой на столе несколько карт.

— Расспросив уцелевших гидроакустиков с «Марты-Энн» и коммандера Боланда в госпитале и выслушав замечания Питта, я вынужден сделать только один вывод. Водоворот не что иное, как не обнаруженная ранее подводная гора.

— Возможно ли, чтобы ее до сих пор не обнаружили? — спросил Денвер.

— В этом нет ничего необычного, — ответил Йорк, — если вспомнить, что и на суше новые горы отыскивали вплоть до 1940-х годов, а девяносто восемь процентов океанского дна еще не нанесены на карты подробно.

— Такие горы по большей части — остатки подводных вулканов? — продолжал расспросы Питт.

Йорк набил трубку табаком из кисета.

— Морскую гору можно определить как изолированное поднятие морского дна, округлых очертаний, с крутыми склонами и относительно небольшой по площади вершиной. Отвечая на ваш вопрос — да, по большей части подводные горы имеют вулканическое происхождение. Однако, пока нет результатов научного обследования, я должен предложить другой подход. — Он помолчал, чтобы примять табак и раскурить трубку. — Если предположить, что миф о Каноли основан на реальности и что остров и его жители действительно ушли под воду во время катастрофы, придется обдумать другую теорию: гора изначально возвышалась над поверхностью и утонула из-за разлома, а не из-за извержения.

— Иными словами, в результате землетрясения, — сказал Денвер.

— Более или менее, — ответил Йорк. — Разлом — это трещина в земной коре. Как вы можете видеть на картах, эта конкретная подводная вершина находится в районе зоны Фуллертоновского разлома. Вполне возможно, что геологическая активность привела к подъему на несколько сотен футов, и вершина горы на несколько тысяч лет оказалась над водой, а потом за несколько дней снова ушла под поверхность. — Он сидел лицом к окну, но видел процесс уничтожения, шаг за шагом. — Сообщение мистера Питта о подъеме морского дна и более низкой температуре воды у вершины подтверждает теорию разлома. Холодная вода из трещин в морском дне часто поднимается на тысячи футов к поверхности, а это, в свою очередь, объясняет отсутствие кораллов: кораллы не растут при температуре воды ниже 21 градуса.

Хантер несколько мгновений задумчиво смотрел на карты, потом заговорил:

— Поскольку люди, захватившие «Марту-Энн», должны были откуда-то прийти, могли они прийти с подводной вершины?

— Не понимаю, — ответил Йорк.

— На радаре «Марты-Энн» ничего не было видно. Это исключает другой корабль в этом районе. Если не считать затонувших кораблей, сонар ничего не показал, а это исключает присутствие другой подводной лодки. Остаются две возможности. Они пришли либо из искусственного подводного помещения, либо изнутри подводной вершины.

— Я бы вычеркнул подводное помещение, — заметил Питт. — На нас напали почти двести человек. Необходимо огромное сооружение, чтобы вместить такое количество людей под водой.

— Остается подводная вершина, — сказал Хантер.

Крайслер подпер подбородок руками и посмотрел

на Питта.

— Кажется, майор, вы сказали, что почувствовали запах эвкалипта, когда туман окутал ваше судно?

— Да, сэр, это верно.

— Странно, чрезвычайно странно, — пробормотал Крайслер. Он повернулся к Хантеру. — Как ни невероятно это звучит, адмирал, ваше предположение о подводной вершине вполне здраво.

— Как это?

— В Австралии на протяжении многих лет эвкалиптовое масло используется для очистки воздуха в шахтах. Известно также, что оно уменьшает влажность в замкнутых пространствах.

Зазвенел телефон; Хантер взял трубку, но ничего не сказал, только слушал. И когда положил трубку на рычаги, на его лице появилось довольное выражение.

— Доктора Лавелла и Роблман исчезли в море, плывя на борту исследовательского судна «Эксплорер». Судно выполняло чартерный рейс для «Металлургической компании «Рыбы» и должно было исследовать геологию морского дна в поисках перспективных месторождений. В последний раз «Эксплорер» видели к северу от Гавайских островов примерно...

— Тридцать лет назад, — закончил Денвер. Он взглянул на листок бумаги, который держал в руках.

— «Эксплорер» — первое судно, пропавшее в районе Водоворота.

— Ставлю десять центов против пончика, что Фредерик Моран был на том же судне, — сказал Питт.

— Скорее всего, как руководитель экспедиции, — сказал Крайслер.

— Кое-что начинает проясняться, — произнес Йорк. — Да, клянусь богом, все совпадает. — Он откинулся на спинку кресла и задумчиво посмотрел в потолок. — Многие острова, на которых жили тихоокеанские туземцы, буквально изрыты пещерами. Их использовали прежде всего в религиозных целях — склепы, храмы, капища и тому подобное. Но, если вершина горы Водоворота была вулканом и исчезла при извержении, ясно, что от туземной цивилизации не осталось бы и следа. А вот если остров опустился под поверхность вследствие подвижек Фуллертоновского разлома, то, вероятно, сохранилось много пещер.

— К чему вы клоните? — нетерпеливо спросил Хантер.

— Специальностью доктора Лавеллы была гидрология. А гидрология, господа, это наука, изучающая круговорот воды на суше, в воздухе и под землей. Короче, доктор Лавелла был первым из гидрологов, кто сумел бы осушить уцелевшую систему пещер под водой.

Усталые глаза Хантера обратились к доктору Йорку, но тот больше ничего не сказал. Хантер постучал костяшками пальцев по столу и встал.

— Доктор Йорк, доктор Крайслер, вы нам очень помогли. Флот в долгу перед вами... А теперь, если вы нас извините...

Штатские пожали всем руки, попрощались и вышли. Питт встал и медленно подошел к большой карте, висевшей в другом углу большой комнаты.

Денвер раскинулся в кресле.

— Ну, теперь мы по крайней мере знаем, кто против нас.

— Сомневаюсь, — негромко сказал Питт, глядя на красный кружок в центре карты. — Сомневаюсь, знаем ли.

Четыре часа спустя Питт расстался с успокаивающим сном и проснулся. Он немного подождал и сфокусировал взгляд на двух вертикальных коричневых цилиндрах прямо перед своим лицом. На миг затуманенное сознание прояснилось, ион узнал красивые, загорелые женские ноги. Протянул руку и провел пальцем по обтянутой нейлоном икре.

— Прекратите! — крикнула девушка. Она была хорошенькая, с удивленным лицом. Роскошная фигура затянута в плотный мундир морского офицера.

— Простите. Мне, должно быть, это снится, — сказал Питт с улыбкой.

Девушка вспыхнула от смущения, машинально поправила юбку и скромно потупилась.

— Я не хотела вас будить. Подумала, что вы уже не спите, и принесла кофе. — Она улыбнулась. — Теперь вижу, что он вам не нужен.

Питт следил за ее гибкими, упругими движениями, когда она выходила. Потом сел на кожаном диване, потянулся и осмотрел просторный кабинет адмирала.

Очевидно, Хантер был занят. Стол и пол завалены картами и схемами, большая пестрая пепельница доверху наполнена окурками. Питт поискал в карманах сигареты, но не нашел. Смирился с потерей и потя-

нулся к кофе. Горький вкус горячего кофе почти привел Питта в чувство. И тут в комнату быстро вошел Хантер.

— Простите, что не позволил вам поспать подольше, но у нас несколько прорывов.

— Вероятно, вы нашли передатчик Дельфи.

Хантер прищурился.

— Для человека, который только что проснулся после крепкого сна, вы очень проницательны.

Питт пожал плечами.

— Простая логика.

— Самолету-разведчику потребовалось два часа, чтобы обнаружить его, — сказал Хантер. — Трудно спрятать трехсотфутовую антенну.

— Где вы ее нашли?

— В глухом углу острова Мауи, в заброшенной армейской постройке, в которой во время Второй мировой войны размещалась береговая артиллерия. Мы подняли старые архивы. Здание много лет назад продали фирме под названием...

— ...«Металлургическая компания «Рыбы», — прервал его Питт.

Хантер добродушно сощурился.

— Опять логика?

Питт кивнул.

Хантер хищно улыбнулся.

— А вы знаете, что завтра примерно в это время «Марта-Энн» придет в Гонолулу?

Питт искренне удивился.

— Как это?

— Через несколько минут после того, как вы сняли экипаж с вертолетной площадки, — ответил Хантер, — мы запрограммировали компьютер, чтобы он привел корабль на Гавайи.

— Разбить несколько приборов, перерезать несколько проводов, — сказал Питт. — И, конечно, люди Дельфи могли застопорить машины или вывести из строя рулевой комплекс.

— Казалось бы, — ответил Хантер. — Но главную компьютерную систему «Марты-Энн» создавали с учетом именно такой возможности. Спасательные операции наше 101-е отделение проводит под постоянной угрозой того, что корабль захватит чужое правительство. Машинное отделение и рулевая рубка автоматически перекрываются по электронной команде стальными дверьми; чтобы их вскрыть, нужно не меньше десяти часов. К этому времени корабль уже выходит в международные воды и готов к работе с другими жертвами крушений.

— Он идет без экипажа?

— Нет, как только рассвело, мы высадили на него экипаж, — сказал Хантер. — И вовремя. С вертолета успели увидеть, как «Марта-Энн» затопила рыбацкую лодку. Рыбака вытащили за несколько минут до того, как за него взялись бы акулы. Едва успели.

— «Марта-Энн» держит путь домой, а что со «Старбаком»?

— Мы его списали, — ровным тоном ответил Хантер. — Приказ из Пентагона. Комитет начальников штабов принял решение: лучше как можно быстрее вывести «Старбак» из строя, пока кто-нибудь не запустил его ракеты или вообще не поднял лодку.

— И как вы намерены «вывести его из строя»?

— Завтра утром в 5:00 фрегат «Монитор» выпустит ракету «Гиперион» туда, где вы обнаружили «Старбак». Сотрясение от взрыва боеголовки плюс давление воды уничтожат любые воздушные карманы внутри подводной горы. И субмарину.

— Многократное уничтожение, — произнес Питт.

— Именно. Я предложил свой план — высадить команду «морских котиков» и вернуть лодку, но получил отказ. Лучше перестраховаться, чем потом жалеть, сказали шишки в Вашингтоне. Боятся, что, если Дельфи разгадает компьютерный код, он сможет

сровнять с землей тридцать городов в любой точке Земли.

— Крайне сложная процедура. Ему пришлось бы перепрограммировать системы управления, чтобы цели были за пределами России.

— Неважно, куда он отправят боеголовки. Комитет начальников штабов боится, что он вообще научится это делать.

— Не согласен. Дельфи полгода сидел на тридцати ядерных боеголовках, никому не сообщая об этом и не угрожая использовать их; очевидно, что он не разобрался с системой пуска и управления.

— Вы, вероятно, правы, но это ничего не меняет.

Я получил приказ и намерен его выполнить.

Питт пристально взглянул на Хантера.

— Ваше руководство знает о похищении Адрианы?

Хантер медленно покачал головой.

— Я не стал осложнять положение личными проблемами.

— Если она и Дельфи еще на острове и их можно

обнаружить до завтрашнего утра...

— Я понимаю, о чем вы думаете. Захватить Дельфи — и с кризисом покончено. Хороший сценарий, но не пройдет. К несчастью, они оба на подводной вершине.

— Вы не можете знать наверняка.

— Мои люди проверили на островах все самолеты с частными лицензиями. И обнаружили гидросамолет, зарегистрированный на нашего старого знакомого — «Металлургическую компанию «Рыбы». Люди из службы безопасности окружили место, где стоял самолет, но поздно. Свидетели показали, что два часа назад на борт поднялись высокий мужчина и темноволосая женщина и улетели. Мы засекли самолет на радаре и проследили его до позиции «Старбака».

— Значит, мы должны считать, что Адриана с ним

на подводной горе...

Хантер молча кивнул.

Питт подвинул стул к столу Хантера.

— Уничтожение «Старбака» и вместе с ним подводной вершины — большая ошибка. Мы ничего не знаем о Дельфи и его планах. У него могут быть другие базы, разбросанные по всему миру. Стоит ли за ним какое-то иностранное правительство? Что, если экипаж субмарины еще жив? Слишком много вопросов без ответа, чтобы все взрывать. Дайте мне хоть одну нормальную причину, почему мы должны сидеть как зомби, а в семи тысячах миль отсюда горстка интеллектуалов, завсегдатаев совещаний на основе отрывочных и неполных сведений решает, что нам делать...

— Хватит! — властно сказал Хантер. — Я выполню приказ, и вы тоже.

— Нет, я не выполню! — Питт говорил спокойно. — Я отказываюсь молча смотреть, как совершается серьезная ошибка.

За тридцать лет службы во Флоте подчиненные ни разу не отказывались выполнять приказы Хантера. И он не знал, что делать.

— Я прикажу арестовать вас, чтобы вы остыли, — был его единственный ответ.

— Попробуйте, — холодно сказал Питт. — Я прав, а у вас нет здравых возражений. Если мы уничтожим Морана, или Дельфи, или как он там еще себя называет, и исчезнет еще один корабль, мы удивимся. А если в последующие годы исчезнут другие, нам все придется начинать сначала. У нас будет только сознание того, что в первый раз мы потерпели поражение.

Хантер смотрел на Питта. Двадцать лет назад и он мог бы сидеть по ту сторону стола и отстаивать свои убеждения ценой жизни, готовый пожертвовать карьерой ради того, во что верил. Отдать корабль, в данном случае «Старбак», — это противоречило традициям, которые он усвоил в Военно-морской академии с первого дня. Но он никогда в жизни не нарушал приказов, хотя много раз хотел бы это сделать. Может существовать шанс, почти безнадежный, немыслимый, но шанс. Тут он вспомнил слова адмирала Сандекера о Питте. «С этим человеком возможно все».

И принял решение.

— Хорошо, — сказал он, — вы получаете право на шоу. В Вашингтоне разверзнется ад, но мы будем беспокоиться об этом позже. Каков бы ни был ваш план, он наверняка хорош.

Питт расслабился.

— Формулируя просто: мы высаживаем подготовленный экипаж подводников на «Старбак» и до 5:00 завтрашнего утра перекрываем передатчик Дельфи.

— Легко сказать, — заметил Хантер. — Осталось меньше пятнадцати часов.

Несколько мгновений Питт молчал. А когда заговорил, его голос прозвучал холодно и мрачно:

— Есть решение. Оно обойдется налогоплательщикам в некоторую сумму. Но это лучше, чем половина шансов на успех.

Хантер тревожно пошевелился, и Питт объяснил свой план. Адмирал неохотно дал разрешение, думая, что либо план безумен, либо Питт сказал не все. Он полагал, что второе более вероятно.

Глава 14

Старинный самолет «Дуглас С-54» стоял на дорожке, нацелив нос вдоль цветных посадочных огней, обозначающих границы полосы. Крылья и фюзеляж дрожали в едином ритме с четырьмя двигателями, пропеллеры под горизонтальными стабилизаторами выбрасывали в ночь пыль и обломки. Потом самолет двинулся вперед, с болезненной медлительностью набирая скорость; посадочные огни отражались в блестящем алюминиевом фюзеляже и мелькали мимо окон. Наконец шасси оторвалось от бетона и, описав изящную дугу над огнями Гонолулу, сделав широкий поворот влево над Дайамонд-Хэд, самолет полетел на север, в пассат. Вскоре Питт передвинул рукоять назад и вслушался в рев моторов. Он проверил скорость вращения и убедился, что дрожащее и шумное ископаемое все-таки доставит его туда, куда ему нужно.

— Все время хочу тебя спросить, ас. Ты когда-нибудь вел самолет в пьяном виде?

Вопрос задал низкорослый человек с бочкообразной грудью, занимавший кресло второго пилота.

— В последнее время не приходилось, — ответил Питт.

Низкорослый замахал руками и изобразил ужас.

— Боже, почему я дал уговорить себя участвовать в этой безумной комедии?

Он повернулся и криво улыбнулся Питту.

— Наверно, у меня такое доброе сердце, что все этим пользуются.

— Не говори вздор, — ответил Питт. — Я тебя знаю с детского сада. Никто никогда не мог тебя использовать.

Эл Джордино обмяк в кресле и отбросил прядь черных волос с одного глаза.

— Как это? А помнишь, я несколько месяцев продавал фиалки на улицах, чтобы пригласить на школьный бал великолепную блондинку-чирлидера?

— И что с того?

— Боже, какая была телка... Как это «что с того»? — передразнил он. — Сволочь. Когда дошло до танцев, ты сказал ей, что у меня триппер... и весь вечер она не хотела иметь со мной ничего общего.

— А, да, теперь вспомнил, — усмехнулся Питт. — Она даже попросила, чтобы я проводил ее домой.

— Он откинул голову и закрыл глаза, вспоминая. — Какая была мягкая, грудастая девчонка! Жаль, что ты этого не увидел.

На лице Джордино выразилось невероятное изумление.

— И ты еще вечно твердишь, что нужно быть джентльменом!

Питт и Джордино близко дружили; они вместе учились и в средней школе, и в колледже. Джордино поднял руки и потянулся. Он был едва ли выше пяти футов четырех дюймов; смуглая кожа и кудрявые черные волосы явно выдавали итальянское происхождение. Разительно отличавшиеся внешне, Питт и Джордино идеально дополняли друг друга: одна из главных причин, по которой Джордино назначили помощником начальника отдела особых проектов. Их приключения, к досаде адмирала Сандекера, стали в океанографическом агентстве легендой.

— А командир «Хикам Филд» не рассердится, узнав, что мы прихватили его частный самолет? — спросил Джордино.

— Не успеет. Как только этот музейный экспонат сядет на воду, добрый генерал направит запрос на новый реактивный самолет.

Джордино печально вздохнул.

— Ах, владеть собственным самолетом! Я предпочел бы древнюю летающую крепость Б-17 с огромной кроватью и баром, набитым выпивкой.

— А герб Военно-воздушных сил на крыльях можно закрасить и заменить его парой кроликов.

— Недурно, — сказал Джордино. — За это я мог бы время от времени давать тебе порулить — за скромную плату, конечно.

Питт сдался. Он посмотрел в боковое окно кабины на море внизу и заметил огни торгового судна, идущего севернее в сторону Сан-Франциско. Белой пены он не видел: черный океан казался гладким и нетронутым. Спокойное море лучше для посадки, подумал он, но затрудняет оценку высоты.

— Далеко еще до твоей загадочной площадки для игр? — спросил Джордино.

— Еще пятьсот миль, — ответил Питт.

— С той скоростью, с какой ты погоняешь этого старого кита, мы будем там через два часа. — Джордино уперся ногами в приборную панель. — Мы уже на двенадцати сотнях футов. Когда ты начнешь снижаться?

— Примерно через час сорок, — ответил Питт. — Собираюсь пролететь последнюю часть пути повыше; не хочу, чтобы нас обнаружили, пока мы не будем у самых ворот.

Джордино тихо свистнул.

— Похоже, победителя придется выбирать с первой попытки.

— А второй у нас не будет.

Джордино наклонился и постучал по широкому циферблату в середине приборной панели.

— Можем лететь, пока маркер подводного положения пикает.

Питт взглянул на указатель направления и чуть поправил курс, и стрелка за круглым стеклом остановилась между двумя цифрами.

— Сигнал должен становиться тем сильней, чем ближе мы подлетаем.

— Подлети на пятьсот ярдов, и хватит, — с надеждой сказал Джордино. — Искатель «Сельма» сделает остальное.

Он кивком указал на маленькую синюю водонепроницаемую коробку, прочно прикрепленную к ручке его сиденья.

— Ты уверен, что «Сельму» проверили? — спросил Питт.

— Она работает, — терпеливо ответил Джордино. — Я же говорю, посади нас за пятьсот ярдов от маркера, и она приведет нас прямо на борт «Старбака».

Питт улыбнулся. Несмотря на лень, Джордино был перфекционистом; каждое свое дело он старался сделать образцово. Это всегда изумляло Питта. Он молча сделал знак Джордино и убрал руки от приборной панели. Джордино кивнул и взял управление самолетом на себя, а Питт выкарабкался из тесного кресла пилота, оставил кабину и перебрался в пассажирскую секцию фюзеляжа.

В роскошном салоне частного генеральского самолета сидели двадцать человек — вероятно, подумал Питт, двадцать самых смирившихся в мире человек. Смирившихся со смертью: иначе не скажешь. Да, они добровольцы, но такие, в ком жажда приключений побеждает желание прожить долгую и плодотворную жизнь. Все в черных резиновых костюмах на молнии; молния раскрыта, чтобы испарялся пот. У них за спиной, прикрепленные к специальным кольцам на полу кабины,

громоздились разнообразные приборы и тюки различной формы. Ближе к хвосту выстроились ряды кислородных баллонов, надежно закрепленных, чтобы не сорвало при посадке.

Ближайший ныряльщик, блондин со скандинавскими чертами, посмотрел на вошедшего Питта.

— Безумие, чистое безумие.

Лейтенант-коммандер Сэмюэль Кроухейвен определенно был очень несчастным человеком.

— Многообещающая карьера в подводном флоте, и я должен ею рискнуть, бросаясь в океан среди ночи.

— Особой опасности нет. Это почти как загнать машину в гараж, — успокаивающе Питт. — Я бы не стал тревожиться...

Кроухейвен с неподдельным изумлением переспросил:

— Загнать машину в гараж? Да вы шутите!

— Посадить птичку на воду — моя обязанность, коммандер. На вашем месте я бы тревожился о том, что будет дальше.

— Я инженер на подводной лодке, — мрачно сказал Кроухейвен. — И не создан для игры в коммандос.

— Обещаю не угробить вас и ваших людей при посадке, — спокойно сказал Питт. — А Джордино доставит вас на «Старбак». После этого дело за вами.

— Вы уверены, что лодка не затоплена?

— Кроме носового торпедного отсека, она была сухая, когда я ее покидал.

— Если там ничего не трогали, я могу освободить торпедный отсек и запустить лодку за четыре часа.

— Расписание дает вам четыре с половиной часа. Остается запас всего в полчаса.

— Не очень много времени.

— Сколько есть.

Кроухейвен печально покачал головой.

— Самоубийство, вот что это такое.

— Вы, конечно, понимаете, что, возможно, входить на субмарину придется с боем.

— Я же сказал, я не коммандо. Потому и позвал этих убийц со стальными глазами. «Котиков».

Питт посмотрел на тех пятерых, на кого указал Кроухейвен. Элита служб безопасности флота. Невозможно не признать, что выглядят они внушительно. Сидят отдельно от всех, постоянно проверяют и перепроверяют оружие и снаряжение — массивные, молчаливые профессионалы, обученные и рукопашному бою и готовые к нему — даже под водой. Питт снова повернулся к Кроухейвену.

— А остальные?

— Подводники, — гордо ответил Кроухейвен. — Немногие работали в субмарине такого размера, как «Старбак», но если кто-то и способен привести лодку обратно в Перл-Харбор, так только они. Если, конечно, будет работать хоть один реактор. Если придется начинать с холодными реакторами, нам ни за что не уложиться по времени.

— Реактор работает, — уверенно заявил Питт. Он старался казаться спокойным. По правде говоря, невозможно было сказать, на месте ли еще лодка и работает ли реактор. Жди и надейся, промелькнуло у него в голове. Больше ничего сделать нельзя, только ждать препятствий и быть готовым к этому. — Но если возникнут проблемы, к 4:30 убирайте оттуда своих людей.

— Я не герой, — с сомнением сказал Кроухейвен.

Питт похлопал его по плечу, повернулся и пошел назад в кабину.

Адмирал Хантер в двадцатый раз за последний час взглянул на часы. Раздавил в пепельнице сигарету, которую нервно курил, встал и пересек забитый людьми оперативный штаб, чтобы взглянуть на огромную карту на стене. Возле нее на стуле с жесткой спинкой сидел Денвер, положив ноги на другой стул. Деланное равнодушие Денвера ни на миг не обмануло Хантера. Когда пришло сообщение о положении самолета, он мгновенно выпрямился.

— Малыш, говорит Папаша. Прием.

— Готовлю экипаж к высадке. Направляюсь к клетчатому вымпелу. Прием.

Питт сообщал, что они спускаются к уровню волн и готовятся к посадке в районе подводной горы.

Радист в микрофон ответил:

— Награда ждет победителя. Прием.

— Увидимся в круге для победителя, Папаша...

Голос в микрофоне смолк на полуслове.

Хантер схватил микрофон.

— Давай, Малыш. Говорит Папаша. Прием.

Наступило молчание. Потом послышался чуть

измененный голос:

— Простите за задержку, Папаша. Прошу инструкций. Прием.

— Инструкций? — медленно переспросил Хантер. — Вы запрашиваете инструкции?

— Да. Прием.

Словно в трансе, Хантер опустил микрофон и отключил его.

— Боже, это они, — механически выговорил он.

Денвер не пытался скрыть потрясение.

— Это не голос Питта, — не веря себе, сказал он. — Передатчик Дельфи настроился на нашу частоту.

Хантер медленно опустился в кресло.

— Не следовало соглашаться на этот безумный план. Теперь Кроухейвен не сможет связываться с нами с борта лодки.

— Он может передавать кодированные сообщения через коммуникационный компьютер, — предположил Денвер.

— Разве вы забыли? — нетерпеливо сказал Хантер. — К первому выходу «Старбака» в море коммуникационные компьютеры еще не были установлены. Радио может работать только на стандартных частотах. Пока морская пехота не захватит передатчик Дельфи, он будет следить за всеми открытыми частотами. Даже если Дельфи до сих пор не знает наших точных планов, то точно узнает, как только Кроухейвен начнет передачу.

— И нападет на «Старбак» или разнесет его на куски, — закончил Денвер.

Тихо, так что слова были едва слышны, Хантер

сказал:

— Да поможет им бог. — И добавил: — Только он это и может.

Питт сорвал наушники и бросил на пол.

— Ублюдок отрезал нас! — выпалил он. — Если Дельфи догадается, что мы задумали, он точно подготовит западню.

— Как приятно знать, что у меня есть такой друг, — сказал Джордино с саркастической улыбкой.

— Тебе повезло. — Питт не улыбнулся в ответ. — Вероятно, адмирал Хантер молит бога, чтобы мы прервали миссию.

— Это невозможно, — серьезно ответил Джордино. — Кстати, ты переоцениваешь этого желтоглазого болвана. Ставлю ящик доброй выпивки на то, что ему и в голову не пришло ждать в гости двух величайших подводных грабителей во всем Тихом океане.

— Твои бы слова да Богу в уши.

— Подумай сам, — высокомерно сказал Джордино. — Никто в здравом уме не станет добровольно сажать самолет в море среди ночи — кроме тебя, конечно. Этот Дельфи, вероятно, считает наш полет разведывательным. И до начала дня ничего не заподозрит.

— Мне нравится твой оптимизм.

— Мама всегда говорила, что на словах у меня хорошо получается.

— А как же наши пассажиры?

— Никто их сюда не заманивал. Вероятно, сочиняют себе некрологи. Зачем их разочаровывать?

— Ладно, начинаем.

Питт постучал по шкале альтиметра. Маленькая белая стрелка почти коснулась самого нижнего деления. Он включил посадочные огни и увидел, как мчится под фюзеляжем вода: стрелка спидометра дрожала у отметки двести семьдесят узлов. Питт надел вторые наушники и некоторое время внимательно слушал.

— Сигналы подводного маркера близки к пику громкости, — сказал он. — Лучше пролететь чуть дальше и снова проверить перед посадкой.

Джордино лениво вздохнул, расстегнул ремень, передвинулся к приборной панели и передал Питту список проверочных вопросов.

— Читай.

Питт читал по карточке, а Джордино отвечал.

— Опережение зажигания?

— Двадцать процентов, в пределах нормы, — ответил Джордино.

— Уровни смеси?

— Проверены.

Питт продолжал зачитывать скучные, но обязательные вопросы, а сам то и дело поглядывал на море всего в пятидесяти футах под ним. Наконец он дошел до последнего пункта на карточке.

— Клапаны центрального крыльевого бака и переключатели подачи топлива?

— Закрыты и отключены.

— Все, — сказал Питт, смял карточку и бросил за плечо на пол кабины. — Больше это никому не понадобится.

Джордино склонился к приборам и показал:

— Звезды у горизонта прямо по курсу... они бледнеют.

Питт кивнул.

— Это туман.

Зловещее пятно вскоре наползло на черную линию горизонта. Питт постепенно сбрасывал скорость, пока спидометр не показал сто двадцать узлов.

— Волшебный миг, — тихо сказал Питт. Он на мгновение заглянул в темные глаза Джордино: его друг не улыбался, его лицо оставалось спокойным и невозмутимым.

— Поверни закрылки на сто градусов, — сказал Питт. — Потом ступай к остальным и веди себя, как скучающий трамвайный кондуктор.

— Буду развлекать их своими лучшими анекдотами. — Джордино перегнулся через кресло второго пилота и держал рычаг в положении «включено», пока шкала прибора не показала сто градусов. — Пока, приятель. Увидимся после посадки.

Он сжал руку Питта и вышел из кабины.

Дул боковой ветер; Питт чуть повернул С-54, чтобы компенсировать снос. Самолет снизился еще на несколько футов, и Питт отчетливо разглядел в ярком свете посадочных огней гребни волн. Он предпочел бы сажать самолет без огней, но это было невозможно. Еще рано, снова и снова мысленно повторял он. Еще три мили. Он за доли секунды может посадить самолет, но в тумане инерция грозит унести его далеко

от цели. Скорость упала до ста пяти узлов. «Легче, малышка, еще рано». Питт сосредоточился на том, чтобы ровно держать крылья: если конец крыла заденет воду, самолет превратится в гигантскую карусель. Он еще больше снизился и провел самолет в промежуток между волнами, собираясь сесть на склон одной из них и использовать этот склон, чтобы смягчить удар. Когда самолет коснулся воды, пропеллеры за гондолой двигателей поднимали высокие столбы пены и густой туман начал окутывать кабину.

Словно далекий раскат грома, только громче. Круглый красный запасной огнетушитель сорвался с крепления, пролетел над плечом Питта и ударился в приборную панель. Питт едва успел опомниться, а самолет, словно брошенный камень, уже подскочил над водой и опять ударился о нее алюминиевым брюхом. Потом нос ткнулся в большую волну, и С-54 резко остановился в середине огромного всплеска.

Питт ошеломленно смотрел на туман сквозь покрытое каплями ветровое стекло. Он посадил самолет. Машина мягко поднималась и опускалась на волнах. Она могла плыть — несколько минут, а быть может, и несколько дней в зависимости от того, сильно ли повреждено брюхо. Питт громко выдохнул и расслабился, с удовлетворением отмечая, что аккумуляторы выдержали толчок и кабина внутри по-прежнему освещена. Он выключил зажигание и посадочные огни, чтобы поберечь аккумуляторы, сорвал ремень и прошел в главный салон.

Люди теперь выглядели гораздо увереннее. Кроухейвен первым похлопал его по спине. Остальные выразили свое одобрение свистом и аплодисментами. Все, кроме пяти «котиков». Те уже готовили снаряжение, снимали оружие с предохранителей и проверяли готовность друг друга.

— Отлично выступил, Дирк, — широко улыбнулся Джордино. — Я бы не смог сесть лучше.

— Слышать такое от тебя — комплимент из разряда «голубая лента»[9]. — Питт уже надевал аппарат для подводного плавания, прилаживал баллон с кислородом и примерял маску.

— Сколько времени он продержится на воде? — спросил Кроухейвен.

— Я проверил брюхо, — сказал Джордино, осматривая баллоны на спине Питта. — Небольшая течь, и только.

— Может, пробить брюхо и затопить самолет? — предложил Кроухейвен.

— Не самый умный ход, — ответил Питт. — Когда Дельфи обнаружит плывущий самолет без экипажа, он решит, что мы пересели на спасательные плоты. Именно поэтому я оставил все спасательное

снаряжение в «Хикеме». Нельзя было допустить, чтобы он обнаружил спасательные плоты невскрытыми и неиспользуемыми. Надеюсь, он станет искать нас на поверхности, а мы будем внизу.

— Есть более легкий способ стать адмиралом, — ядовито сказал Кроухейвен.

Питт продолжил:

— Когда лодка будет в ваших руках, свяжитесь с адмиралом Хантером на частоте тысяча двести пятьдесят килогерц.

Глаза Кроухейвена сузились.

— Вы шутите. Это коммерческая частота. Если я начну передачу на этой частоте, мне прищемит хвост Федеральная комиссия по связи.

— Весьма вероятно, — устало согласился Питт. — Зато вы ускользнете от системы обнаружения Дельфи. Он уже вторгся на наши частоты. Тысяча двести пятьдесят — ваш единственный шанс прорваться. Об остальном будем беспокоиться, если доживем до нового восхода.

Питт натянул ласты и проверил регулятор подачи воздуха. Потом выглянул в открытый люк и всмотрелся в темноту. Когда самолет опускал нос, волны перекатывались через концы крыльев. Питт повернулся к Джордино.

— Готов твой волшебный ящик?

Джордино поднял детектор сигналов.

— Начинаем?

— Да.

— Иди и найди нам субмарину, — сказал Питт, кивнув в сторону люка.

Джордино мгновение сидел спиной к воде, прилаживая мундштук. Потом беспечно махнул Питту; рукой и опрокинулся в море спиной вперед.

За ним один за другим молча последовали пятеро «котиков» Кроухейвена; они с плеском погружались в воду возле самолета. Все уходили с мрачными лицами. Питт посмотрел вниз и увидел, как уходят в глубину огоньки: каждый начинал погружение, направив фонарик на идущего впереди.

Питт шел последним. Он в последний раз осмотрел самолет внутри и, как человек, уезжающий в недельный отпуск, открыл доступ к распределительному щиту и отключил все огни.

Глава 15

Темная теплая вода Тихого океана сомкнулась над головой Питта; он на мгновение расслабился в невесомости бескрайнего моря. Круглый луч его фонарика осветил пловца двадцатью футами ниже; тот оглядывался через плечо, чтобы убедиться, что Питт еще следует за ним. Питту неожиданно пришло в голову, что быть последним в цепочке опасно. Удушающая чернота начала действовать на подсознание: он был уверен, что самые невообразимые хищники готовы ухватить его за ноги. Каждые несколько секунд он поворачивался и светил фонариком во все стороны, но никаких ночных чудищ не встречал. В поле его зрения оставался только еще один человек, невозмутимо плывущий внизу.

Опасения Питта несколько улеглись, когда сквозь стекло маски он увидел дно — до сих пор он мог бы плыть и к поверхности. Вначале скалы казались страшными чудовищами, но когда он доплыл до них и коснулся шероховатой поверхности камня, они стали казаться добрыми друзьями. Испуганный кальмар, первый представитель жизни моря, наискось пересек его поле зрения и исчез. Потом вершины скал остались позади, дно стало песчаным, и адреналин хлынул в кровь: впереди в лучах фонарей показался огромный черный силуэт.

«Старбак» лежал так же, как он его оставил, похожий в темноте на гигантское призрачное чудовище. Толкаясь ластами, Питт проплыл мимо пятерых моряков в голове цепочки, схватил Джордино за руку и сквозь маску всмотрелся в лицо друга. Черты были чуть искажены светом фонаря, но глаза ярко горели, и, несмотря на мундштук, ясно была видна улыбка; Джордино поднял руку и оттопырил большой палец вверх.

Питт написал на своей доске несколько слов, подплыл к Кроухейвену и показал надпись.

ЗДЕСЬ МЫ ОТКЛЮЧАЕМСЯ. ЛОДКА ЦЕЛИКОМ ВАША.

Кроухейвен кивнул, его светлые волосы плыли длинными прядями. Он начал быстро распределять людей: четыре моряка и один «котик» войдут через затопленный торпедный отсек и задраят клапаны и вентиляционные заглушки, открытые людьми с «Марты-Энн». Остальные должны через спасательный отсек проникнуть в сухой отсек субмарины и пройти в рубку управления.

Страх подводников прошел. Теперь они могли положиться на свои мастерство и опыт. Через переднюю часть группа прошла целиком, но тем, кто проникал с кормы, пришлось разделиться на три смены, ! поскольку спасательный отсек не вмещал всех. Когда I последние пять человек спустились в лодку, Питт за- | крыл люк и ждал, пока не почувствовал, как вода под давлением начинает выходить из отсека.

Потом трижды ударил рукоятью ножа по корпусу. Почти сразу изнутри послышались три приглушенных удара: это I означало, что пока никаких проблем нет. Питт проплыл вдоль узкой верхней палубы к носу лодки и I здесь тоже постучал. Ответ пришел не сразу и прозвучал глуше — из-за акустических условий в затопленном отсеке. Питт написал на доске:

ВХОД ГДЕ-ТО ПОБЛИЗОСТИ. 18 МИНУТ.

Джордино понял. Восемнадцать минут воздуха: Ц столько времени у них было, чтобы найти вход в вершину горы. Питт похлопал его по плечу и поплыл вправо. Джордино последовал за ним; они молча скользили над необычным ландшафтом, связанные тонкими лучами фонариков. Они не старались запомнить ориентиры, веря в компас, привязанный к левому запястью Питта; это была их единственная возможность вернуться к «Старбаку», когда будет заканчиваться воздух.

Сначала им встретилась еще одна жертва Водоворота, медленно материализовавшаяся в сдвоенном луче фонариков. Плиты на боку корпуса гладкие и чистые, ни следа водорослей; крушение произошло недавно. Питт не понимал: он проштудировал список пропавших кораблей, и, если не считать «Старбака», за последние полгода ни одно судно не числилось пропавшим. Как вышло, что такой большой корабль исчез, а в порту не заявили о том, что он не прибыл?

Корабль стоял вертикально, словно еще шел по поверхности, не покоряясь судьбе. Проплывая над палубами, они видели, что это почти круглого вида траулер. Какая жалость, подумал Питт. Превосходный корабль. Фальшборт сверкает, надстройки буквально ощетинились новейшими электронными сканерами и антеннами.

Пока не было видно ни следа людей Дельфи, но на всякий случай Питт знаком приказал Джордино караулить, пока он обыскивает мостик. Джордино махнул рукой, показывая, что понял, и остался у фальшборта под левым крылом мостика; здесь он выключил фонарь и мгновенно растворился в черной глубине.

Питт проплыл в открытую дверь рулевой рубки и оказался в зловещем, похожем на склеп помещении. Он посветил фонариком по сторонам, прикованный к месту изумлением. Обстановка была необыкновенная. Глаза засекли уродливую прозрачную змею, которая, извиваясь, проплыла под потолком и исчезла в вентиляционном отверстии, потом другая длинная рептилия скользнула в угол и тоже исчезла в отверстии. Змеи... нет, цепочки пузырей воздуха, который он выдыхал; они поднимались к потолку, прежде чем отыскать выход на поверхность.

Питт не знал, что ожидал найти на корабле, но то, что он обнаружил, потом долгие годы снилось ему в кошмарах. На столе лежали карты,

сложенные течением вдвое и вчетверо, но такие прочные, словно погрузились под воду только накануне. Спицы рулевого колеса вылетели, будто в отчаянии от того, что никогда больше их не коснутся руки рулевого. В слабом свете блестела медь нактоуза, стрелка компаса по-прежнему указывала какой-то неведомый курс, а стрелки телеграфа остановились на отметке «ПОЛНЫЙ СТОП». Питт наклонился поближе: что-то здесь не так. Надписи на приборах не английские. Он на несколько мгновений внимательно разглядывал их, потом вернулся к нактоузу и осветил под компасом табличку с названием судна. Его знание русского языка исчерпывалось двадцатью с небольшим словами, но он достаточно знал алфавит, чтобы прочесть: «АНДРЕЙ ВЫБОРГ».

Значит, русский траулер-шпион все-таки нашел «Старбак», подумал Питт. Нашел, чтобы умереть и лечь рядом, добычей Дельфи и его пиратов. У Питта не было времени для дальнейших размышлений. И тут что-то коснулось его плеча. Питт развернулся и осветил лучом фонарика лицо человека.

Лицо было пугающе неестественное, злобно перекошенное. Рот раскрыт, в нем сверкают белые зубы; один глаз смотрит не мигая; другой глаз закрывает маленький краб, въевшийся в глазницу. Человек покачивался и двигался как чучело, течение поднимало и опускало его руки, словно он куда-то манил Питта. Страшное привидение висело в четырех футах над полом и проплыло мимо Питта, замершего в неподвижности. Придя в себя, Питт оттолкнул мертвеца и смотрел, как тот плывет к внутренней двери рубки и исчезает в темноте за ней.

Он больше ничего не хотел видеть или узнавать на этом советском траулере. Время уносить ноги; воздуха у них с Джордино осталось на несколько минут.

Джордино по-прежнему нес вахту под мостиком, когда услышал в отдалении какие-то звуки. Он подплыл к рубке и знаком велел Питту, выплывавшему из рубки, погасить фонарик. Питт послушался. Присев под левым иллюминатором, они слушали, как приближается гул электрического мотора, а несколько секунд спустя показался и слабый свет.

Вначале было похоже, что к ним плывет странное примитивное существо, но когда оно приблизилось, стало ясно, что это механизм для передвижения под водой — в форме черепахи, с горизонтальным хвостовым плавником для управления. На этой гладкой подводной мини-лодке сидели верхом две фигуры, человек впереди вел машину, а второй рулил. Небольшой винт, вращаясь за кормовым стабилизатором, двигал этих двоих сквозь толщу воды со скоростью примерно пять узлов. Машина с двумя пассажирами направлялись прямо к мостику «Андрея Выборга».

Питт и Джордино прижались к переборке под окном. Поздно было скрывать дыхание; они лишь беспомощно следили, как пузыри поднимаются к поверхности прямо на пути у мини-лодки. Аквалангисты одновременно извлекли из ножен ножи и ждали неизбежного столкновения — двойная цепочка пузырей воздуха обязательно выдаст их присутствие. Лодка обогнула фок-мачту и приблизилась к рубке. Теперь она была так близко, что Питт смог отчетливо разглядеть миниатюрный аппарат для дыхания, прикрепленный к груди каждого из двоих. Он крепче сжал рукоять ножа и подобрался, готовясь прыгнуть за дверь, надеясь, что хватит одного удара: Питт понимал, что маленький нож бессилен против пистолетов. Но напряженное ожидание закончилось неожиданно. В последний миг нос лодки чуть поднялся, прошел через пузыри и исчез над мостиком. Шум мотора медленно стих. Почти одновременно исчез и свет, а несколько секунд спустя не стало слышно и ударов лопастей.

Джордино включил свет, и Питт увидел, как он недоуменно пожал плечами. И тут до Питта постепенно дошло. На «Андрее Выборге» еще остались воздушные карманы. Вдоль корпуса и из надстроек на поверхность океана повсюду поднимаются ленивые цепочки пузырей. Люди Дельфи просто не обращали внимания на такие пузыри, зная, что проходят месяцы, иногда годы, прежде чем из затонувшего судна выйдет весь воздух.

Питт постучал по часам и показал в сторону удалившейся мини-лодки. Джордино кивнул, и они вместе переплыли через поручни корабля и опустились на морское дно, используя в качестве укрытия скалы необычной формы и водоросли. Темный корпус «Андрея Выборга» уходил назад. Питт оглянулся. Американцы теперь знают, где его могила, но он был уверен, что русским никогда этого не скажут.

Индикатор глубины показал, что они поднимаются. Питт вел Джордино вверх по склону подводной горы. Вода была холодная, гораздо холоднее, чем следовало бы в этой части Тихого океана. Они напрягали глаза, пытаясь увидеть, что там вдали освещено лучами фонариков, искали на дне следы деятельности человека, но надежда увидеть геометрические очертания созданных человеком сооружений растаяла. Никакого входа, подумал Питт. Мини-лодка пришла, должно быть, откуда-то еще.

Их время вышло. Теперь надежда вернуться в безопасность «Старбака» исчезла. Выбора нет: продолжать поиски, пока воздуха совсем не останется, и подняться на поверхность, уповая на чудо — что их подберут раньше, чем ракета с «Монитора» превратит их тела в кашу.

Неожиданно Питт заметил, что температура воды изменилась. Вода потеплела, градуса на два. В тот же миг по склону покатило мощное течение, поднимая облачками песок, горизонтальными полосами вытя-

гивая водоросли. Внезапное течение ударило своей невидимой массой по людям, бросив их на морское дно, как ураган шарики пинг-понга. Оно протащило людей через заросли водорослей, листья били по лицам, оставляя на щеках и на лбу красные отметины.

Питт перевернулся и налетел на большой каменный выступ, покрытый густой морской растительностью. Зеленая слизь выпачкала руки, а в бок влажного резинового костюма вонзилась колония раковин с острыми краями. На мгновение Питта прижало к камню, потом непредсказуемый каприз течения швырнул его назад. Он почувствовал, как что-то схватило его ногу. Это была рука Джордино. Он обхватил ногу Питта под самым пахом и держал с силой гидравлических тисков.

Питт посмотрел в маску Джордино; он готов был поклясться, что один карий глаз подмигнул. Общий вес двух тел уже ослабил силу течения, и, что еще важнее, хватка Джордино не давала им разъединиться в этом стремительном путешествии с ураганом взрывающегося песка и водорослей.

Питт услышал глухой шум. Это баллоны с воздухом, ударяясь о камни, издавали странный звук, напоминавший колокольный звон. Он опрокинулся на спину и на мгновение луч фонарика ударил вверх, отразившись от поверхности. Питт потянулся, словно хотел коснуться этой поверхности, но понял, что глаза обманывают его. Опомнился и успел вовремя поднять руку и защититься от удара о поросший ракушками камень.

В эти мгновения его спасла толщина резинового гидрокостюма. Но он все же пострадал. Острый край листа распорол толстую резину и нейлоновую прокладку под ней, Питт ощутил резкую боль, и воду вокруг его руки окрасила кровь. Маску сорвало, клубящийся песок вторгся в глаза и ноздри и обжег слизистые оболочки. Питт пытался выдохнуть через нос, чтобы очистить его от песка, но умудрился только усилить раздражение. Глаза жгло от совместного действия песка и соленой воды; внезапно сомкнувшиеся веки погрузили сознание в крутящуюся черноту.

Потом он головой ударился о низкую скалу, в сознании яркой радугой взорвался фейерверк, и все застыло.

Джордино почувствовал, что тело Питта обмякло и тонет; фонарик выпал из разжавшейся руки на дно. Джордино посветил Питту в лицо и увидел, что тот потерял сознание. Убедившись, что мундштук по-прежнему зажат у Питта в зубах, он обхватил Питта и потащил за собой.

Под ним проходила полоска песка с мелкими камешками; Джордино забил ногами, пытаясь затормозить. Оба ласта у него сорвало, подошвы

и лодыжки он ободрал. Он с такой силой стиснул мундштук зубами, что прокусил резину, и зарылся окровавленными ногами в песок. Это решение было рождено отчаянием, но оно не помогло. Ноги лишь прорыли две бороздки в морском дне, потом потеряли опору и высвободились.

Неожиданно, как кошка, которой надоело играть с мышью, коварное подводное течение выбросило их из основного потока и ушло. Джордино протянул руку и ухватился за водоросли, втащив бесчувственную ношу в небольшое, похожее на кратер углубление дна. Здесь он расслабился и стал опускаться в спокойной воде, позволяя Питту медленно опускаться рядом с ним.

В оперативном бункере в Перл-Харборе царила тишина. Пишущие машинки молчали; компьютеры тоже бездействовали, колеса их магнитных лент смотрели, как круглые немигающие глаза. Половина сотрудников собралась у радиоцентра; мужчины задумчиво курили и молчали, женщины нервно разливали кофе, бледные и осунувшиеся. Все ощущали напряжение, тяжелую атмосферу, которая действовала на нервы. Денвер и Хантер сидели по обе стороны от радиста, усталыми, покрасневшими глазами глядя друг на друга.

Денвер достал из нагрудного кармана небольшой пластиковый флакон и принялся катать его по столу туда-сюда. Хантер несколько мгновений смотрел на него, потом вопросительно поднял брови.

— Что это?

Денвер протянул флакон.

— Питт дал для анализа. Это было в шприце.

— Его дал вам Питт? — не успокоился Хантер. — А что в нем?

— DG-10, — коротко ответил Денвер. — Один из самых смертоносных ядов. Чрезвычайно трудно определяемый. Дает картину смерти от инфаркта.

— Но что Питт с ним делал?

Денвер пожал плечами.

— Не знаю. Он был очень уклончив. Сказал, что потом мы узнаем.

В глазах Хантера было отсутствующее выражение.

— Загадка. Этот человек — сплошная чертова загадка...

— Адмирал, звонят!

Офицер протянул Хантеру трубку.

— Кто это?

Офицер на мгновение отвел взгляд, потом нерешительно сказал:

— Это Алоха Вилли, ночной диск-жокей радиостанции ПОПО.

У Хантера отвисла челюсть.

— Что это значит? Я не желаю разговаривать с проклятым диск-жокеем! Как он попал на мою закрытую линию?

Офицеру было на редкость неловко.

— Он сказал, что это срочно, сэр. И еще просил передать загадку: «Черная птица вернулась на гнездо». Сказал, что, если вы разгадаете, получите приз.

— Что за вздор?! — взорвался Хантер. — Передайте этому придурку… — Неожиданно он замолчал, глаза округлились. — Господи, Кроухейвен!

Он схватил трубку и быстро заговорил с собеседником на другом конце линии. Потом отдал трубку ошеломленному офицеру и повернулся к Денверу.

— Кроухейвен вышел в эфир на волне радиостанции Гонолулу.

Лицо Денвера выражало полное недоумение.

— Не понимаю.

— Он гений. Настоящий гений, — взволнованно сказал Хантер. — Дельфи никогда не додумался бы прослушивать коммерческие радиостанции, тем более рок-программу. Никто, кроме нескольких подростков, не слушает радио в такую рань. — Он повернулся к радисту. — Переключитесь на волну 1250.

Вначале на бетонные стены обрушилась громкая музыка, от которой у всех в бункере заболели уши. Потом, прежде чем собравшиеся у радиоприемника сотрудники центра преодолели начальный шок, высокий голос начал сыпать словами, словно из пулемета:

— Привет, ранние пташки! Алоха Вилли с сорока лучшими рок-мелодиями на тропических радиоволнах для вас, музыкальные фанаты. Сейчас три тридцать. Ну, парни, готовы? Приклейтесь ушами к транзисторам и слушайте последнюю запись Папаши и его Банды. Давай, Папаша!

Радист в бункере нажал кнопку передачи и вошел в программу.

— Папаша вызывает Банду. Мы слушаем. Прием.

— Говорит Банда. Папаша, как слышите? Прием.

Денвер вскочил.

— Это Кроухейвен! Он говорит со «Старбака».

— Мы вас слышим, Банда. Прием.

— Передаем последний счет. Гости: одна пробежка, одно попадание, три мимо. Хозяева: без пробежек, три попадания, четыре мимо.

Хантер не отрываясь смотрел на микрофон.

Шифр для потерь. Кроухейвен захватил субмарину, но это стоило ему одного убитого и трех раненых.

— Результат получен, Банда, — произнес радист. — Поздравляем команду гостей с победой. Когда сможете покинуть стадион?

Ответ пришел без промедления:

— Душевые работают на полную мощность, раздевалка опустеет через час. Погрузимся в автобус и покинем стадион в 4:00.

Денвер кулаком ударил по столу, и на его лице появилась ангельская улыбка.

— Генератор подает пар на турбины, и через час носовой торпедный отсек будет осушен. Слава богу, они опережают график.

Хантер протянул руку и взял у радиста микрофон.

— Банда, говорит Папаша. Где Малыш?

— Малыш с приятелем отправились на поиски золотых копей. С тех пор ни слуху ни духу. Полагаем, они заблудились в пустыне и остались без воды.

Хантер молча опустил микрофон. Переводить не было необходимости. И так все было ясно.

— Последний выпуск спортивных новостей в 5:00, — продолжал голос Кроухейвена. — Банда, конец передачи.

Не попустив ни такта, сразу вмешался Алоха Вилли:

— Это снова я, парни. Номер двенадцать в нашем списке: «Эвери Энсон Пэте» исполняет «Последнее подражание Великому Бикини...»

Радист выключил микрофон.

— Это все, сэр, до 5:00.

Адмирал Хантер медленно отошел и тяжело опустился в кресло. Он тупо смотрел в стену.

— Дорого нам это обошлось, — тихо сказал он.

— Питт должен был оставаться с Кроухейвеном, — с горечью произнес Денвер. — Ему не следовало отправляться на поиски вашей дочери...

Денвер спохватился слишком поздно.

Хантер поднял голову.

— Я не давал Питту разрешения искать Адриану.

— Знаю, сэр. — Денвер беспомощно пожал плечами. — Я пытался отговорить его, но он настоял на том, что должен попробовать. Он ведь делает, что хочет.

— Делал, что хотел, — поправил Хантер. И замолчал.

— Добро пожаловать обратно в мир ходячих мертвецов.

Питт с трудом сфокусировал взгляд и увидел улыбающегося Джордино.

— Кто тут ходит? — пробормотал Питт. Ему хотелось бы снова потерять сознание, не чувствовать жжения в руке и тупой боли в голове. Он не шевелился; просто лежал, погрузившись в море боли.

— Хотя совсем недавно я думал, что тебе понадобится гроб, — небрежно продолжал Джордино.

Питт протянул руку, и Джордино помог ему сесть. Питт помигал, чтобы убрать из глаз песок и соленую воду.

— Где мы?

— В подводной пещере, — ответил Джордино. — Я нашел ее сразу после того, как ты потерял сознание и мы ушли от этого проклятого течения.

Питт осмотрел небольшую пещеру, тускло освещенную фонарем Джордино. Примерно двадцать футов длину и тридцать в ширину, высота потолка — от пяти до десяти футов. Три четверти пола залито водой, остальное — каменный выступ, на котором устроились они с Джордино. Стены до половины залитого водой помещения гладкие, по ним, как испуганные муравьи, бегает множество маленьких крабов.

— Интересно, глубоко мы? — сказал Питт.

— Мой глубомер показал у входа восемьдесят футов от поверхности моря.

Пипу ужасно хотелось курить. Тело ныло. Он с трудом подвинулся к стене и прислонился к ней, глядя на кровь, покрывающую его черный резиновый гидрокостюм.

— Жаль, у меня нет камеры, — сказал Джордино. — Был бы интересный сюжетец.

— Выглядит хуже, чем на самом деле, — солгал Питт. Он кивком показал на ноги Джордино. — Увы, не могу сказать то же самое о твоих копытах.

— Да, первый приз за красоту моим лапам не дадут. — Джордино откашлялся и сплюнул мокроту прямо в воду. — Что теперь?

— Назад нельзя, — сказал Питт задумчиво. — Эта кровь привлечет всех акул за десять миль. — Он помолчал, взглянул на часы и снова посмотрел на воду. — У нас почти два часа, прежде чем с «Монитора» выпорхнут крошки.

На лице Джордино не было энтузиазма.

— Мы не в лучшем состоянии для исследования пещер.

— Ты знаешь, как мне скучно сидеть сложа руки.

Джордино устало покачал головой.

— Чего не сделаешь ради друга. — Он тщательно прицелился в краба, плюнул и промахнулся. — Все что угодно лучше вечера с этими парнями.

— В каком состоянии наше снаряжение?

— Я надеялся, что ты не спросишь, — сказал Джордино. — Примерно в таком же, как я. Кроме воздушных баллонов, которые, извиняюсь за выражение, на последнем издыхании, у нас точно есть одна маска, сорок футов нейлонового троса, один ласт и этот фонарик, который вот-вот погаснет.

— Забудь о баллонах. Вначале попробую просто нырнуть. — Питт натянул ласт на ногу, взял нейлоновый трос и обмотал один конец вокруг талии. — Отдыхай и держись за второй конец. Когда почувствуешь три рывка, живо убирайся отсюда. Два рывка — тяни изо всех сил. Один рывок — следуй за мной.

— Мне будет здесь одиноко, — вздохнул Джордино. — Только я и крабы.

Питт улыбнулся.

— Это ненадолго.

Он взял фонарик и сел на край выступа. Несколько раз вдохнул и выдохнул, проветривая бронхи и легкие, чтобы избавиться от углекислого газа. Наконец, убедившись, что легкие больше не вмещают воздух, соскользнул в темную воду и поплыл к дну пещеры.

Питт был великолепным ныряльщиком. Он почти две минуты мог оставаться под водой, сдерживая дыхание. Мышцы болели, порезы на коже жгло от соленой воды, но он плыл вниз, одной рукой придерживаясь за гладкую стену, другой держа и нацеливая фонарик. Стена на протяжении пятнадцати футов делала несколько резких поворотов, потом превратилась в конический проход. Питт наткнулся на груду упавших камней, которая едва не остановила его продвижение, но он сумел протиснуться над препятствием и обнаружил, что стены стремительно расступаются и уходят из поля его зрения. Он оказался в новом помещении и поплыл вверх, медленно шевеля ластом.

Через несколько секунд он вынырнул на воздух в галерее, залитой мягким желтым светом. Это был золотой мир, в котором все было различных оттенков желтого. Крыша по меньшей мере в двадцати футах над головой блестела множеством маленьких сталактитов, с которых на поверхность капала вода.

Питт по окрашенной в золото воде проплыл к грандиозной высеченной в скале лестнице, уходящей в длинный петляющий коридор со странными треугольными углублениями в ступеньках. По обе стороны лестницы в позе сфинкса стояли две статуи — мужчины с квадратными бородами и рыбьими хвостами вместо ног. Капающая вода проделала в статуях глубокие борозды, а сами статуи казались невероятно древними.

Питт уселся на нижней ступени, снял маску и поморгал, приспосабливаясь к необычному освещению. Плотный резиновый костюм начал раздражать рану. Осторожно, стараясь не трогать царапины, Питт снял его. Развернув нейлоновую веревку, он увидел, что ее остается едва ли три фута. Как только веревка натянулась, он резко дернул один раз и перебирал ее в руках, пока на поверхности не показалась курчавая голова.

— Я попал в желтый ад, — отплевываясь, сказал Джордино. Он убрал волосы с глаз и протянул Питту руку.

— Добро пожаловать в Дом Ужасов Дельфи.

Питт вытащил Джордино из воды.

Тот кивнул в сторону изваяний.

— Местная встречающая делегация? — Он потер рукой квадратную бороду, погладил каменную поверхность. — Есть догадки, откуда такой странный свет?

— Он словно исходит от самих скал.

— Так и есть, — согласился Джордино. — Посмотри на мою руку. — Он показал ладонь, от которой исходило слабое свечение. — Не могу

определить химический состав минералов, но я почти уверен, что они сильно фосфоресцируют.

— Никогда не думал, что фосфоресценция может быть такой яркой, — сказал Питт.

Джордино принюхался.

— Пахнет эвкалиптом.

— Это эвкалиптовое масло. Его используют, чтобы уменьшить влажность воздуха и не дать ему застояться.

Джордино тоже принялся снимать костюм, особенно осторожно стянув его с раненых ног. В причудливом свете Питт разглядел, что ноги его друга разодраны почти до костей; вскоре их окружила расползающаяся лужица крови. Но, подумал Питт, Джордино еще может ходить.

— Пойду разведаю лестницу. Может, посидишь, наслаждаясь видами?

— Ни в коем случае, — улыбнулся Джордино. — Думаю, разумней держаться вместе. Я выдержу. Ты, главное, смотри вперед.

Питт снова поглядел на кровоточащие ступни Джордино, потом на свои. «Какая жалкая группа вторжения, — подумал он. — Мы оба серьезно ранены».

— Ладно, крутой, только не изображай молчаливого героя.

Питт знал, что уговоры бесполезны. Джордино будет идти за ним, пока не потеряет сознание. Не ожидая ответа, он начал подниматься по ступеням.

С болезненной медлительностью они поднимались по этой фантастической лестнице в извивающемся туннеле. Слышалось только их затрудненное дыхание да плеск капель, срывающихся с потолка.

Туннель постепенно сужался и наконец достиг примерно пяти футов в высоту и трех в ширину. Ступеньки перешли в гладкий подъем.

— В следующий раз найди пещеру с эскалатором, — тяжело дыша, велел Джордино. Чтобы процедить сквозь стиснутые зубы эти слова, ему потребовались три вдоха.

— Небольшая разминка никому не вредит, — сказал Питт. Нужно, чтобы Джордино держался. Если они не найдут выход на поверхность над подводной вершиной, их ждет одинокая смерть под тяжестью тысяч тонн камней и воды.

Питт продолжал идти. Фонарик разрядился и еле светил, и Питт, не задумываясь, позволил ему выскользнуть из руки на каменный пол.

Постоял немного, глядя, как фонарик со звоном катится по туннелю в ту сторону, откуда они пришли. Задумался, что скажет Джордино. И в этот миг Питта коснулся холодный поток воздуха, кожа покрылась мурашками. Впереди вентиляционная шахта или отверстие. Вскоре показалась мягкая голубоватая дымка. Она словно дрожала, а стены начали отбрасывать мягкие зыбкие тени. Питт придвинулся ближе. Движения этой дымки казались странно знакомыми. «Почему я не могу вспомнить?» — с трудом думал он. Мозг сковала усталость, она поднималась из сосудов и останавливала мысль. Питт остановился и стал ждать Джордино, но тот не пришел.

Питт не смог подавить чувство одиночества и угнетенности. Во второй раз за последний час он заставил себя отдернуть черный полог, закрывавший сознание. Вытянул руку и коснулся мерцающего голубого света. Его пальцы встретились с мягкой ровной поверхностью.

— Занавес, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Просто занавес.

Он раздвинул складки и оказался в волшебном мире блестящих черных статуй и завешанных синими коврами стен. Огромное помещение украшали изящные скульптуры рыб из черного камня, тонувшие в темно-синем ковре. Такого ковра Питт никогда еще не видел. Ноги тонули в нем по щиколотку. Он поднял голову и увидел, что все фантастическое обрамление отражается в огромном зеркале, закрывающем потолок от стены до стены. В центре комнаты на четырех изваяниях, рыбах-парусниках, стояла кровать в форме раковины, а на ней на мягкой атласной простыне лежала обнаженная девушка. Ее белая кожа четко выделялась среди ярко-голубых и черных тонов обстановки.

Она лежала на спине, подняв одно колено, обхватив одной рукой маленькую белую грудь, словно ласкала ее. Лицо ее соблазнительно закрывали длинные гладкие волосы, которые сверкали и словно проходили сквозь подушку. Волнующаяся грудь подчеркивала то, какой у нее плоский и крепкий живот.

Питт неуверенно склонился к кровати и отвел волосы с лица девушки. Его прикосновение разбудило ее, и она еле слышно застонала. Глаза медленно открылись, взгляд остановился на Питте; в первое мгновение не стряхнувший еще дремоту рассудок словно не замечал окровавленный призрак над постелью. Потом красивое лицо исказилось от потрясения, пухлые соблазнительные губы разомкнулись для крика… но крик не прозвучал.

— Привет, Саммер, — с кривой улыбкой сказал Питт. — Случайно проходил мимо и решил заглянуть.

Дверца в сознании Питта плотно захлопнулась, и он наконец упал на ковер.

Глава 16

Питт потерял счет тому, сколько раз почти приходил в себя и пытался выбраться из темного тумана, только чтобы затронуть самый верх сознания и снова погрузиться в бездонную пропасть. В его сознании в калейдоскопическом беспорядке возникали люди, голоса и картины. Он пытался замедлить их появление, но безумные видения не уходили; а когда он открыл глаза, чтобы изгнать кошмары, то увидел кошмар наяву — звериные желтые глаза Дельфи.

— Доброе утро, мистер Питт, — сухо сказал Дельфи. Тон был вежливый, но в жестких чертах проступала ненависть. — Жаль, что вы ранены, но вы вряд ли можете кого-нибудь винить.

— Вы забыли повесить табличку «ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Голос Питта ему самому показался старческим.

— Недосмотр. Но ведь никто не приглашал вас в мощный поток, исходящий из газовой турбины.

— Газовой турбины?

— Да. — Казалось, Дельфи наслаждается нескрываемым недоумением Питта. — В моем святилище свыше четырех миль коридоров, и, как вы заметили, бывает очень холодно. Поэтому нам нужно отопление и подача электричества; все это обеспечивают турбины.

— Все удобства, — пробормотал Питт, стараясь, чтобы в голове прояснилось. — Вероятно, отсюда и туман на поверхности.

— Да, при вентиляции воздух, нагретый теплом турбинных установок, сталкивается с холодной водой, происходит конденсация. И пожалуйста: мгновенно возникает туманное облако.

Питт оттолкнулся и сел. Он попробовал посмотреть на свои наручные часы, но стрелки расплывались.

— Сколько времени я был без сознания?

— Вас обнаружили в спальне моей дочери ровно сорок минут назад.

Дельфи задумчиво смотрел на израненное тело Питта, не выказывая ни озабоченности, ни сочувствия.

— Есть у меня такая отвратительная привычка, — сказал Питт с улыбкой. — Всегда оказываюсь в женских спальнях в неудачное время.

Дельфи сохранил бесстрастие. Седовласый великан сидел на белом резном каменном диване, накрытом красным атласом, в то время как

Питт, как он сам сухо констатировал, лежал на холодном гладком мраморном полу.

На мгновение забыв о Дельфи, он стал разглядывать обстановку, напоминавшую футуристическое оформление Всемирной выставки. Комната удобных пропорций, примерно двадцать пять квадратных футов, стены украшены живописью — подлинники творений маринистов; картины развешаны аккуратно, но небрежно. Радужное освещение давали закрепленные на потолке медные светильники.

У дальней стены широкий, обитый красной кожей стол из каштана, а на нем современный дорогой селектор. Но отличало эту комнату от любой другой огромное окно, выходящее в глубины моря. Окно в виде арки почти десять на восемь футов; сквозь толстый, прозрачный хрусталь Питт видел сад спиралевидных и грибовидных камней, озаренных подводным светом. Вдоль нижнего края окна скользнула восьмифутовая мурена, голодными глазами посмотрев на обитателей комнаты. Дельфи не обратил на нее внимания; его золотые глаза под полуприкрытыми веками все еще смотрели на Питта.

Взгляд Питта вернулся к Дельфи.

— Этим утром вы не очень разговорчивы. — Дельфи улыбнулся. — Может, вас тревожит судьба вашего друга?

— Друга? Не понимаю, о ком вы.

— Человека с израненными ногами. Вы бросили его в коридоре.

— В наши дни мусор повсюду.

— Глупо изображать незнание. Мои люди обнаружили ваш самолет.

— Еще одна дурная привычка. Всегда ставлю машину на парковке так, что она мешает другим.

Дельфи пропустил эту реплику.

— У вас есть ровно тридцать секунд, чтобы объяснить, что вы здесь делаете.

— Ладно, я все расскажу, — наобум начал Питт. — Я нанял чартерный рейс, чтобы лететь в Лас-Вегас, пошляться по казино, но мы заблудились. Клянусь. Вот все, что я знаю.

— Очень остроумно, — устало сказал Дельфи. — Скоро вы будете просить меня сжалиться.

— Меня всегда интересовало, выдержу ли я пытку.

— Не вы, Питт. Я и не подумал бы причинять вам хоть малейшее неудобство. Есть несколько гораздо более утонченных способов узнать правду. — Дельфи встал с дивана и нагнулся к селектору. — Приведите второго. — Он выпрямился и наградил Питта жестокой, безжизненной улыбкой. — Устраивайтесь поудобней. Обещаю, ждать недолго.

Питт неуклюже поднялся. Он должен был бы шататься от усталости и головокружения. Но в кровь начал поступать адреналин, и в голове прояснилось.

Питт бросил взгляд на часы. 4:10. Через пятьдесят минут морские пехотинцы захватят передатчик на Мауи. Через пятьдесят минут «Монитор» превратит морскую гору в щебень. Теперь мало шансов остаться в живых. Но жертва стоит того, мрачно подумал он, если Кроухейвен сумел запустить «Старбак». Питт закрыл глаза и попытался представить «Старбак», как он идет в глубине океана обратно в Перл-Харбор, но почему-то не сумел.

Кроухейвен не мог вспомнить, когда в последний раз видел столько крови. Палуба рулевой рубки была залита ею, а среди приборных панелей несколько мест были забрызганы так, что напоминали абстрактные картины Джексона Поллока.

Вначале все шло гладко. Чересчур гладко. Они беспрепятственно проникли в спасательный отсек, успели даже снять акваланги и немного передохнуть. Но когда передовая группа «котиков» проникла в рулевую рубку «Старбака», разверзся ад.

Для Кроухейвена следующие четыре минуты оказались самыми страшными в жизни. Четыре минуты громового огня из автоматов «морских котиков», четыре минуты стонов и криков, которые отражали и усиливали стены затопленной субмарины.

Люди Дельфи отстреливались из своих необычных бесшумных пистолетов и падали, только когда получали не меньше полдюжины пуль в грудь. Кроухейвен мельком удивился, как они это терпят, не сходят с ума. Три человека умерли на месте, четвертый — уже после сообщения Хантеру. Ничто не могло их спасти. Что касается его стороны, то один «котик» погиб: пуля попала ему в висок, а еще трое были серьезно ранены. Стискивая зубы от боли, они сохраняли спокойствие: знали, что Кроухейвен, Волшебник, поднимет эту большую стальную западню и быстрее самой быстрой пули обеспечит им самое совершенное медицинское обслуживание.

Но он уже на четырнадцать минут отставал от графика. И жалел, что сам загнал себя в угол, пообещав адмиралу Хантеру запустить «Старбак» до четырех часов. Все дело в присасывании: за те шесть месяцев, что корпус пролежал на дне, оно стало слишком сильным. Все балластные

цистерны освобождены, но этого мало, чтобы вырвать корабль из хватки морского дна. Кроухейвен подумал, не ждет ли их участь первого экипажа «Старбака».

Подошел его заместитель, мрачный старший офицер из вольнонаемных.

— Больше нечего продувать, коммандер. Главные балластные цистерны пусты, опустошены все дизельные баки и баки с пресной водой. Лодка неподвижна.

Кроухейвен шлепнул по столу с картами, словно наказывал непослушного ребенка.

— Нет, клянусь богом, она сдвинется с места, даже если мне придется вырвать все ее внутренности.

— Он бешеным взглядом посмотрел на старшего офицера. — Полный назад!

Тот выпучил глаза.

— Сэр?

— Я приказал полный назад, черт побери!

— Прошу прощения, коммандер, но так мы выведем из строя винты. Сейчас они наполовину зарылись в песок. Весьма вероятно, что мы срежем вал.

— Не все ли равно, как умирать? — ледяным тоном ответил Кроухейвен. — Мы вытолкнем эту заразу отсюда, как мула из болота. Хватит споров! Полный назад на пять секунд, а потом на пять секунд полный вперед. И продолжайте в том же духе, пока мы ее не превратим в металлолом или пока она не вырвется.

Офицер пожал плечами, признавая поражение, и ушел в машинное отделение.

Через полминуты после пуска турбин пришел первый тревожный доклад.

— Коммандер, говорит машинное отделение -- раздался в громкоговорителе голос офицера. — Она больше не выдержит. Мы уже согнули лопасти винтов, проворачивая их в песке. Сбили баланс, они вибрируют, как бешеные.

— Продолжайте! — рявкнул в микрофон Кроухейвен. Ему не нужно было докладывать: он слышал, как сотрясается палуба под ногами, когда гигантские винты ударяют о дно.

Кроухейвен подошел к рыжеволосому и веснушчатому молодому человеку, который стоял у панелей управления, напряженно всматриваясь в освещенные шкалы приборов. Лицо молодого человека побледнело, он что-то шептал про себя; Кроухейвен догадался, что он молится. Он положил руку технику на плечо и сказал:

— Когда в следующий раз дадим полный назад, выбрасывайте все торпедные аппараты.

— Думаете, это поможет, сэр? — умоляюще спросил тот.

— Немного, но я готов хвататься за любую соломинку.

Снова послышался голос офицера из машинного отделения.

— Левый винт сорван, коммандер. Переломан у основания. Сорвал при этом два подшипника.

— Продолжайте процедуру, — ответил Кроухейвен.

— Но, сэр. — В голосе офицера звучало отчаяние. — Что, если и правый винт сорвет? Как мы доберемся до дома, даже если поднимемся на поверхность?

— Будем грести, — коротко ответил Кроухейвен. — Повторяю: продолжайте процедуру!

Если срежет оба винта, так тому и быть. Но пока правый винт держится. И если есть хоть малейший шанс спасти «Старбак» и экипаж, они не сдадутся. Боже, подумал Кроухейвен, как могло так много пойти прахом в самую последнюю минуту?

Лейтенант морской пехоты США Роберт М. Бакмейстер, выпуская автоматную очередь в сторону бетонного бункера, думал о том же. Самые тщательно продуманные планы мышей и людей[10], подумал он. Операция казалась простой. Захватить передатчик, говорилось в приказе. Группа флотских по-прежнему скрывается в тропической растительности, дожидаясь возможности воспользоваться оборудованием и послать кодированный сигнал непонятного Бакмейстеру содержания. Лейтенантам-морпехам редко сообщают закрытую информацию. То, что тебя могут убить, — в порядке вещей, и ты не должен знать, чего ради.

Старое армейское сооружение на северо-западном конце Мауи казалось мирным и брошенным, но, как только взвод лейтенанта начал пересекать периметр, они столкнулись с таким количеством сигнального и предупреждающего оборудования, каким не окружено и хранилище золота в Форт-Ноксе. Провода под напряжением, лучи света, приводящие в действие сирены, от которых лопаются барабанные

перепонки, яркие прожекторы, заливающие все сооружение ослепительным обнажающим светом. Ни о чем подобном нас не предупреждали, с горечью подумал лейтенант. Плохо разработали операцию — не дали подробных сведений о возможных препятствиях. Пусть он всего лишь лейтенант, но он лично выскажет все, что думает, тем командирам, по чьей вине так вышло.

Из окон, из дверей, с крыши — из всех точек здания, которое только что казалось совершенно пустым, защитники открыли сильный автоматный огонь, сразу остановив отряд Бакмейстера. Морские пехотинцы ответили, и их огонь оказался смертельным: вокруг отверстий, похожих на входы в бункер, начали нагромождаться тела. В самый разгар боя могучий, с седыми висками сержант пробрался по тени, избегая прожекторных лучей, и бросился на землю рядом с Бакмейстером.

— Я забрал у мертвеца автомат! — крикнул он, перекрывая грохот выстрелов. — Это русский Калашников.

— Русский? — недоверчиво переспросил Бакмейстер.

— Да, сэр. — Сержант показал Бакмейстеру автомат. — Новейшее оружие в арсенале советской армии. Не понимаю, как он попал к тем парням.

— Это оставьте разведке.

Бакмейстер снова посмотрел на здание, в котором прятали передатчик: в темноте огонь только усилился.

— Капрал Данциг и его взвод застряли у подпорной стенки. — Сержант дал несколько коротких очередей, чтобы отвлечь внимание обороняющихся. — Отдал бы всю свою пенсию за девяностомиллиметровую противотанковую пушку! — выкрикивал он между очередями.

— Мы должны были захватить противника врасплох, помните? Нам сказали, что тяжелое вооружение не понадобится.

Неожиданно прогремел грандиозный взрыв; поднялось гигантское облако пыли, и везде градом посыпались куски бетона. От сотрясения Бакмейстер ахнул, потом медленно встал и посмотрел на обломки здания с передатчиком.

— Радист! — закричал он. — Где радист, черт побери?

Из темноты выбежал морской пехотинец с черным лицом, в зеленом камуфляжном комбинезоне.

— Здесь, лейтенант.

Лейтенант Бакмейстер взял протянутый микрофон, боясь того, что предстоит сказать.

— Папаша… Папаша. Говорит Безумный Торгаш.

— Папаша слушает, Безумный Торгаш. Говорите. Прием.

Голос звучал так, словно шел со дна колодца.

— Банда кварталом ниже взорвалась прямо у нас перед носом. Повторяю, взорвалась прямо у нас перед носом. Сегодня у нас нет времени на ночные новости.

— Папаша понял, Безумный Торгаш. Он шлет свои сожаления. Конец передачи.

Бакмейстер уложил микрофон в гнездо. Он кипел от ярости, и ему было все равно, если об этом узнают все вплоть до Пентагона. Что-то этой ночью пошло наперекосяк. Дело не пахло, а зловеще разило керосином. И когда вокруг начали собираться его люди, он подумал, что никогда не узнает, кто же сегодня победил.

Глава 17

Дверь открылась; двое втащили в комнату Джордино и грубо швырнули на пол. У Питта перехватило дыхание. Эл был в жалком состоянии: его израненными ногами никто не занимался, ни малейших признаков бинтов или санитарной обработки. Из пореза над левым глазом натекла кровь, которая засохла, отчего глаз наполовину закрылся. Лицо было злобное, вызывающее.

— Ну, майор Питт, — укоризненно сказал Дельфи. — Ничего не скажете другу детства? Нет? Может, вы забыли, как его зовут? Элберт Джордино… это имя ни о чем вам не говорит?

— Вы знаете его имя?

— Конечно. Что тут удивительного?

— Ничего, — равнодушно ответил Питт. — Думаю, Орл Сайнана передал вам все сведения о Джордино и обо мне.

Мгновение казалось, что великан за столом его не услышал. Потом слова Питта проникли в его сознание, и он вопросительно поднял бровь.

— Капитан Сайнана? — Голос звучал невозмутимо, но Питт уловил в нем легкую тень сомнения. — Вы забросили удочку не туда. У вас нет ничего…

— Перестаньте притворяться, — прервал его Питт. — Сайнана получал свое капитанское жалование во флоте США, но играл он на вашей стороне. Отлично придумано: осведомитель на самом верху у противника. Вы узнавали обо всех планах 101-го отделения еще до того, как они ложились на бумагу. Как вы завербовали Сайнану, Дельфи? Деньги? Шантаж? Судя по вашему прошлому опыту, я думаю, шантаж.

— Вы очень наблюдательны.

— На самом деле нет. Слишком легкий след. Славный капитан потерял свою ценность как осведомитель. Он не мог больше играть роль предателя. Сайнана начал сдавать, он был на грани нервного срыва. Добавьте его связь с Адрианой Хантер... Сайнану нужно было устранить, прежде чем он выдаст вашу организацию. Но ваш убийца ошибся, Дельфи. И все испортил.

Дельфи с подозрением посмотрел на Питта.

— Вы догадались?

— Это не догадка, — сказал Питт. — Ваши планы спутала случайная встреча в баре отеля «Роял Гавайи». Когда я туда зашел, Сайнана ждал Адриану. Он, конечно, не знал, что я тоже резвился с Адрианой, но не мог рисковать, познакомив нас: свидание в темном баре с дочерью адмирала, которая на двадцать лет моложе его, могло вызвать большие осложнения, — поэтому он ушел раньше, чем она появилась. И, когда на сцене появилась Саммер в роли убийцы, она приняла меня за Сайнану. Почему нет? Я подхожу по описанию. В тот вечер мы оба были в штатском, а главное — я выпивал с мисс Хантер как ее хороший знакомый. У Саммер не появилось и тени сомнения. Она разобралась с Адрианой, потом выманила меня на пляж и попыталась сделать смертельный укол. И только когда она оказалась в моем номере, до нее начало доходить, что она страшно ошиблась. Первый намек я получил, когда она назвала меня капитаном. А позже вы сами дали подсказку, признав, что у вас был осведомитель. Я сложил два и два, получилось — Сайнана. В целом все элементарно.

Странный вы человек, Дельфи. Какой еще отец послал бы дочь ночью убивать? Вас не назовешь «отцом года». Даже ваши наемные приспешники бродят, как роботы. В чем ваша хитрость, Дельфи? Вы добавляете им в хлопья на завтрак отупляющий наркотик? Или гипнотизируете их своими поддельно желтыми глазами?

Дельфи, казалось, потерял уверенность в себе: Питт вел себя не так, как человек, пришедший к концу пути.

— Вы слишком далеко заходите.

Дельфи наклонился и гипнотическим взглядом посмотрел в зеленые глаза Питта.

Взгляд Питта не дрогнул. Питт не моргая смотрел в глаза противнику.

— Не перенапрягитесь, Дельфи. На меня это не действует. Как я сказал, взгляд у вас фальшивый. Желтые контактные линзы, всего-навсего. Вы не можете загипнотизировать человека, который над вами смеется. Вы прожженный мошенник. Лавелла и Роблман. Кого вы пытаетесь обмануть? Вы не достойны вытирать за ними написанное с доски. Вы даже на Фредерика Морана не смогли произвести впечатления...

Питт неожиданно замолчал и шарахнулся: Дельфи, стиснув в гневе зубы, выскочил из-за стола, размахнулся, и его кулак описал дугу. Дельфи вложил в удар всю свою невероятную силу, но гнев ослепил его и помешал верно рассчитать движение — кулак просвистел мимо цели, не встретив сопротивления. Он споткнулся, повернулся и потерял равновесие, со стоном опустившись на четвереньки: это Питт ударил его кулаком в бок. И остался стоять, чуть покачиваясь.

В комнате наступило ошеломленное молчание. Дельфи неуверенно встал, держась за крышку тяжелого стола. Дышал он тяжело, губы вытянулись в ниточку.

Питт стоял неподвижно, браня себя за несдержанность. Он не сомневался (да и кто усомнился бы?) в том, что Дельфи намерен убить его и Эла. Дельфи открыл ящик стола и достал пистолет. Не то оружие, которым были вооружены его люди — вряд ли от Дельфи можно было ожидать, что он станет пользоваться таким оружием, — а тяжелый вороненый автоматический «кольт» 45-го калибра. Дельфи неторопливо разломил пистолет, проверил заряды и снова защелкнул его. Желтые глаза не менялись, они ничего не выражали и, как всегда, оставались холодными как лед. Питт повернулся и посмотрел на Джордино. Тот ответил сухой улыбкой. Они напряглись в ожидании конца. Но Дельфи оторвал взгляд от цели и посмотрел на дверь.

— Нет, отец! — взмолилась Саммер. — Не надо!

Она стояла в дверях, одетая в зеленое платье, доходившее до середины бедер; ее гладкая кожа, великолепно смуглая от загара, излучала тепло и уверенность. Кровь быстрее побежала по жилам Питта. Девушка вошла в комнату, уверенно и дерзко глядя на Дельфи.

— Не вмешивайся, — прошептал Дельфи. — Тебя это не касается.

— Ты не можешь просто застрелить их здесь, — настаивала Саммер. — Не можешь! — Ее огромные серые глаза неожиданно стали мягкими и умоляющими. — Не в этих стенах!

— Их кровь можно будет смыть.

— Это нехорошо, отец. Ради безопасности нашего святилища ты убивал. Но снаружи, в море. Нельзя приносить смерть в этот дом.

Дельфи помешкал и молча опустил пистолет.

— Ты права, дочь. — Он улыбнулся. — Смерть от пули слишком быстрая, слишком милосердная и оставляет слишком много грязи. Отправим их на поверхность. Дадим им шанс выжить.

— Отличный шанс, — проворчал Питт. — В сотнях миль от ближайшей суши. А людоеды ждут человеческой плоти. Душевные вы ребята.

— Хватит глупых разговоров. — На лице великана появилось сардоническое выражение. — Я по-прежнему хочу узнать, как вы сюда попали, и не намерен тратить время на ваши шуточки.

Питт небрежно взглянул на часы.

— Тридцать одну минуту, если быть точным.

— Тридцать одну минуту?

— Да. Через тридцать одну минуту ваша драгоценная пещера обвалится.

— Снова шутим, друг мой? — Дельфи подошел к окну и не мигая посмотрел на мурену, потом резко обернулся. — Сколько еще человек было в вашем самолете?

Питт ответил вопросом на вопрос:

— Что стало с Лавеллой, Роблманом и Мораном?

— Опять резвитесь?

— Нет, я абсолютно серьезен. Ответьте на несколько вопросов, и я расскажу вам все, что вы хотите знать. Даю слово.

Дельфи задумчиво посмотрел на пистолет. Потом убрал его в ящик стола.

— Я вам верю. Начнем с того, майор, что моя настоящая фамилия Моран.

— Фредерику Морану, если он жив, сейчас должно быть восемьдесят.

— Я его сын, — медленно сказал Дельфи. — Я был молодым человеком, когда отец с доктором Лавеллой и доктором Роблманом отправился на поиски острова Каноли. Видите ли, отец был пацифистом. После того как Вторая мировая война завершилась атомной

бомбардировкой, он понял, что гибель человечества в атомной катастрофе теперь лишь вопрос времени. Когда страны вооружаются для войны, оружие никогда не останется в бездействии, сказал он однажды. И начал искать район, где не было бы радиации и который располагался бы вдали от целей. Со временем он понял, что эта подводная база — идеальное убежище. Когда много столетий назад остров Каноли ушел под воду, это случилось внезапно, без вулканической активности или больших катаклизмов. Это оставляло надежду, что церемониальные пещеры и туннели, о которых говорится в легендах, могли уцелеть. Лавелла и Роблман сочувствовали отцу; они вместе с ним взялись за поиски погибшего острова. Почти через три месяца прослушивания морского дна они нашли его и сразу начали разрабатывать планы осушения пещер и коридоров. Только через год они смогли разместиться внутри вершины подводной горы.

— Как удавалось держать такие работы в тайне? — спросил Питт. — В записях говорится, что экспедиционное судно исчезло через несколько месяцев после выхода из порта.

— Это не представляло особого труда, — продолжал Дельфи. — Корпус судна изменили таким образом, чтобы ныряльщики могли выходить в океан и возвращаться. Мы изменили название на корме, перекрасили надстройку, — и судно превратилось в незаметный торговый корабль, идущий по своему маршруту. Главной проблемой была не скрытность, а финансирование.

— Остальное я знаю, — уверенно сказал Питт.

Дельфи посмотрел на него. Саммер шагнула вперед. На их лицах отразилось одинаковое недоверие.

— Странно, что вы этого не заметили: 101-е отделение и вообще все Морское министерство давно проникли в вашу тайну.

— Зачем вы лжете? — спросил Дельфи.

— Могли бы догадаться, Дельфи. Помните, как вы уходили из моего номера? Я упомянул Каноли, но вы и глазом не моргнули. Вероятно, потому что знали: я все равно умру и мое маленькое открытие не будет иметь никаких последствий.

— Но как… как вам удалось?..

— Куратор Музея Бишопа. Он помнил вашего отца. Но это было только начало. Передо мной лежали все части головоломки, требовалось только сложить их. — Питт подошел к Джордино и наклонился над ним. Потом снова посмотрел на Дельфи. — Вы убиваете из алчности, исключительно. В такой хладнокровной философии вы воспитали даже собственную дочь. Ваш отец, возможно, и был пацифистом, но то, что

доктор Моран начинал как чисто исследовательское, гуманитарное предприятие, в ваших руках превратилось в крупнейшее пиратство в истории мореходства.

— Ну-ну, продолжайте, — мрачно сказал Дельфи. — Я хочу услышать все.

— Хотите услышать, как это выглядит с другой стороны? — спросил Питт бесстрастно. — Хотите знать, каким вы останетесь в истории? Отлично. Но прежде чем продолжить, я был бы весьма благодарен, если бы Джордино устроили чуть удобнее. Меня смущает то, что он лежит на полу, как животное.

Дельфи неохотно кивнул охранникам, и те за руки подняли Джордино и перенесли на мягкий красный диван. И только когда Джордино удобно устроился, Питт продолжил. Следующие несколько минут пропадут зря, если он не сумеет разгадать план, стоящий за необычной организацией Дельфи. Если у них будет хотя бы один шанс из сотни спастись от взрыва, нужно убрать Джордино и Саммер из этой комнаты. Первым сдастся огромное хрустальное окно, в него хлынут миллионы галлонов морской воды. Теперь он может молиться только о передышке. Питт набрал в грудь побольше воздуха, надеясь, что воображение придет ему на помощь, и начал.

— К тому времени как ученые сделали подводную вершину пригодной для жизни, надобность в судне вашего отца, «Эксплорере», отпала. Доктору Морану нужны были деньги, чтобы продолжить подводное строительство, и он прибегнул к самому распространенному на земле мошенничеству — к операциям со страховкой. Его совесть утешалась мыслью о том, что он лишит этой горсти долларов правящие круги. Подумаешь! Он, и Лавелла, и Роблман порвали связи с обществом. Поэтому он отвел «Эксплорер» в Штаты, забил его трюмы всяким хламом, застраховал судно и груз по максимальному тарифу — все это, конечно, под другим названием и с другими данными в реестре. Потом отвел судно к Каноли, здесь открыл кингстоны, и оно стал первой жертвой Водоворота. Ваш отец немедленно затребовал страховку.

Этот план работал так гладко, что после смерти ученых, которые больше не могли вам возражать, вы, Дельфи, не удержались от искушения поставить дело на широкую ногу. Но вы усовершенствовали операцию. Вы покусились на не принадлежащие вам корабли. При этом прибыль возрастает, ведь не приходится вычитать первоначальную стоимость судна. Должно быть, чертовски выгодно. Да он до сих пор такой. Все просто почти до нелепости. Несколько ваших людей нанимаются матросами на торговое судно, идущее от материка на запад в Индию или в страны Дальнего Востока. Почему всегда на запад? Западные судоходные маршруты проходят прямо над вашим задним двором; но мало того,

что Каноли на пути — товары американских марок легче продать здесь, на черном рынке. Вашим людям нужно только отклонить корабль на несколько градусов от курса, дать в машинное отделение команду «Стоп машина!» и дождаться, когда ваши пираты поднимутся на борт и перебьют остальной экипаж.

Ни следа этих судов не находят. Да и как их найдешь? К телам привязывают груз и бросают за борт, корпус целиком, от носа до кормы, перекрашивают, меняют несколько заметных особенностей надстроек, и готов новый корабль. Надо еще продать груз; если его легко отследить и он слишком опасен, вам приходилось выбрасывать его в море. Под новым названием вы проделывали несколько обычных рейсов, потом страховали корабль и топили в окрестностях вершины, так что всегда могли его найти и снять нужные запасные части, чтобы вносить новые усовершенствования в ваш злополучный флот. Боже, Дельфи, как позавидовали бы вашей организации пираты испанского побережья Америки! По сравнению с вами все они кучка фигляров. Вы заставили весь мир поверить, что тут лежит больше тридцати судов, тогда как на самом деле их меньше половины. Каждое из них дважды числится пропавшим. Один раз под настоящим названием, потом под новым, вашим.

— Очень проницательно.

Презрение в тоне Дельфи противоречило задумчивости в его взгляде.

— «Лили Марлен», — спокойно продолжал Питт, — вот это было хитро. Ситуация вокруг подводной вершины становилась слишком напряженной, опасной — слишком много яхт появилось, все пытались найти пропавшие корабли. Рано или поздно эхолот или магнитометр на каком-нибудь судне засекли бы затопленные корпуса. Поэтому, чтобы избавиться от этой суеты, вы сочинили историю «Лили Марлен».

Береговая охрана, военный флот, торговые пароходства — всех увлекло загадочное открытие на борту этой яхты. Из вас вышел бы замечательный пиарщик, Дельфи. Описание мертвецов с зеленой кожей и обгорелыми лицами внушило страх неведомого всем суеверным морякам Тихого океана. Суда и экипажи начали, как от чумы, бежать от этих мест. Вы всех провели. Никто и не подумал о подделке. Вы послали ложное радиосообщение с борта «Лили Марлен». Радист к тому времени был уже мертв. Экипаж испанского торгового судна «Сан-Габриэль» убил и его, и весь экипаж яхты.

Питт помолчал, чтобы Дельфи осознал его слова.

— Это был искусный ход: «Лили Марлен» взорвалась и разнесла на куски абордажную группу. На самом деле никакого взрыва не было, яхту захватили и увели на подводную вершину для полной смены внешности.

Слишком ценное судно, чтобы его взрывать. Вероятно, сейчас оно стоит где-нибудь в Гонолулу под новым названием, зарегистрированное, по крайней мере по документам, на какую-нибудь фирму, которая владеет остальными вашими судами. Что же это за фирма? Опять «Металлургическая компания «Рыбы»?

Лицо Дельфи окаменело.

— Вы знаете о «Рыбах»?

— Да все знают, — ответил Питт. — Можете не сомневаться, что все, чем вы владеете за пределами подводной вершины, арестовано. Ваш самолет-амфибия, офисные помещения, радиопередатчик на Мауи — это лишь малая часть. — Питт понял, что угадал. — Вы все отлично организовали, Дельфи. Предусмотрели все неожиданности. Даже если какой-нибудь корабль посылал сигнал SOS, ваш передатчик на острове успешно заглушал его, а потом отправлял ложное сообщение — указывал координаты корабля за сотни миль оттуда, где происходил пиратский захват.

Лицо Дельфи превратилось в злобную маску.

— Вы должны были умереть, Питт. Трижды.

— А, да, — пожал плечами Питт. — Грязный тип в сером грузовике — раз. Очень примитивная и грубая попытка, при вашей-то утонченности. Но, вероятно, время поджимало, особенно после того как Сайнана сообщил вам, что в то утро меня прикрепили к адмиралу Хантеру и его штабу. После неудачи Саммер накануне вечером было бы очень неприятно, если бы я начал собственное расследование или, того хуже, если бы Адриана неосторожно раскрыла свою связь с Сайнаной. Все вело к одному: Питта нужно убрать, и побыстрей.

— Вы умны, — медленно сказал Дельфи. — Куда умнее, чем я считал. Но сейчас это уже неважно. Вы блефуете. Ваши догадки удивительно точны. Но с моим отцом вы промахнулись. Он был хороший человек. Он и остальные ученые погибли, когда неожиданно отказал насос. Утонули в туннеле вскоре после того, как закончили работу. План захвата судов принадлежит исключительно мне. Я придумал и спланировал всю операцию, начиная с «Эксплорера». Я делал ошибки, но не такие, какие нельзя было бы исправить. Да, мистер Питт, вы блефуете. Капитан Сайнана продолжал меня информировать вплоть до своей безвременной кончины. И за последние двадцать четыре часа капитан Хантер не мог узнать всю эту историю.

Дельфи провел ладонью по лбу и потер глаза. Он словно старался стереть ошибки прошлого.

— Вы — моя самая непростительная ошибка. Три десятилетия полной изоляции, а вы едва все не разрушили.

— Тридцать лет — чересчур мало, чтобы забылось такое страшное преступление, — сказал Питт. — Вы погубили себя, Дельфи. Откусили больше, чем можете разжевать. И самая большая ваша ошибка — захват «Старбака». Одно дело — захватить торговый корабль или прогулочную яхту. Береговая охрана обычно проводит только поверхностный осмотр места последнего известного пребывания судна. Но когда исчезает военный корабль, как бы далеко или глубоко ни было место исчезновения, ВМФ не перестает прочесывать море, пока не найдет следы катастрофы.

Дельфи долго смотрел в панорамное окно.

— Если бы коммандер Дюпре придерживался первоначального курса, если бы не отклонился и не обнаружил наше святилище, и он, и его экипаж были бы живы.

Глаза Питта превратились в круглые куски льда.

— Как вы это сделали? Как захватили субмарину под водой?

— Ну, это просто, — ответил Дельфи. — Мои люди натянули на пути лодки прочный стальной трос и запутали винты. Когда лодка остановилась, мы открыли несколько наружных кингстонов балластных цистерн, вода заполнила воздушные танки и два внутренних помещения. Лодка опустилась на дно, ее низкочастотные радиосигналы глохли, а спасательные люки были задраены снаружи. Несколько месяцев спустя, когда кончились продукты и экипаж ослаб, мои люди вошли и избавились от него.

— Действительно просто, — мрачно сказал Питт. — «Старбак» стал величайшей добычей столетия, драгоценным апогеем преступной деятельности. А вы были свободны и в безопасности. Флот искал лодку в сотнях миль отсюда. Требуется всего несколько дней, чтобы осушить затопленные отсеки, и вот «Старбак» как новый, а над ним всего девяносто футов воды. Но у вас возникла проблема, Дельфи. Вначале я этого не понял: выходила ерунда. В ваших руках была самая современная ядерная подводная лодка с полным комплектом ракет с боеголовками, она лежала буквально у вашего порога, а вы и на дюйм ее не сдвинули, потому что не знаете, как ею управлять. «Старбак» — чрезвычайно сложный комплекс механизмов. После смерти вашего отца и других ученых только вы обладали определенным интеллектом. Вся ваша организация построена на слепом повиновении. Ни у кого из ваших людей нет и унции мозгов. Поэтому вы оставили в живых матроса Фарриса — в надежде, что он обучит ваших людей или сам возьмется доставить лодку в русский или китайский порт, где ее можно было бы продать. Но Фаррис лишился рассудка. Слишком тяжелым испытанием

оказалась для него смерть или исчезновение товарищей и офицеров, когда он остался один. Он тронулся. И никогда не придет в себя.

— Небольшая ошибка в расчетах, — устало сказал Дельфи.

— А что случилось с «Андреем Выборгом», Дельфи? Русские решили, что вору у вора дубинку украсть не зазорно, и попытались отобрать «Старбак»?

— На этот раз вы полностью ошибаетесь, майор. — Дельфи осторожно потер место, куда его ударил Питт. — У капитана «Андрея Выборга» возникли подозрения. Когда ваша «Марта-Энн» очень уж надолго задержалась в одном месте, он явился посмотреть, в чем дело. Мне ничего не оставалось, кроме как устранить его следом за всеми остальными.

— Потеря «Марты-Энн», должно быть, разбила вам сердце, — ядовито сказал Питт. — Испортила отчетность: единственное судно, сумевшее уйти от вас.

— К несчастью, мы понесли слишком большие потери, пытаясь захватить его, — сказал Дельфи. — На «Марте-Энн» включилась автоматическая система, и она начала возвращение в Перл-Харбор до того, как мои люди сумели предпринять шаги, необходимые для ее захвата.

— Вы могли бы взорвать ее из-под воды.

— Слишком поздно. Капитан Сайнана предупредил нас, что с островов летит новый экипаж судна. Мы едва успели убрать своих мертвых и раненых.

— Кажется, все у вас пошло наперекосяк, — будничным тоном заметил Питт.

— Вы были на «Марте-Энн», — холодно сказал Дельфи. — Это вы перестреляли моих людей и увезли экипаж на вертолете. Вы всегда срывали мои планы.

— Сами виноваты, — ответил Питт. — Не забудьте, это вы пригласили меня поучаствовать. Я не подряжался находить капсулы с поддельными сообщениями.

Дельфи ощерился.

— Зачем вы явились сюда? — спросил он. — Какова ваша цель?

— Спасти Адриану Хантер, — ответил Питт.

— Ложь! — крикнул Дельфи.

— Как угодно.

Неожиданно глаза Дельфи округлились; он понял. И изо всех сил ударил Питта по лицу, так что Питт отлетел к стене, ощущая во рту вкус крови.

— Субмарина, — тихим, ничего не выражающим голосом сказал Дельфи. — Вы увидели, что «Старбак» подчиняется управлению, убили моих людей и сбежали с Фаррисом. А теперь вернулись с экипажем за лодкой.

— Как и обещал, — ответил Питт. — Я всегда говорю правду. Вы правы, Дельфи. Я привел с собой экипаж подводников, которые должны увести «Старбак». Пока мы тут с вами обсуждали ваши преступления, экипаж поднял лодку со дна. — Питт взглянул на часы. Было без одиннадцати пять. — Я бы сказал, что сейчас она в двадцати пяти милях к югу от нас.

Как переменчиво военная удача, — продолжал он спокойно. — Но не стоит удивляться. Было бы глупо считать, что вам все вечно будет сходить с рук. Через одиннадцать минут ракетный крейсер «Монитор» выпустит маленькую ядерную боеголовку в самую середину вашей драгоценной подводной горы. Через одиннадцать минут мы все умрем.

— Ничто не может разрушить эти стены, — ровным тоном ответил Дельфи. — Осмотритесь, майор. Подножие этой горы гранитное, твердый гранит или кварц. Он крепче усиленного бетона.

Питт покачал головой.

— Одна трещина. Довольно всего одной трещины. И тысячи тонн воды ворвутся в пещеры, словно из пожарного шланга. Вода раздавит всех, не дав даже возможности утонуть.

— Вы очень изобретательны, — сказал Дельфи. — Но ведь, пока здесь вы, капитан Джордино и мисс Хантер, снаряд не выпустят.

— Я бы не рассчитывал на это. Решение принимают в Вашингтоне, а не адмирал Хантер. Вы недооцениваете Хантера. Он не станет нарушать приказ. К тому же он, вероятно, считает, что мы с Джордино уже мертвы. Что касается Адрианы... Когда все закончится, никто не узнает, что дочь адмирала погибла во время военно-морской операции по уничтожению Тихоокеанского Водоворота. Хантер человек мужественный: он без колебаний принесет в жертву Адриану, если это поможет уничтожить вас.

Спокойное выражение медленно сошло с лица гиганта, уступив место неуверенности.

— Слова. Это только слова. Вы ничего не можете доказать.

Питт решил выложить последнюю карту. Осталось десять минут — теперь все или ничего.

— Я могу доказать, что мои слова истинны, как евангелие. Проверьте свою радиочастоту. Вы убедитесь, что ваш передатчик на Мауи в руках морских пехотинцев США. Вы также обнаружите, что последние двадцать минут адмирал Хантер пытается связаться с вами, чтобы предложить сдаться.

Дельфи вдруг рассмеялся, злобно и сердито.

— Вы дурак, — ухитрился он выговорить между приступами смеха. — Болван. Олух. Ваш блеф — пшик. Вы не так умны, как считаете. Но вы ведь не могли знать, верно? Станция на Мауи давно не моя. Я ее продал, продал русским. Не я отслеживал ваши передачи, а русские. Советский флот дорого заплатил мне за радиостанцию так близко к военно-морскому штабу США на Гавайях. Следя за сообщениями 101-го отделения, они надеялись отыскать «Старбак». Роскошно сели в калошу, не находите? Заключить сделку с организацией, которая уже захватила субмарину! — Он мстительно поглядел на Питта. — Если вы ждете спасения в последнюю минуту, напрасно, мой дорогой. Не будет никакой передачи от адмирала Хантера, никакого предложения о сдаче; и ядерной ракеты не будет, потому что я покидаю подводную вершину. Она свою роль сыграла. Завтра я начну перевод своей организации на новое место. Мое коммуникационное оборудование здесь уже разобрано, а без него нет контакта ни с Перл-Харбором, ни с другим местом.

Питт ничего не ответил. Он просто стоял, гадая, станут ли следующие десять минут последними.

— И это далеко не все, — насмешливо продолжал Дельфи. — Вы увели «Старбак» на двадцать миль отсюда, как же! Большая нужна практика, чтобы лгать с таким убежденным видом? — Он громко рассмеялся. — В одном вы были правы, Питт: у меня не было опытного экипажа, и я не мог управлять лодкой. Но в ее балластной системе я разобрался. В данный момент все воздушные танки пусты. Но лодка по-прежнему на дне. Нужна большая спасательная операция, чтобы высвободить ее. За месяцы, проведенные на одном месте, дно лодки присосалось к дну, и никаким освобождением от балласта это сцепление не разорвать. Да, жаль. Ваш экипаж подводников все-равно что мертв, если на самом деле не погиб от рук семерых моих лучших людей. Я знал, что ваш флот так легко не сдастся. Я знал, что он вернется и снова попытается вернуть драгоценную подлодку, поэтому оставил на борту своих самых доверенных людей — тех, что любят убивать. Против них у вашего экипажа нет и одного шанса из десяти тысяч.

Питт прыгнул на Дельфи, стараясь заехать желтоглазому кулаком по зубам. Но один из охранников выстрелил в него и попал в левое плечо. Питт боком ударился о стену и медленно скользнул на каменный пол.

Саммер сдавленно крикнула. Ее радужки вокруг огромных черных зрачков побелели; она дернулась в сторону Питта, потом неуверенно взглянула на отца. Тот покачал головой, и она послушно отступила.

Джордино не шелохнулся. Он без выражения смотрел на Питта, но Питт уловил едва заметный, в миллиметр, предупреждающий кивок.

— Вы выиграли битву, — сквозь зубы прошипел Питт. — Но войну вы не выиграли.

— Опять ошибаетесь, майор Питт. Я победил. Победил во всем. «Старбак» послало мне небо. Как только я сумею передать лодку, передать право владения, скажем так, я сверну свою деятельность здесь, в Тихом океане, и займусь менее рискованными предприятиями. Я уверен, новые владельцы очень обрадуются ракетам «Гиперион».

— Ядерный шантаж! — Питт сплюнул. — Вы с ума сошли.

— Ядерный шантаж? Ну, ну, майор. Это мелко. Только для героев шпионских романов. Я не намерен шантажировать сверхдержавы угрозой ядерного холокоста. Мои мотивы — исключительно прибыль. Что бы вы ни думали, мне не нравится беспричинно убивать женщин и детей. Мужчина — другое дело. Убить мужчину то же самое, что убить животное. Никаких угрызений совести впоследствии.

Питт выпрямился, держась за стену.

— Никто не знает этого лучше вас.

— Да, — продолжал Дельфи. — Мои планы гораздо тоньше; хитрость в их простоте. Я договорился продать «Старбак» и его системы вооружения одной из арабских нефтяных держав. Впрочем, разница невелика. Важно лишь, что они готовы заплатить много и не торгуясь.

— Вы сумасшедший, — повторил Питт. — Совершенно и безнадежно тронутый.

Но Дельфи не казался сумасшедшим. Все, что он говорил, звучало логично. Любая из богатых нефтяных арабских стран готова стать счастливым покупателем.

— Скоро узнаем, — сказал Дельфи. Он подошел к селектору и сказал: — Приготовьте мою минисубмарину. Буду через пять минут. — Потом повернулся к Питту. — Личный инспекционный осмотр «Старбака». Передам уцелевшим из вашего экипажа, если они есть, привет от вас.

— Зря тратите время, — с горечью сказал Питт.

— Думаю, нет, — презрительно ответил Дельфи. — Субмарина там, где я ее оставил.

— Флот никогда не отдаст «Старбак»; скорее уничтожит его.

— Завтра к этому времени флот никто не спросит. Арабы будут тут и начнут поднимать корабль. Это международные воды. Ваш флот не нападет на корабль другой державы из-за утонувшей лодки, или все страны мира выразят ему свое осуждение в связи с актом агрессии. Единственный выход для них — торговаться с арабами о возвращении корабля. К тому времени я уже получу свою плату за находку — триста миллионов английских фунтов, помещенных в швейцарский банк, и буду на полпути к ним.

— Вам не удастся покинуть эту вершину, — сказал Питт с искаженным холодной ненавистью лицом. — Через восемь минут вы умрете.

Дельфи перехватил взгляд Питта.

— Вот как? Я умру, да? — Он отвернулся, словно от надоедливого насекомого, и пошел к выходу. Но оглянулся. — В таком случае, у меня будет одно утешение: я буду знать, что вы погибли первым. — Он кивнул охранникам. — Выбросьте их в море.

— Никакого последнего утешения осужденным? — спросил Питт.

— Нет, — с сатанинской улыбкой ответил Дельфи. — Прощайте, майор Питт. Спасибо за интересный рассказ.

Звук его шагов замер, наступила тишина. До назначенного часа оставалось пять минут.

Глава 18

Джордино изогнулся, опираясь на локти, тело его содрогалось, глаза закатились. Он скатился с дивана, схватившись за горло. Он сдерживал дыхание, пока лицо не побагровело, даже сберег для этой минуты комок слюны и выпустил его между губами в облаке брызг. Мастерское исполнение. Внимание сбитых с толку охранники было захвачено.

Питт наблюдал, как охранники, продолжая держать его под прицелом, подошли к Джордино и за обвисшие руки подняли его. По-прежнему не говоря ни слова, они знаком приказали Питту следовать за ними.

Он кивнул, пересек комнату и остановился напротив Саммер.

— Саммер, — тихо сказал он. Прикоснулся к ее плечу, посмотрел в усталое лицо. — Мне нужно очень многое сказать, но на это нет времени. Пойдешь со мной?

Она кивнула и сделала знак охранникам. Те понимающе наклонили головы. Саммер взяла Питта за руку и вывела в хорошо освещенный коридор, вырубленный в камне.

— Прости.

Ее голос был едва слышен.

— За что? Это все не твоих рук дело. Ты дважды спасла меня. Почему?

Она притворилась, что не слышит. Посмотрела Питту в глаза; ее лицо излучало такую мягкость и красоту, что все остальное стало казаться тусклым и блеклым.

— Когда ты рядом, у меня странное ощущение, — прошептала она. — Это не просто счастье или удовлетворение, но что-то еще. Не могу описать.

— Это чувство называется любовь, — нежно сказал Питт. Он наклонился, поморщившись от боли в плече, и поцеловал ее в глаза.

Охранники по обе стороны от Джордино остановились; казалось, они растерялись. Ноги Джордино волочились по полу, голова лежала на правом плече. Он негромко стонал, не открывая глаз. Охранники не заметили, что руки Джордино медленно переместились по их плечам и расположились возле шей. Неожиданно оба мощных бицепса сократились, и охранники ударились друг о друга, кость о кость.

Джордино стоял на израненных ногах и довольно улыбался.

— Мастерство, а?

— Каждое движение — залюбуешься, — улыбнулся в ответ Питт. Он взял Саммер за подбородок. — Поможешь нам выбраться отсюда?

Она медленно подняла голову и сквозь растрепанные рыжие волосы, как испуганный ребенок, посмотрела на него. Потом обняла за талию и прижалась к нему. Слезы заполнили ее серые глаза.

— Я люблю тебя, — сказала она, наслаждаясь своими словами. — Я люблю тебя.

Питт снова поцеловал ее, в губы.

— Не хочу вам мешать, — вмешался Джордино, — но у нас нет времени.

Саммер пошла вперед, глядя на лежащих без сознания охранников.

— Мы должны уйти, пока нас не застали другие люди отца.

— Подожди, — сказал Питт. — А где Адриана Хантер? Надо забрать ее с собой.

— Они спит в комнате рядом с моей.

— Отведи нас туда.

Она мягко коснулась его плеча.

— Но как? Ты ранен, а твой друг не может ходить.

— Я много лет несу этот крест.

Питт наклонился к Джордино, и тот, без слов поняв друга, обхватил его за шею. Тогда Питт просунул руку под колено Джордино и распрямился.

— Я, наверно, похож на малыша-индейца, — проворчал Джордино.

— Но весишь не как малыш. — Питт кивнул Саммер. — Ладно, веди.

Саммер пошла вперед, оглядывая коридоры в обоих направлениях, чтобы убедиться — все чисто.

Они шли, пока не услышали, что кто-то приближается по боковому коридору. Саммер махнула рукой, Питт ослабил хватку и вместе с Джордино скользнул в дверь. Теперь в коридоре отчетливо звучали шаги.

В те пять секунд, пока шаги становились громче, сердце у Питта колотилось от усилий, лицо вспотело. Один человек в хорошей форме против двух калек. Две здоровые ноги против двух усталых. Питт решил, что преимущество явно не на их стороне. Но вот шаги миновали дверь и стали удаляться в противоположную сторону.

— Пошли, — прошептала Саммер из другой двери дальше по коридору. — Сейчас безопасно.

Питт снова поднял Джордино и захромал дальше.

— Как у нас со временем? — спросил он.

— Не успеем, — мрачно ответил Джордино, — если ракету выпустят по расписанию.

— Конечно по расписанию, — тяжело дыша, сказал Питт. — Дельфи ошибался. Если Флот не получит ответа на предложение сдаться, он расценит это как вызов и разнесет подводную вершину.

Саммер взяла Питта за руку и повела, как могла, поддерживая измученное, перенапряженное тело. Питт спотыкался; переставляя

ноги, он говорил себе: еще немного, еще шаг, и мы дойдем. Наконец, когда сил больше не оставалось, Саммер остановилась у боковой двери. Прижалась к ней ухом и несколько мгновений слушала. Потом легко толкнула дверь и вошла. Питт прошел за ней и опустился на колени, уложив Джордино на роскошный красный ковер.

Саммер подбежала к большой резной кровати у дальней стены и затрясла спящую Адриану.

— Проснитесь, мисс Хантер. Пожалуйста, проснитесь!

В ответ Адриана негромко застонала; Саммер взяла ее за руку и стащила обнаженное тело с кровати.

Увидев на полу Питта и Джордино, Адриана мгновенно проснулась. Не пытаясь прикрыть наготу, она пробежала через комнату и склонилась к Питту.

— О господи, Дирк! Что с тобой? Как ты сюда попал?

— Мы за тобой, — ответил он, судорожно глотая воздух.

Она медленно, недоверчиво покачала головой.

— Нет, нет, это невозможно. Отсюда нет выхода.

— В соседней комнате, в спальне Саммер, есть выход в море.

Питту помешал говорить раскатистый грохот взрыва. Комната задрожала от далеких взрывных волн. Ракета с «Монитора» ударилась о воду над подводной вершиной. Бархатные занавеси задрожали, несколько кораллов-украшений упали со стен и разбились.

— Объяснять некогда! — выпалил Питт. — Все вон!

Саммер выглядела смущенной и растерянной. Ее словно парализовало.

— Я не могу... отец...

— Уходи с нами или погибнешь, — сказал Питт. — В любую секунду эта гора рухнет.

Несколько секунд она не шевелилась, но тут комнату снова тряхнуло, и это привело ее в чувство. Саммер побежала к своей комнате, Адриана за ней. Питт с Джордино тяжело двигались в тылу.

Они едва успели войти в экзотическую синюю спальню Саммер, как чудовищный толчок бросил их на пол. Упругая волна, порожденная гигантским объемом воды, ворвавшейся через все щели и трещины на верхнем уровне подводной вершины, пронеслась по коридорам, как поезд-экспресс, сметая все на своем пути.

Питт с трудом поднялся, забыв о боли. Он захлопнул дверь в коридор, схватил Адриану за руку и, разведя занавески, втолкнул ее в туннель. Потом наткнулся на упавшую Саммер, подхватил ее на руки и бросил на Адриану. В это мгновение огромное зеркало сорвалось с потолка, разбившись на осколки, которые едва не задели Питта. За стеклом последовал каскад воды, сопровождаемый грохотом и скрежетом: комнату разрывало на части.

— Эл! — закричал Питт в потоке камней и воды.

— Здесь! — крикнул в ответ Джордино. Он помахал из-под каменного туалетного столика.

Питт прошел через поднимающуюся молочно- белую пену и вцепился во вскинутую руку Джордино.

— Отойди! — крикнул Джордино. — Если потащишь меня, сам не выберешься.

— И потеряю возможность заработать знак отличия[11]?

Он закинул руку Джордино себе на плечо и наполовину понес, наполовину потащил друга в туннель. К тому времени как они добрались до туннеля, вода поднялась им по колено и бушевала в темноте.

— Женщины, бегите вперед! — приказал Питт.

Второй раз приказывать не пришлось. Адриана и

Саммер с плеском неуклюже пошли по узкому туннелю.

Идти быстро с Джордино не получалось, и вскоре Питт потерял девушек из виду в темноте. Течение бросило его на пандус, заставило споткнуться и упасть. Он погрузился с головой и невольно глотнул соленой морской воды. Подавившись, Питт встал на колени и умудрился проделать остаток пути благодаря помощи сильной мускулистой руки, появившейся словно ниоткуда.

Как ни удивительно, это был Джордино. От боли в ногах он скрипел зубами.

— Вот о таких добрых делах приходится всю жизнь сожалеть, — пробурчал Джордино.

— Жалуйся, жалуйся, — выговорил Питт, выплевывая морскую воду. — Ты только это и умеешь. Пошли, нужно поймать лодку.

Скользкий каменный пандус постепенно превратился в лестницу, и Питт обнаружил, что идти стало легче. Желтые фосфоресцирующие камни градом сыпались с купола пещеры, напоминая метеоритный дождь.

Поток воды сократился, вода лилась в бассейн внизу по другую сторону лестницы, и Питт начал видеть, куда ступает.

— Держись, старина, — ободряюще сказал он. — Мы почти пришли. Две статуи должны быть за следующим поворотом.

— Женщин не видел? — спросил Джордино.

— Пока нет.

Девушки были где-то рядом, Питт в этом не сомневался. Теперь его подхватила волна уверенности. Они слишком близки к смерти. Но ведь они пережили взрыв. Когда окажутся в воде, короткое плавание — и они на поверхности. Конечно, их могут погубить поджидающие акулы, или они могут утонуть от истощения. Но они еще живы, и Питт будет тащить их, пока последняя дверь не захлопнется у них перед носом. Он пошел быстрее, перетаскивая Джордино через две ступеньки за раз, стараясь как можно скорее завершить эту часть клаустрофобического путешествия. Если придется умереть, то лучше под знакомыми касаниями солнца и неба.

Они огибали последний поворот. Питт увидел Саммер. Женщина стояла на краю бассейна в желтом фосфорическом свете, как одна из статуй.

Показалась и Адриана, она тяжело опиралась на постамент одного из изваяний и смотрела на них глазами, полными ужаса.

— Дирк... поздно, — сказала она. — Он...

Питт перебил ее на середине предложения:

— Нет времени на разговоры. Крыша вот-вот обрушится.

Последние слова застряли у него в глотке. Смешанные чувства усталости, боли, радости и надежды сплелись в клубок отчаяния. Из-за статуй морских богов выступил Дельфи. В правой руке он держал большой кольт и целился прямо в лоб Питту.

— Сбегаете в разгар веселья? — сказал он, и лицо его исказилось от ненависти.

— Привык рано ложиться, — ответил Питт, беспомощно пожимая плечами. — Можете убить меня прямо сейчас. У вас мало времени, если хотите спасти остальных.

— Какое благородство, майор, — сказал Дельфи. Его лицо оставалось жестокой маской зла. — Но вас не должны интересовать подробности. Только мы с дочерью покинем эту пещеру живыми.

Несколько мгновений все молчали. Слышался только плеск — это падали в воду камни. В глубине горы громовая дрожь сотрясла вырубленные в древности пещеры. Скоро, очень скоро Каноли будет полностью разрушен и уже не возродится.

Неожиданно по пещере прокатился взрывной звук, перешедший в громовое крещендо; каменные стены задрожали.

Вначале Питту показалось, что это выстрелил Дельфи. Потом он понял, что звук идет сверху. Одна стена раскололась и лавиной обрушилась на лестницу. Питт сильно толкнул Саммер, сбросив ее в желтый бассейн, а сам упал на Адриану, прикрывая ее своим телом.

Лавина в тысячи тонн золотистых камней катилась со стены, погребая под собой лестницу. Одна из резных, похожих на сфинкса статуй оставалась на постаменте, но вторая уступила напору и опрокинулась. Ошеломленному Питту она напомнила ковбоя, упавшего с лошади посреди бегущего в панике стада.

Когда камни безжалостно обрушились ему на спину, Питт стиснул зубы и напряг мышцы. Один катящийся камень ударил его в бок, и он скорее услышал, чем почувствовал, как лопнуло ребро. Кровь потекла по лицу из ссадины на голове; лицо зудело. Сквозь грохот он услышал пронзительный крик. Казалось, тот доносился издалека, но Питт тут же понял, что кричит Адриана, всего в нескольких дюймах от него и в неконтролируемой истерике. Камни продолжали катиться, покрывая ноги Питта, потом тело по пояс. Он крепче прижал к себе Адриану, словно пытался объятием выдавить из нее страх.

Прошла почти минута, прежде чем Питт понял, что воцарилась глубокая тишина, прерываемая лишь изредка скрежетом катящихся камней и плеском их падения в воду. Теперь он чувствовал судорожные движения Адрианы; девушка всхлипывала в немом ужасе.

Он медленно поднял голову и всмотрелся в груды камней. Дымка фосфоресцирующей пыли висела во влажном воздухе пещеры и, как рой золотистых светляков, медленно оседала на каменный пол. Одна статуя продолжала стоять, холодно глядя в пустоту, а ее подножие было окружено толстым слоем обломков. Вторая отсутствовала, но, приглядевшись внимательнее, Питт увидел сбоку ее обломки.

И тут возле разбитой скульптуры что-то пошевелилось; над грудой осколков статуи видны были только голова и плечо. Изо рта текла кровь, но человек словно не замечал этого. Золотые злобные глаза сузились, когда человек узнал Питта.

Теперь стало светлее, и Питт с Дельфи увидели «кольт» одновременно; его стальной ствол торчал из обломков в четырех футах от головы

Дельфи. Питт проклинал свою беспомощность; рука Дельфи медленно ползла к револьверу. Собрав все оставшиеся силы, Питт старался освободиться, но ноги были слишком глубоко погребены камнями. Дыхание вырывалось неровными толчками; мозг охватило растущее ощущение безнадежности. «Кольт» был на целых два фута ближе к Дельфи.

Лицо Дельфи перекосилось от напряжения, кожа блестела от пота. Он молчал, экономя каждую каплю убывающих сил. Он снова посмотрел на Питта, покачал головой, словно охваченный сильнейшим пароксизмом ненависти, и вытянул пальцы к кольту. Для Питта время замедлилось и наконец как будто остановилось. Он начал лихорадочно сбрасывать камни с ног, но каждая попытка вызывала страшную боль, и силы с каждым движением убывали.

Пальцы Дельфи коснулись «кольта». Ствол чуть наклонился. Дельфи двумя пальцами зацепил курок и потянул. Револьвер сдвинулся на восьмую дюйма, но Дельфи не сумел удержать его.

Он снова и снова повторял свои попытки. И наконец «кольт» был в пределах досягаемости его ладони. Тогда он с такой силой стиснул рукоятку, что костяшки пальцев побелели.

Дельфи закашлялся, и у него изо рта полилась кровь, запятнав камни под ним. Но он не отказался от своего намерения, лицо его дьявольски исказилось. Он поднял ствол, ощупью отыскал курок. Улыбнулся, показав окровавленные зубы; Дельфи наставил ствол точно Питту между глаз.

Неожиданно в нескольких футах перед Дельфи началось какое-то движение. Питт как зачарованный смотрел на руку, появившуюся из осколков. Как рука призрака из могилы, она описала дугу в сторону Дельфи. Медленно сложилась в кулак (только мизинец торчал). А потом кулак с быстротой молнии опустился на ствол, а мизинец по первый сустав исчез в стволе.

Джордино не мог дотянуться до оружия, поэтому заткнул пальцем ствол, зная, что, если Дельфи нажмет на курок, ствол разорвется прямо перед его лицом.

В глазах Дельфи отразилось невероятное удивление. Он стал слабо дергать «кольт» из стороны в сторону — сил не оставалось; он уже не мог держать револьвер ровно, тем более бороться, чтобы устранить препятствие. Палец Джордино оставался в стволе. Дельфи как будто задумался над ситуацией, но тьма начала окутывать его сознание. Он в последний раз улыбнулся и нажал на курок.

Приглушенный грохот потряс пещеру; с куполообразного потолка обвалилось несколько небольших камней.

Правая сторона лица Дельфи исчезла. Покореженный револьвер выпал у него из руки, а сам Дельфи упал вперед, тяжело ударившись головой о камни.

Джордино не издал ни звука. Рука его по-прежнему была вытянута, он разжал кулак и показал четыре пальца — мизинец оторвало у самого основания.

Питт возобновил борьбу с удерживавшими его камнями. Наконец ему удалось освободиться. Он поднял Адриану и прислонил к стоящей статуе. Девушка была без чувств.

— Если ты в состоянии, — сказал Джордино напряженно кривя рот, — как насчет того, чтобы вытащить меня из обломков?

— Держись, — ответил Питт.

Он пополз по камням к Джордино. Вместе они принялись разбрасывать камни, покрывавшие все тело Эла, кроме лица и правой руки.

— Кроме мизинца, есть сломанные кости? — спросил Питт.

— Нет, — напряженно ответил Джордино, морщась от боли в руке. — А у тебя?

— Пара ребер, — выпалил Питт. Он снял плавки и принялся рвать их на полосы. — Давай перевяжу руку.

— О рубашке, снятой ради друга, я слыхал, — сказал Джордино, благодарно улыбаясь, — но это что-то новенькое.

Едва закончив, Питт услышал низкий стон с той стороны осыпи, которая исчезала в пруде. Из воды выбиралась Саммер с остекленелыми, ошеломленными глазами. Она посмотрела на Питта.

— Отец... что...

Дальше последовало что-то нечленораздельное.

— Спокойней, — сказал Питт. — Через несколько минут мы отсюда выберемся и будем в безопасности.

Он привлек ее к себе и взял на руки. Пальцами нежно отвел волосы с лица; стал виден красный порез на виске, уже начавший опухать и темнеть. Питт прошептал ей несколько слов на ухо и поцеловал в губы.

Вода в пещере быстро прибывала, лестница постепенно погружалась, но Питт этого не замечал. Лицо его было сосредоточенным. Питту было

жаль Саммер. Хотелось сказать, что он ее любит, но губы его шевельнулись беззвучно. Она посмотрела в глаза Питту словно издалека. Губы Саммер дрогнули, она положила руку ему на грудь.

— Он мертв, верно?

— Да, погиб в камнепаде, — солгал он, но это была небольшая ложь. Разорвавшийся «кольт» лишь ускорил гибель Дельфи. Его переломанное, изуродованное тело все равно больше не могло жить.

— Не хочется вам мешать, — сказал Джордино, — но, думаю, нам лучше валить отсюда, пардон за выражение, пока не обрушилась крыша.

Питт еще раз поцеловал Саммер в губы и с трудом встал. Он хотел попросить Джордино позаботиться об Адриане, когда появилась она сама, нагая, покрытая золотой фосфоресцирующей пылью, похожая на позолоченную нимфу.

— Плыть сможешь? — спросил ее Джордино.

— Попытаюсь, — слабо ответила она.

— Эл, вы с Адрианой идете первыми, — сказал Питт. — Пусть держится за твои плечи. Мы с Саммер за вами. — Он успокаивающе кивнул Джордино. — Встретимся в следующей пещере.

Джордино осмотрелся.

— Жаль, нет нашего снаряжения.

— А хоть бы и было? Мы никогда не нашли бы его под таким завалом.

— Пошли, — сказал Джордино Адриане. — Великий Западный и Тихоокеанский подводный экспресс Элберта Джордино никого не ждет. — И он мягко увел Адриану в воду. Идти ему было тяжело, но плыл он без труда. Он взял ее руки, обвил ими свою бычью шею, и Адриана зарылась лицом в его спину между лопатками. — Держись крепко и сделай глубокий вдох, — приказал он.

И они исчезли, оставив только расходящиеся круги.

Саммер оглянулась на груду камней вокруг разбитой статуи.

— Ничего нельзя сделать? — спросила она.

— Ничего.

Горе — необычное чувство. Печальное милое лицо Саммер стало вдруг необыкновенно спокойным и одновременно решительным.

— Я люблю тебя, Дирк, но я… не могу пойти с тобой.

Питт уставился на нее.

— Вздор.

— Пожалуйста, пойми, — взмолилась она. — Эта морская гора всегда была моим домом. Здесь похоронена моя мать, а теперь и отец.

— Но это не причина самой умереть здесь.

Она прижалась лицом к его груди.

— Когда-то я пообещала отцу, что никогда его не оставлю. И должна выполнить обещание.

Питт поборол желание приказать ей нырнуть. Вместо этого он погладил ее по голове и нежно сказал:

— Я эгоист. Твой отец умер, и теперь ты моя. Я хочу тебя. Ты мне нужна. Даже отец не хотел бы, чтобы ты погибла, выполняя детское обещание. — Он крепче обнял ее. — Хватит споров. Уходим вместе и немедленно.

Саммер по-прежнему тихо плакала, когда они рука об руку скользнули в желтую воду.

Джордино и Адриана сидели на уступе в другой пещере, когда Питт и Саммер вынырнули из воды.

— Почему вы так долго? — спросил Джордино. — Я проголодался, пока ждал.

Питт оставался в воде, держась за уступ: он не в силах был подняться.

— Мы уже на полпути к дому, — уверенно сказал он. — Небольшое плавание к поверхности — и домой, в Гонолулу.

Идем в том же порядке, — продолжал он решительно. — И помните: выдохните, когда пойдете к поверхности. Нам только воздушной эмболии не хватало.

Он повернулся к Саммер. Вода превратила ее зеленое платье в прозрачную вуаль, и влажная ткань облепляла все изгибы ее тела. Питт знавал много самых разных женщин, но все они блекли в сравнении с этой, с подводной горы. Его мысли были так заняты Саммер, что он едва заметил, как Джордино и Адриана скользнули в воду.

— До встречи наверху, — сказал Джордино с улыбкой.

Но не мог скрыть тревогу во взгляде. Невозможно было сказать, что ждет их на поверхности. Если вообще что-то ждет.

Питт сумел улыбнуться в ответ.

— Удачи. Следи за акулами.

— Не волнуйся. Если увижу, укушу первым.

Он помахал здоровой рукой и вместе с Адрианой, которая снова обхватила его за шею, нырнул и поплыл в сторону подводного входа.

Странная тишина охватила грот. Мутная вода ласково плескалась у стен и омывала прикрепившуюся к камням мелкую морскую фауну. По крыше плясал проникавший снаружи тусклый свет, отбрасывая тени на неровную поверхность.

— Наверху нас обоих ждет новая жизнь, — тихо сказал Питт.

Саммер посмотрела в зеленые глаза Питта и легко погладила его по щеке. Потом заплакала, разрываясь между любовью к отцу и любовью к этому мужчине, которого едва знала. Она пыталась принять решение, длинные волосы цвета заката ниспадали мягкими волнами, слезы на щеках смешивались с морской водой. И тут она поняла, что должна сделать.

— Я готова, — сказала она. — Ты тяжело ранен, иди первый.

Питт молча кивнул, признавая логику ее слов. Он поцеловал ей руку. Улыбнулся, нырнул и исчез.

Саммер смотрела, как его обнаженное тело проплывает под скалами и исчезает в море.

— Прощай, Дирк Питт, — сказала она в пустом гроте. Поднялась на уступ, изогнула гибкое тело и аккуратно нырнула. Бросила взгляд на освещенный солнцем выход во внешний мир. Развернулась и поплыла назад, в желтую пещеру, к отцу.

Чем выше Питт поднимался, тем теплее становилась вода. Пятьдесят футов, подумал он, столько показал глубомер Джордино, когда они входили в небольшую пещеру с воздушным карманом. Он всматривался в синевато-зеленую воду, едва различая ритмичные покачивания водной глади наверху. Постепенно выдыхал, уменьшая давление в легких, и с рассеянным любопытством наблюдал за пузырьками воздуха; те парили рядом с головой, словно подвешенные в пространстве.

Питт вынырнул на поверхность, под горячие лучи тропического солнца. Воздух врывался в легкие и вырывался из них, как под давлением пневматического поршня. На несколько мгновений Питт расслабился, насколько позволяло измученное, ноющее тело, и закачался на ласковых волнах. Перед глазами прояснилось, он поискал Джордино и

Адриану и увидел их в двадцати футах от себя: их головы показались на гребне волны, прежде чем снова исчезнуть между волнами.

Неожиданно внизу послышался громовой рокот, и море покрылось массой пузырей. Потом из глубины вырвалось множество кусков дерева, масляных пятен, рваных кусков ткани. Конец Каноли, конец Тихоокеанского Водоворота.

Питт поискал Саммер, в отчаянии оглядывая гребни волн. Ни следа пламенеющих рыжих волос. Он окликнул ее по имени. Но в ответ слышался только далекий рокот со дна. Окунувшись с головой, он поплыл обратно, чтобы отыскать ее. Но тело не слушалось — оно давно достигло пределов выносливости. Где-то поблизости слышались искаженные голоса; Питт из последних сил барахтался, чтобы остаться на поверхности.

Чудовищная рыба — единственное описание, какое сумел дать его утомленный мозг, — чудовищная черная рыба поднялась из глубин и повисла над его головой, угрожая проглотить то, что от него осталось. Питту было все равно: пусть. Море дало ему любовь только затем, чтобы отобрать ее, увлечь в свои пучины.

Что-то схватило его за руки и прочно держало. Почти без чувств от усталости, он посмотрел вверх. С чудовищной рыбы на него смотрели какие-то искаженные лица, его обнаженное израненное тело осторожно подняли и закутали в одеяло. Одно из лиц отделилось от остальных и приблизилось к Питту.

— Боже! — в ужасе сказал Кроухейвен. — Что с вами?

Питт хотел ответить, но подавился и закашлялся, выплескивая на одеяло морскую воду и рвоту. Он хрипло прошептал:

— Вы... «Старбак»... вы подняли лодку?

— Кроухейвену везет, — терпеливо ответил тот. — Ракета с «Монитора» взорвалась на противоположной стороне подводной горы, и это частично защитило нас от подводных ударных волн. А сотрясения оказалось достаточно, чтобы высвободить днище «Старбака». Конечно, наверху не понравится то, что я сделал с подводной лодкой. Левый винт полностью срезан, а правый похож на крендель.

Питт приподнял голову. Джордино и Адриана тоже на борту, тоже закутаны в толстые белые шерстяные одеяла. Флотские. Один из моряков обрабатывал руку Джордино.

— Девушка... здесь должна быть еще одна девушка...

Кроухейвен возвышался над Питтом.

— Успокойтесь, майор. Если она здесь, мы ее найдем.

Питт закашлялся и лег. Он чувствовал себя измученным и обессиленным. В голове была пустота, на него наползал черный туман.

Люди Кроухейвена искали бесконечно, но не нашли ни следа Саммер. Тайны Каноли были погребены навсегда.

Эпилог

На мыс Каена надвигался прилив; прибой накрывал песок, касаясь подножий нависающих утесов. Когда очередная волна отступала, снова показывался чистый, промытый приливом песок, и маленькие крабы начинали рыть новые гнезда в слежавшихся песчинках.

Питт стоял на одном из утесов и смотрел на беспокойную воду. Он стоял долго. Прилив достиг высшей точки и начал отступать. Здесь все началось, думал Питт. И здесь для него все кончится. Но он знал: есть такое, что вечно остается в сердце человека, пока оно бьется.

Над головой на широко расправленных крыльях лениво проплыл альбатрос. Потом, словно чуя опасность, повернул и полетел на север. Питт смотрел вслед крупной черно-белой птице, пока она не превратилась в черную точку и не исчезла наконец в голубом небе.

Он чувствовал аромат красного жасмина, цветки которого держал в руке; откуда-то из-за горизонта тихий голос словно произнес: «А ка макани хема па». Слова принес легкий ветер со стороны океана.

Питт внимательно прислушивался, но больше ничего не услышал. Он несколько мгновений смотрел на букет, потом бросил его в море и стал смотреть, как прибой накатил на цветы красного жасмина и разбросал их по пенному песку.

Отворачиваясь от моря, Питт испытывал огромное облегчение. Когда его «Кобра» запрыгала по пыльной дороге, он начал насвистывать. Тонкое облако пыли медленно оседало на пустой пляж.

Примечания

1

Американский пловец, девятикратный олимпийский чемпион по плаванию.

2

Примерно 60 футов.

3

Автомобиль компании «Форд», производившийся в конце 1950-х годов.

4

Героиня детской книги Кейт Дуглас Уиггинс, написанной в 1903 году.

5

Предполагаемый убийца нескольких женщин в начале 1960-х годов в городе Бостоне.

6

Письмо «Дорогой Джон» — письмо мужа или бойфренда с сообщением о прекращении отношений, обычно потому что автор письма встретил другую возлюбленную. Такие письма отправляют, когда хотят избежать непосредственного объяснения.

7

«Андреа Дориа» — итальянский трансатлантический лайнер, флагман «Италиан Лайн». 26 июля 1956 года затонул через 11 часов после столкновения с лайнером «Стокгольм» у побережья Нью-Йорка.

8

Герой комиксов и нескольких кинофильмов.

9

Голубая лента — знак высшего качества чего-либо.

10

Имеется в виду стихотворение Роберта Бернса «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом», строчка из которого стала пословицей.

11

Merit Badge, знак отличия — знак, которым награждались бойскауты.